

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Воронежский государственный университет»
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Борисоглебский государственный педагогический институт»

*Посвящается 70-летию историко-
филологического факультета
Борисоглебского государственного
педагогического института*

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Продолжающееся научное издание

Выпуск 1

Воронеж – Борисоглебск
2010

ББК 81
УДК 81-11

Сборник адресован филологам, специалистам в области когнитивных исследований, преподавателям русского и иностранного языков, а также всем интересующимся проблемами лингвистической семантики и когнитивной лингвистики.

Рецензенты

Самокрутова Л.В., кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»;

Юмашева Г.Ю., кандидат филологических наук, доцент, проректор по воспитательной работе ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»

Редакция

К.ф.н.Шаманова М.В., к.ф.н.Борисова Е.В. – научные редакторы, д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н. Стернин И.А.

ISBN 978-5-85897-484-0

© Коллектив авторов, 2010

Семантико-когнитивные исследования: международный сборник научных трудов / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Вып.1. – Воронеж – Борисоглебск: «Истоки», 2010. – 163 с. – 200 экз.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лексическая и фразеологическая семантика

Л.Н. Верховых

«Вкусные» фамилии

Традиционно на Руси распространенной группой прозвищ были такие, в основе которых разнообразные названия пищи (хлебобулочные изделия, похлебки, супы, каши, кисели) и наименования, связанные с продуктами питания.

Нами изучается антропонимия западной части Воронежского Прихопья. В настоящее время в селе Красное Новохоперского района Воронежской области выявлены следующие фамилии, восходящие к прозвищам, образованным от названий пищи: *Кваскóв*, *Киселёв*, *Кисиль*, *Мáсин*, *Проскурин*, *Пиёнкин*, *Солодкóв*, *Сúслов*, *Соломáтин*, *Хáрченко* (данные 2006 г.). Рассмотрим их.

Кваскóв < *Квасок* < *квас*. Одно из значений слова *квас* – «русский напиток из квашеной ржаной муки (сыровец) или из печеного хлеба с солодом» (Даль 1955, т. 2, с. 102-103).

Киселёв, *Кисиль* < *Кисель* < *кисель*. Антропоним *Кисиль* имеет украинские фонетические черты (*и* в закрытом слоге на месте *е* этимологического).

Мáсин < *Мясо* < *мясо*.

Проскурин < *Проскура* < *проскуrá* «стар. и юж. просвира, просфора» (Даль 1955, т. 3, с. 529).

Пиёнкин < *Пиёнка* < *тиёнка* «маис, кукуруза, початки» (Даль 1955, т. 3, с. 568], также каша из пшена.

Солодкóв < *Солодко* / *Солодок* < *солóдкий* «юж. зап. сладкий; смл. пск. вор. смачный, вкусный, сладимый», *солóдка* – растение лакрица, *сóлод* «хлебное зерно, теплом и мокротою пущенное в рост, засушенное и крупно смолотое; проросший хлеб, в котором образуется сахарное начало, сладимый вкус» (Даль 1955, т. 4, с. 266-267).

Сúслов < *Сусло* < *сúсло* «сладковатый навар на муке и солоде; готовый пивной навар; винокурн. выбродивший затор, из которого гонится водка; густой поташный щелок для выварки поташа» (Даль 1955, т. 4, с. 364).

Соломáтин < *Саламата* < *саламáта* «сib. соломат, завариха, калужка, пресная, вскипяченная болтушка; жидкий киселек, мучная кашица пожиже размазни; ее варят из всякой муки, едят с солью и маслом; влгд. овсяная крупа, поджаренная на масле или сале» (Даль 1955, т. 4, с. 130). В фамилии отражена гиперкоррекция писцов.

Харченко < *Харч* < *харч* «съестной припас, пища, еда, продовольствие; привар, пища кроме хлеба, особ. мясная, мясо; сев. вост. охотничий припас, порох и дробь»; *харчі* «расходы, издержки, убытки, протори по делу» (Даль 1955, т. 4, с. 543). Также фамилия может восходить к гипокористической форме имен Харитон или Захарий (Трийняк 2005, с. 398,138).

В Государственном архиве Воронежской области в Ревизских сказках по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 1816 г. находим, что в селе Красное бытовали фамилии *Кулебенков* (л. 895) (*кулебяка* – длинный (не круглый) пирог из кислого теста с кашей или с капустой и с рыбой) (Даль 1955, т. 2), *Макухин* (л. 730) (*макуха* – сбоина, жмыхи, выжимки разных семян – маковых горчичных, конопляных и пр.) (Даль 1955, т. 2), *Пряникин* (л.786), *Скибин* (л.798, 843, 893, 894) (*скеба / скиба, скибка* – щепка, ломоть, особенно ломть хлеба, скосок (Даль 1955, т. 4), *Харченков* (л. 870) (*харчи* – съестной припас, пища, еда, продовольствие; привар, пища, кроме хлеба, особ, мясная, мясо) (Даль 1955, т. 4).

Сравним архивные данные с антропонимами «Словаря древнерусских личных собственных имен» М.Н. Тупикова. Прозвища *Кулебяка* в словаре Н.М. Тупикова нами не обнаружено. Встретившееся именование *Кульбака* (Тупиков 2004, с. 216) М. Фасмер соотносит с южн. *кульбака* «седло» (Фасмер 1986, с. 412), поэтому данную лексему не рассматриваем в качестве родственной *кулебяка*.

Именование *Макуха* известно с 1673 г. – «Игнатий Макуха, белоцерковский полковник» (Тупиков 2004, с. 356).

Скибкой именовали любомльского крестьянина Иванца (*Иванец Скибка*) в 1564 г., известен и *Иван Скиба*, атаман запорожский (1649 г.). Антропонимов *Пряникин*, *Харченков* (и близких им) в словаре Н.М. Тупикова не обнаружено.

Класс рассматриваемых фамилий относится к фамилиям с некалендарной основой и является одним из древних, некоторые антропонимы существуют около четырех с половиной столетий.

Государственный архив Воронежской области, ф. И-18, оп.1, д. 205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта-6 августа 1816 г. – С. Красное. – Л. 716-915 (ГАВО).

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Трійняк, І.І. Словник українських імен / І.І. Трійняк. – Київ: Довіра, 2005.

Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М.Тупиков. – М.: Русский путь, 2004.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / М. Фасмер. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986.

Отношения в лексико-семантической группе «Холодное оружие»

Наша статья посвящена изучению семантических отношений лексики, обозначающей наименования оружия в русском языке. Этот разряд лексики занимает немаловажное место в языке и процессах коммуникации.

Пользуясь материалами Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, мы выявили 65 наименований оружия. На базе словарных дефиниций при помощи метода компонентного анализа определен семный состав слов данной группы.

Исходя из данных компонентного анализа, все наименования оружия по общности той или иной семьи мы объединили в ЛСГ («Артиллерийские орудия», «Огнестрельное оружие», «Холодное оружие», «Метательное оружие») и выявили в их составе более узкие объединения – «микрообъединения» (антонимическую и синонимическую парадигмы, лексико-семантические подгруппы, установили родо-видовые отношения).

Рассмотрим отношения внутри ЛСГ «Холодное оружие».

Термин «холодное оружие» обозначает рубящее, колющее или режущее оружие для рукопашного боя (пика, штык, сабля и т.п.) в отличие от огнестрельного (БТС 2003, с. 1450).

В Большом толковом словаре находим 22 таких наименования, представленных следующими дефинициями:

алебарда – старинное холодное оружие в виде копья с насаженным на него боевым топором или секирой;

бердыши – старинное холодное орудие – широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке;

булава – старинное ударное оружие в виде тяжелой каменной или металлической головки, насаженной на короткую рукоятку;

кастет – род холодного оружия в виде металлической пластины, зажимаемой в кулак, с отверстиями для пальцев;

кинжал – холодное оружие в виде обоюдоострого короткого клинка;

кистень – старинное оружие для нанесения ударов, состоявшее из короткой палки с подвешенным на ремне или цепи металлическим шаром, гирей и т.п. и с петлей на другом конце, надевавшейся на руку;

копье – колющее или метательное оружие, состоящее из длинного древка с острым металлическим наконечником;

кортик – холодное колющее офицерское оружие с коротким граненым клинком и небольшой рукояткой;

меч – старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой;

нунчак, нунчаки – один из видов холодного оружия в восточных единоборствах: две короткие дубинки, скрепленные стальной цепочкой;

палаши – холодное оружие, подобное сабле, но с прямым и широким однолезвийным (к концу обоюдоострым) клинком, бывшим на вооружении русских кирасирских полков до конца 19 в.;

палица – старинное ударное или метательное оружие – тяжелая дубинка с утолщенным концом;

пика – колющее оружие в виде длинного древка с острым металлическим наконечником;

рапира – колющее оружие с длинным и гибким четырехгранным клинком (в настоящее время употребляется только в учебном и спортивном фехтовании);

сабля – рубящее и колющее оружие с длинным изогнутым клинком;

секира – старинное холодное оружие в виде топора с длинной рукоятью;

тесак – рубящее и колющее холодное оружие с широким и коротким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти;

томагавк – ударное ручное и метательное оружие североамериканских индейцев в виде топорика с длинной рукоятью;

топор – старинное боевое оружие и орудие казни в виде насаженной на деревянную рукоять железной лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой;

шпага – холодное колющее оружие с прямым узким и длинным клинком трёхгранной, четырёхгранной или шестигранной формы;

штык – холодное колющее оружие, прикрепляемое на конец ствола военного ружья, винтовки;

ятаган – у народов Ближнего и Среднего Востока: рубящее и колющее холодное оружие с изогнутым клинком (БТС 2003).

Из выписанных определений выделяем отдельные признаки – семы. Этими признаками будут: ‘холодное оружие’, ‘колющее-рубящее’, ‘рубящее’, ‘старинное’, ‘ударное’, ‘колющее’, ‘клиновое (имеющее боевую часть в виде клинка)’, ‘метательное’, ‘длинное’, ‘короткое’.

Кроме названных сем, вводим в список семы ‘современное’ (антонимична семе ‘старинное’), ‘не клиновое (имеющее боевую часть не в виде клинка)’ (антонимична семе ‘клиновое’).

Составив список сем, строим таблицу семенного состава данной лексической группы.

	холодное оружие	колоно- рубящее	рубящее	старинное	ударное	колоное	клиновое	длинное	короткое	современное	не клиновое	метательное
<i>алебарда</i>	+		+	+				+*			+*	
<i>бердыши</i>	+		+	+				+			+*	
<i>булава</i>	+*			+	+				+		+*	
<i>кастет</i>	+				+				+*	+*	+*	
<i>кинжал</i>	+	+					+		+	+*		
<i>кистень</i>	+*			+	+				+		+*	

<i>копьё</i>	+	*			+		+			+	*	+
<i>кортик</i>	+				+	+		+	+	+	*	
<i>меч</i>	+	+		+		+	+					
<i>нунчак,</i> <i>нунчаки</i>	+				+				+	+	*	+
<i>палаш</i>	+	+		+		+	+	+				
<i>палица</i>	+	*		+	+					+	*	+
<i>пика</i>	+	*				+		+			+	*
<i>рапира</i>	+	*		+		+	+	+				
<i>сабля</i>	+	*	+	+		+	+					
<i>секира</i>	+			+			+			+	*	
<i>тесак</i>	+	+		+		+		+				
<i>тома-</i> <i>гавк</i>	+	*			+			+		+	*	+
<i>топор</i>	+	*		+	+					+	*	
<i>шпага</i>	+			+		+	+	+				
<i>штык</i>	+					+				+	*	+
<i>ятаган</i>	+	+					+					

* – данные семы в этих словах представлены в дефинициях имплицитно.

Исходя из данных компонентного анализа, объединяем наименования холодного оружия по общности той или иной семы в ЛСГ и выявляем в ее составе более узкие объединения – «микрообъединения» (антонимическую и синонимическую парадигмы, лексико-семантические подгруппы, устанавливаем родовидовые отношения).

Лексико-семантическая группа «Холодное оружие» включает:

- 1) антонимические парадигмы: ‘старинное’ – ‘современное’, ‘длинное’ – ‘короткое’, ‘клинковое’ – ‘не клинковое’;
- 2) синонимические пары: *сабля* – *ятаган*, *шпага* – *рапира*;
- 3) тематические группы: а) «Колюще-рубящее холодное оружие» – *кинжал*, *меч*, *палаш*, *сабля*, *тесак*, *ятаган*; б) «Рубящее оружие» – *алебарда*, *бердыши*, *топор*; в) «Ударное холодное оружие» – *булава*, *кастет*, *кистень*, *нунчак*, *палица*, *томагавк*; г) «Колющее холодное оружие» – *копье*, *кортик*, *пика*, *рапира*, *шпага*, *штык*; д) «Метательное оружие» – *копьё*, *палица*, *томагавк*.
- 4) родовидовые отношения: а) *топор* – гипероним, *бердыши* – гипоним; б) *сабля* – гипероним, *палаш* – гипоним; в) в тематической группе «Колюще-рубящее холодное оружие» сема ‘колюще-рубящее холодное оружие’ выступает как гипероним, а члены тематической группы *кинжал*, *меч*, *палаш*, *сабля*, *секира*, *тесак*, *ятаган* – как гипонимы; г) в тематической группе «Ударное холодное оружие» сема ‘ударное холодное оружие’ выступает как гипероним, а члены тематической группы *булава*, *кастет*, *кистень*, *нунчак*, *палица*, *томагавк* – как гипонимы; д) в тематической группе «Колющее холодное оружие» сема ‘колющее холодное оружие’ выступает как гипероним, а члены тематической группы *копье*, *кортик*, *пика*, *рапира*, *шпага*, *штык* – как гипонимы; е) гиперсема ‘холодное оружие’ обобщает гиперсемы ‘колюще-рубящее холодное оружие’, ‘ударное хо-

лодное оружие', 'колющее холодное оружие' и является базовым семантическим показателем всей ЛСГ группы.

Итак, в результате компонентного анализа был выявлен семный состав слов, обозначающих наименования холодного оружия, и произведена их систематизация в ЛСГ с последующим распределением по лексико-семантическим подгруппам, установлены родовидовые и парадигматические отношения. Возможны и другие варианты классификации, тогда состав и количество лексических объединений будет несколько иным.

Большой толковый словарь русского языка; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

Ю.В. Михова

Устойчивые сравнения в двуязычном фразеологическом словаре

Устойчивые сравнения (УС) как фразеологизмы особого типа представляют на сегодняшний день большой интерес. Они неоднократно становились объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов (В.М. Огольцев, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Х. Вальтер и др.), и многие из них рассматривали УС в сопоставительном аспекте, сравнивая несколько языков.

Одной из главных характеристик УС является образность. УС характеризуют свойство или действие, состояние через конкретный образ, сопоставление с которым показывает, как представлено то или иное качество, как происходит то или иное действие (Чернышева 1980, с. 49).

Нередко образы сходных по семантике сравнений могут не совпадать в различных языках. УС прежде всего являются отражением культуры, быта и многовекового опыта какого-либо народа, поэтому образы или эталоны сравнения понятны и привычны члену данной языковой общности и использование того или иного образа в устойчивом сравнении не вызывает вопросов. Но в каждом языке существуют сравнения, вызывающие трудности при подборе эквивалентов на иностранном языке. Это обусловлено, прежде всего, разницей в мировоззрении, национальной культуре, обычаях, в ассоциациях, которые вызывает один и тот же образ, а иногда и отсутствием отдельных реалий в том или ином языке. Например, нем. *passen wie der Faust aufs Gretchen* (букв.: подходить как Фауст к Грефхен) означает *абсолютно не подходить* (Walter 2008, с. 94). Данное УС восходит к персонажам произведения Гёте «Фауст».

В переводческой деятельности подобные сравнения могут вызвать сложности при эквивалентизации, поэтому актуальным остаётся вопрос о сопоставительном анализе УС и о создании двуязычных словарей, где сравнения сопровождались бы лингвокультурологическим комментарием.

При сопоставлении русского и немецкого языков выделяются УС с полной и частичной эквивалентностью, функциональные эквиваленты (фразеологические аналоги), а также сравнения, не имеющие аналогов. О значении фразеологизма с частичной эквивалентностью можно догадаться по контексту, даже если в сравнении используется непривычный для носителя русского или немецкого языка образ, ср.: немецкое УС *schlafen wie ein Dachs* (букв.: спать как барсук) соответствует русскому спать как сурок, оба фразеологизма имеют значение ‘спать очень глубоко’ (Walter 2008, с. 70).

Значение же фразеологизма, не имеющего эквивалента, непонятно без пояснений, ср.: немецкое УС *nachtragend wie ein [indischer] Elefant* (букв.: быть злопамятным как [индийский] слон) не имеет в русском языке аналогов, употребляется в значении ‘быть очень злопамятным’ (Walter 2008, с. 85). Краткий лингвокультурологический комментарий к этому УС в двухязычном словаре мог бы быть следующим: «*слоны имеют очень хорошую память, поэтому они никогда не забудут, как с ними обращались».

Основную часть безэквивалентных фразеологизмов составляют, прежде всего, УС с национальными реалиями. К ним относятся сравнения с компонентами-топонимами: *wie in Buxtehude, wo die Hunde mit dem Schwanz bellen* (букв.: как в Букстехуде, где собаки хвостом лают) – ‘в отдалённом (глухом) месте’ (*оборот построен по известной многим народам фразеологической «формуле невозможного», наполненной национально специфическим содержанием, ср. русск.: у нас в Казани грибы с глазами) (Walter 2008, с. 67); с названиями местных достопримечательностей: *so groß wie das Heidelberger Fass sein* (букв.: быть таким большим, как Гейдельбергская бочка) – ‘обладать невероятно большой вместимостью’ (*сравнение основывается на удивительной достопримечательности в Гейдельбергском замке, которая до сих пор привлекает туристов) (Walter 2008, с. 96).

Иногда в УС, не отражающем специфические реалии, передается житейский опыт, наблюдения, которые отсутствуют в другой лингвокультуре: *jmdn. auseinandernehmen wie ein altes Auto* (букв.: разбирать кого-л. как старый автомобиль) – ‘психологически тестировать, исследовать’ (Walter 2008, с. 41), или *weg sein wie ein toter Fisch* (букв.: исчезнуть как мёртвая рыба) означает ‘лежать под наркозом’.

Иногда сложно найти эквиваленты и для УС, основанных на иронии или игре слов (Чернышева 1970, с. 57): *blau sein wie ein Eckhaus* (букв.: быть синим как угловой дом) – ‘быть сильно пьяным’ (Walter 2008, с. 78); *Einfälle haben wie ein alter Backofen (Ofen)* (букв.: иметь мысли как у старой духовки (печи)) – ‘иметь необычные, сумасшедшие идеи, удивительные мысли’ (Walter 2008, с. 82).

Как правило, невозможно подобрать эквивалент к УС, если оно основано на полной или частичной рифме: *wie jemand geht und steht* (букв.: как кто-л. идёт и стоит) – ‘на месте, без остановки и приготовлений’ (Walter 2008, с. 113); *Ran wie Ferkes Jan!* (букв.: Вперёд как Феркес Ян!) – обозначает призыв мужественно идти вперёд либо буйное поведение мужчины по

отношению к женщине (*Ян Феркес – это вымышленный персонаж, который в данном УС употребляется только для создания рифмы) (Walter 2008, с. 96).

Приведённые выше примеры можно условно разделить на две группы:

1) УС с национально-специфическими образами, которые не имеют в русском языке полных или частичных эквивалентов, но имеют сходные по смыслу аналоги, которые могут приводиться в двуязычном словаре: нем. *egal wie sechsundsechzig* (букв.: *одинаково как шестьдесят шесть*) – рус. *хоть вчера со двора*, оба фразеологизма передают состояние полного равнодушия, безразличия (Walter 2008, с. 79).

2) УС, которые не имеют аналогов, сходных по смыслу: например, *Ideen haben wie ein alter Eimer* (букв.: *иметь идеи как у старого ведра*). В подобных случаях в двуязычном словаре целесообразно давать буквальный перевод УС (Walter 2008, с. 152).

Подбор эквивалента является сложной задачей, так как важно не только передать смысл УС, но и дать его корректное лингвокультурологическое комментирование. Для этого необходимо знать не только значение фразеологизма, но его происхождение и причину выбора определённого образа для сравнения, особенно если речь идёт о безэквивалентных УС. Фразеология является наиболее сложным аспектом при изучении языка, поэтому человек, освоивший этот пласт иноязычного лексикона, показывает не только хорошее владение языком, но и высокий уровень культурологической компетенции – знание культуры, обычая, быта и мировоззрения носителей изучаемого языка.

Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970.

Walter, H. Worterbuch deutscher sprichwortlicher und phraseologischer Vergleiche / H. Walter. – Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2008.

Е.А. Прокопенко

Цветонаименования в современном рекламном пространстве

Цвет – важнейшая составляющая восприятия окружающего мира. Лексика цветообозначений является предметом исследования во многих лингвистических работах, посвященных как историко-этимологическому аспекту изучения лексики, так анализу функционирования цветовой лексики в художественных произведениях. Кроме того, цветонаименования рассматривались в психолингвистических работах.

В современном рекламном дискурсе большое место отводится обозначению цвета того или иного товара. Исследователи считают, что часто и сам цвет становится своеобразным товаром в оригинальной упаковке, ко-

торая является его названием. Так как основное назначение рекламы – воздействие на потенциального покупателя, рекламодатели ищут новые эмоционально-экспрессивные средства. Часто используются яркие слова или словосочетания, которые выполняют дополнительную рекламную функцию – привлекают внимание потенциальных покупателей. В современном рекламном тексте часто можно встретить такие номинации цветов, как «Снежная королева», «Млечный путь», «Атлантика». По мнению многих исследователей, цвет должен вызывать определенную ассоциативную связь с рекламируемым товаром, иначе реклама может быть неэффективной.

Предметом нашего исследования стали именования цвета автомобилей, встреченные на сайтах автосалонов. Всего было выявлено 225 цвето-наименований автомобилей, из них 115 отечественных и 70 зарубежных. Из них:

- наименования красного цвета и его оттенков: *кардинал, рубин, кармен, вишня, торнадо* и др.;
- наименования белого цвета и его оттенков: *белый, айсберг, снежно-белый, сливочно-белый* и др.;
- наименования серого цвета и его оттенков: *серебристый, светло-серый, снежная королева* и др.;
- наименования синего цвета и его оттенков: *мурена, монте-карло, фея, лагуна, голубой* и т.д.;
- наименования желтого цвета и его оттенков: *жасмин, примула, чайная роза, нарцисс* и др.;
- наименования зеленого цвета и его оттенков: *амулет, валюта, оливин, изумруд* и пр.;
- наименования фиолетового цвета и его оттенков: *ирис, мулен-руж* и др.;
- наименования черного цвета и его оттенков: *черный, авантюрин* и др.

В ходе анализа мы установили, что в качестве номинации используются:

- 1) прилагательные, в том числе и сложные, обозначающие цвет: *светло-серый, серебристый, серо-зеленый, снежно-белый, темно-коричневый, сандаловый, лазурно-синий* и пр.;
- 2) существительные, содержащие в своей словарной дефиниции «цветовую» сему: *рубин, вишня, изумруд, гранат, аквамарин, опал, корица* и пр.;
- 3) эмоционально-образные словосочетания типа «прилагательное цвета + существительное», которые передают вполне конкретное представление о цвете: *золотой лист, зеленый сад, синяя полночь, вишневый сад*. Это немногочисленная группа;
- 4) существительные, вызывающие стереотипную цветовую ассоциацию: *кардинал* (красный), *кармен* (красный), *валюта* (зеленый), *айсберг* (белый), *табак* (коричнево-зеленый), *медео* (голубой) и пр.;
- 5) существительные-наименования, не вызывающие цветовой ассоциации или вызывающие индивидуальную ассоциацию: *триумф* (серебристо-красный), *виктория* (серебристый ярко-красный), *майя* (серебристый темно-бордовый), *торнадо* (красный) и пр. Это самая многочисленная группа

цветообозначений. Цветонаименования в данном случае выступают в качестве стимула, который рождает в сознании носителя языка целый ряд различных ассоциаций.

Таким образом, среди выделенных цветообозначений только 24% наименований содержит в себе цветовой образ. Дальнейшее наше исследование предполагает проведение эксперимента по выявлению соответствия цветовых представлений потребителя и наименования цвета, которое дает товару производитель.

Н.В. Фоминых

«Обидеть» и «победить» – синонимы?

То, что спортивная лексика активно пополняется за счет заимствований, факт общеизвестный. Как и то, что «будучи явлениями культуры, физическая культура и спорт отражают существенные черты жизни общества...» (Кожевникова 2004, с.105).

Расширение корпуса слов, обслуживающих данную социально-культурную область, происходит не только за счет иноязычной лексики. Всё чаще в речи спортивных комментаторов появляются выражения, содержащие слова с переносным значением, используемые для вторичной номинации с целью придать речи яркость, выразительность, напряженность. Регулярное воспроизведение подобных конструкций, включение их в так называемые «новостные» программы делают их привычными, не режущими ухо, т.е. не воспринимаемыми нарушающими норму. Слово при этом «является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» (Виноградов 1986, с. 25).

Так, в речи спортивных комментаторов (чаще женщин) на радио России регулярно используются выражения, включающие слова «обижать – обидеть» в значении «победить» и «обидчик» в значении «победитель». Ср.: Во вчерашнем матче Динара Сафина *обидела* француженку... (Российское радио, 27.04.09); ...проиграл в первом круге. *Обидчиком* стал игрок под номером десять (Российское радио, 27.04.09); Так «Ливерпуль» *не обижали* с 1968 года (Российское радио, 22.04.09).

Обратимся к словарным дефинициям. В Толковом словаре В.И.Даля находим: *Обида* – всякая неправда тому, кто должен переносить ее; все, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или понесение.

Обижать – наносить обиду, творить обиду, оскорблять, причинять, кому неправо неприятность (Даль 1989, т. 2, с. 583).

Слова «обида» и «обижать» содержат в своем значении ярко выраженный отрицательный оценочный компонент, на что указывают и содержащиеся в дефинициях слова «неправда» и «неправо», подчеркивающие, что

«боль» или оскорблении не заслужены теми, кому их наносят. В современных словарях, например, в Словаре русского языка С.И.Ожегова, в Современном толковом словаре русского языка под редакцией С.А.Кузнецова при совпадении основного значения отмечаем выделенное как самостоятельное второе значение «нанести ущерб кому-либо в делах, обмануть». Отрицательный характер оценки снижается, сема «несправедливо» и вовсе исчезает.

Побеждать – осиливать, одолевать, … одержать верх, совладать, быть первым при состязании (Даль 1989, т. 3, с. 139). *Победить* – 3. Одержать верх в каком-нибудь соревновании, состязании, оказаться первым (Кузнецов 2004, с. 535). Значения слов «победить», «победа» не содержат отрицательной коннотации, общих сем в их значении и значении слов «обидеть» и «обида» нет. Что же могло послужить основой для создания образа, позволяющего именовать победу над соперником в спортивной (предполагается, честной) борьбе «обидой»? Скорее всего, дело в экстралингвистических причинах. Зададимся вопросом: испытывает ли побежденный в спортивном состязании чувство обиды? Скорее всего, да. На себя, на тренера, на погоду, на болельщиков… Видимо, в значениях слов «побежденный» и «обиженный» возможно выделить общий компонент «испытывающий боль, досаду, горечь и под». Но в глагольной семантике подобные сближения отсутствуют. И если возможны выражения типа: победить в честном поединке; победить в открытом бою; победить на равных и т. д., то ничего подобного в семантическом плане в отношении глагола «обидеть» мы в русском языке не сыщем.

Остается предположить, что только восприятие спортивного соперника как врага, которого допустимо «обижать», могло привести к описанному словоупотреблению. На наш взгляд, крайне неудачному.

Агрессивность в спорте (в речи тех же спортивных комментаторов не раз в освещении теннисных поединков прозвучало выражение «разобралась с соперницей»), приоритеты товарно-денежных отношений (когда о спортсмене рассуждают как о вещи или рабе: купить, продать, арендовать и под.), коррумпированное судейство и многое другое, к сожалению, это реалии нашего времени. И язык тому свидетель.

-
- Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М., 1986.
Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1990.
Кожевникова, И.Г.Метафорическая экспансия спортивной лексики в современном русском языке / И.Г. Кожевникова // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2004. – Вып. 5.
Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1989.
Современный толковый словарь русского языка; автор проекта и главный редактор С.А. Кузнецов. – М., 2004.

Грамматическая семантика

Е.В. Борисова

Особенности отражения гипотетического бытия в русских дебитивных высказываниях

(на материале публицистических текстов)

... действительность может быть не только объективной,
но и мыслимой, воображаемой.

Ш. Балли

Во второй половине XX века в науке о языке сформировалась новая, номинативно-прагматическая парадигма, направленная «на изучение внешних связей языка – с действительностью, которую он отражает, и с говорящим человеком, которому он служит» (Ломов 1996, с. 81). В рамках данной парадигмы предложение интерпретируется как языковой феномен, который, с одной стороны, именует тот или иной коммуникативно значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой – обеспечивает коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках (прагматический аспект) (Ломов 1994, с. 18).

Как известно, в традиционных синтаксических теориях сущность предложения определяется через категорию предикативности. Обыкновенно считается, что предложение модифицируется по синтаксическим категориям модальности, времени и лица, как у В.В. Виноградова (Виноградов 1975, с. 268), или только по категориям объективной модальности и синтаксического времени, как у Н.Ю. Шведовой (Шведова 1967, с. 4).

Описание содержательного устройства предложения осуществляется по гораздо большему набору параметров. К их числу относятся следующие категории: синтаксическая категория утверждения / отрицания, морфологические категории наклонения, времени и вида, синтаксические категории актуальности / потенциальности и интегральности / фазистности (Ломов 1994, с. 52-60).

Цель данной статьи – выявить особенности констатации гипотетического бытия в односоставных дебитивных (от лат. *debitum* – обязанность, долженствование) высказываниях.

Оговорим использование термина *высказывание* в статье. Анализируя современное состояние синтаксической науки, А.М. Ломов обратил внимание на необходимость чёткого разграничения в исследованиях двух важнейших нетождественных лингвистических феноменов, таких как предложение и высказывание (Ломов 1994, с. 69-70; Ломов 2006, с. 10-12). Единицы языковых уровней существуют в двух вариантах – абстрактноязыковом и конкретно-речевом. Поэтому, – делает вывод А.М. Ломов, –

в синтаксическом уровне выделяются, с одной стороны, семантико-функциональные типы предложений, взятые безотносительно к способам их формальной репрезентации, с другой – речевые реализации предложений, получивших определённое выражение и поставленных в прямую связь с целями и задачами соответствующего им речевого акта, иначе говоря – высказывания (Ломов 2006, с. 12). Вслед за А.М. Ломовым в процессе анализа синтаксических единиц мы последовательно разграничиваем эти понятия.

Традиционно считалось, что морфологическая категория наклонения образована оппозицией изъявительного, с одной стороны, и сослагательного и побудительного наклонений – с другой. Значением индикатива признается указание на соответствие действия, обозначенного спрягаемой формой глагола, некоторому действию, происходящему в действительности: с помощью индикатива говорящий представляет глагольное действие как реальный факт. В число значений косвенных наклонений включаются самые разнообразные виды отношения говорящего к действию глагола как к действию нереальному, но желательному, возможному, предполагаемому, требуемому, обусловленному и т.д. Однако в последнее время такое понимание устройства категории наклонения уже не является общепринятым.

В современных исследованиях за пределы категории наклонения выводится повелительное наклонение. Семантические и формальные отличия этого наклонения от других наклонений неоднократно отмечались лингвистами (Виноградов 1986, с. 479; Штелинг 1973, с. 66-68; Храковский 1986, с. 54-58; Зеленщиков 1997, с. 90-92). Так, А.В. Зеленщиков обращает внимание на то, что предложения с глаголами в императиве не выражают и не могут выражать какой-либо реальный или нереальный факт. «Их основное значение, – пишет ученый, – заключается в выражении волеизъявления говорящего по поводу выполнения или невыполнения некоторого, предполагаемого (обычно в ближайшем будущем) действия» (Зеленщиков 1997, с. 90). В настоящее время коммуникативная функция императива, подобно функции вокатива, определяется как «апеллятивная» или «призывная». «Хотя императив и является глагольной формой, – указывает Д.А. Штелинг, – он выражает не процесс, не действие, как таковое, а волю говорящего, его приказ или просьбу...» (Штелинг 1973, с. 67). Способность императива выражать волеизъявление или побуждение к действию становится основной причиной, по которой повелительное наклонение выводится из категории наклонения вообще. Таким образом, по современным научным представлениям, категория наклонения предстаёт как языковое средство дифференциации двух видов бытия: бытия в мире физической реальности (изъявительное наклонение) и бытия в субъективном, психическом мире мыслей и чувств (сослагательное наклонение).

Как показывает иллюстративный материал, в интересующих нас высказываниях фиксируется как реальное, так и гипотетическое бытие. Для описания реального бытия в односоставных высказываниях с раздельным выражением бытийного и вещественного компонентов по общему обыкновению используются бытийные глаголы в форме изъявительного наклонения. В дебитив-

ных высказываниях, располагающих крайне скучным набором бытийных глаголов, в этой роли наиболее обычен бытийный глагол *быть*. В процессе исторического развития временная парадигма этого глагола разрушилась. Поэтому в современном русском языке он сохранился преимущественно в настоящем времени, где регулярно реализуется в нулевой форме: *До Владивостока по нынешним железнодорожным тарифам зерно не довезти* (Известия. 10.02.2010. № 22); *Михалков ушёл смывать «кровь» и переодеваться – сегодня ему уже Котовым не быть* (Известия. 14.01.2008. № 03); [Сын Виктора Пешехонцева, продолжатель традиции, в звании капитана служит в соседнем подразделении в Чкаловском.] *Ему теперь подниматься в небо. За себя и своего отца* (Известия. 01.08.2006. № 137).

Дебитивные предложения после утраты форм прошедшего и будущего времени глагола *быть* стали восприниматься как безглагольные. В действительности, то, что здесь не безглагольные структуры, свидетельствуют редкие случаи употребления в особых синтаксических условиях (обыкновенно при реализации модального значения невозможности) глагола *быть* в форме 3-го лица единственного числа прошедшего или реже будущего времени: *Распаковывать дары, правда, не спешили, но «Бентли» – презент от «друзей Яна» – было не утаить* (Известия. 21.03.2006. № 48); *Русские дворянки старались как могли, но за Полиной им было не уgnаться* (Совершенно секретно. 2007. № 3); – *Если произойдет короткое замыкание, к скрытой проводке будет не добраться* (Литературная газета. 2004. № 28).

Описание гипотетического бытия осуществляется посредством сослагательного наклонения, которое «...относит события или их связи к одному из мыслительных «возможных» миров» (Шелякин 1999, с. 124). Как полагает Г.Г. Сильницкий, конъюктив является показателем «отрыва» сознания от непосредственно данного и «определяет уникальную человеческую способность «мыслетворчества» – способность конструирования качественно новых идей, понятий, образов, гипотез, теорий, не имеющих прямых «прототипов в наличном на данный момент коллективном опыте, но представляющих «свободную комбинацию» этого опыта» (Сильницкий 1990, с. 101).

В современном русском языке сослагательное наклонение представлено особой формой – аналитической, состоящей из глагольной формы на -л и частицы *бы* (*прочитал бы, читал бы*). Форма на -л по своему происхождению является, как известно, именной формой глагола, выступавшей в древнерусском языке в определенной парадигме форм составного сказуемого. Частица *бы* в составе конъюктива исторически восходит к форме аориста вспомогательного глагола *быти* (*быхъ несь*). Вместе с тем в русском языке существуют случаи, когда частица *бы* сочетается с инфинитивом (*прочитать бы, читать бы*). Вопрос о лингвистическом статусе этих сочетаний обсуждается давно, но до сих пор окончательно не решен и остается предметом оживленной дискуссии. А.В. Исаченко, Г.Ф. Лебедева, основываясь на близости формы -л + *бы* и конструкции *инфinitiv + бы* в независимом предложении, настаивают на включении данной конструкции в систему форм сослагательного наклонения (Исаченко 1960, с. 514;

Лебедева 1956, с. 189-208). А.В. Бондарко и Л.Л. Буланин не исключают, что это особая разновидность формы конъюктива. Но для того чтобы это утверждать, необходимы специальные доказательства. Но их, по мнению авторов, пока нет (Бондарко 1967, с. 125). Другие ученые, напротив, полагают, что «частица *бы* оформляет сослагательное наклонение только в сочетании с формой на -л; синтаксические сочетания с формами инфинитива не имеют морфологического значения сослагательного наклонения» (Грамматика 1970, с. 356). Ряд исследователей считает, что решение этого «острого» вопроса морфологии невозможно без признания самостоятельности модального статуса частицы *бы*. Так, Р.Д. Брехт, исходя из этого тезиса, возражает против отнесения в разряд аналитических форм как конструкции *бы + инфинитив*, так и конструкции *-л + бы* (Брехт 1985, с. 101-116). В.Н. Мигирин в результате анализа дистрибутивных особенностей частицы *бы* пришел к отрицанию факта существования сослагательного наклонения в русском языке, так как *бы* является показателем модальности предложения, но не формы сослагательного наклонения (Мигирин 1973). Большинство лингвистов, однако, не столь категорично подходят к решению этого вопроса. Обыкновенно сочетание частицы *бы* с инфинитивом определяется как особое средство, лишь примыкающее к сослагательному наклонению, но в число форм последнего эти сочетания не включаются (Грамматика 1953, т. I, с. 503; Распопов 1984, с. 116).

Анализ односоставных дебитивных предложений позволяет внести определенные корректиды в трактовку этих сочетаний. В действительности, как таковых, судя по изучаемым предложениям, сочетаний частицы *бы* с инфинитивом в данном случае нет. В рамках рассматриваемых предложений сослагательное наклонение остается обычным: это л-форма глагола *быть* и частица *бы*. Но по условиям речи, как уже замечено в русском языке, л-форма по аналогии с материально не выраженной формой настоящего времени изъявительного наклонения глагола *быть* сокращается и выступает в нулевой форме. По свидетельству А.М. Ломова (Ломов 1994, с. 235), такое значимое отсутствие этой формы в составе сослагательного наклонения в рамках дебитивных высказываний воспринимается носителями языка как обязательная норма: – *Мне бы тоже не уцелеть, – рассказывает Валерий Иванович* (Литературная газета. 2004. № 36); [A Пётр Алексеевич и вовсе стрелецкую шушеру разогнал.] *А если бы не сделал этого, быть бы Карлу XII и в Полтаве, и в Москве, и в Казани* (Новая газета. 30.01-01.02.2006. № 06); [К заботливой формуле «никто не забыт» мы давно привыкли.] *Ещё бы добиться положения, когда никто не избит* (Новая газета. 05.04-08.04.2007. № 24); *Создать бы книгу великих текстов и сопроводить их познавательными задачами, в которых проблемы зла, добра, наказания, совести решались бы самими читателями* (Новая газета. 06.02-08.02.2006. № 08); [A мы все Францию учим уму-разуму. Там-то и без нас справляются.] *Нам бы у себя дома разобраться – хотя бы с тем, какие мины замедленного действия закладывает в массовом сознании наше беспечное и бесчеловечное ТВ* (Известия. 18.11.2005. № 210); [Задержись

отец на сутки – и спасения уже нет.] Лежать бы ему либо с крестьянскими вилами в боку, либо с карательной пулевой в груди (Литературная газета. 26.01-01.02.2005. № 02-03).

Доказательством того, что в анализируемом типе предложений реализуется обычная, но редуцированная форма сослагательного наклонения, служат высказывания с материально выраженной л-формой: *Мина, выхватившая его из люка, взорвалась прямо под механиком-водителем, под Толиком Ткаченко, ему весной было бы увольняться* (Новый мир. 1988. № 08).

В современном русском языке редукция л-формы глагола *быть* наблюдается не только в рамках рассматриваемых предложений. Это явление проникло и в сферу предложений других классификационных разрядов. Эlimинированная форма сослагательного наклонения употребляется в односоставных предметных высказываниях: *Если бы не эти тетрадки, не стоять бы мне вот так, как сейчас, на носу быстроходной "ракеты"* (А. Кузнецова. Под бурями судьбы жестокой...).

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Бондарко, А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.

Брехт, Р.Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы *бы* в русском языке / Р.Д. Брехт // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 15. – С. 101-117.

Виноградов, В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 254-294.

Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

Грамматика русского языка; под ред. В.В. Виноградова: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1952-1954. – Т. 1. – 720 с.; т. 2, ч. 2. – 444 с.

Грамматика современного русского литературного языка; под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность / А.В. Зеленщиков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 244 с.

Исащенко, А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология / А.В. Исащенко. – Ч. 2. – Братислава, 1960. – 577 с.

Лебедева, Г.Ф. Изучение желательного значения форм сослагательного наклонения в простом предложении / Г.Ф. Лебедева // Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам. – М.: Изд-во МГУ, 1965. – С. 189-208.

Ломов, А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.

Ломов, А.М. Лингвистика и аналитическая философия / А.М. Ломов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1996. – № 1. – С. 76-85.

Ломов, А.М. Предложение и высказывание / А.М. Ломов // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 10-14.

Мигирин, В.Н. Язык как система категорий отображения / В.Н. Мигирин. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 237 с.

Распопов, И.П. Основы русской грамматики / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 350 с.

Сильницкий, Г.Г. Глоттогонические аспекты наклонения / Г.Г. Сильницкий // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты модальности: Тезисы докладов. – Иркутск, 1990. – С. 101.

Храковский, В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин – Л.: Наука, 1986. – 272 с.

Шведова, Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 3-77.

Шелякин, М.А. Об инвариантном значении и функциях сослагательного наклонения в русском языке / М.А. Шелякин // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С.124-136.

Штелинг, Д.А. Целенаправленность речи и категория наклонения / Д.А. Штелинг // Русский язык за рубежом. – 1973. – № 3. – С. 64-70.

Е.А. Захарова

О некоторых особенностях глагольного семантического словообразования в поэзии Р. Рождественского

Поэтический текст – это своеобразная квинтэссенция всех возможностей языка, его прошлое, настоящее и потенциальное будущее. Именно поэтому изучение функционирования языковой системы на разных уровнях в ее узуальной и окказиональной реализации в поэтическом тексте представляет для исследователей особый интерес.

Предметом нашего рассмотрения являются словообразовательные возможности языковой системы, а именно некоторые особенности семантического словоизводства глаголов в поэзии Р. Рождественского.

Опираясь на идеи А.А. Потебни и Л.В. Щербы, развитые В.М. Марковым и его учениками, под семантическим словообразованием мы понимаем такое развитие слова, которое заключается в обогащении лексемы все большим количеством ассоциаций по мере ее употребления в различных условиях речи, что приводит к рождению «самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным» (Марков 2001, с. 129). Подобная реализация семантической потенции слова имеет ярко выраженный экспрессивный характер, под которым мы подразумеваем «целенаправленное отступление от нейтрально-нормативного способа выражения содержания, от стандарта» с целью создания яркого художественного образа (Николаева 2000, с. 123). Заметим, что немалую роль при этом играют глагольные образования.

Яркой особенностью семантического словоизводства в поэзии Р. Рождественского является постепенное наращивание, обрастание лексемы

контекстуальными ассоциациями в пределах одного стихотворения, что приводит к возникновению новообразования окказионального характера. Как правило, это происходит в ходе языковой игры с узуально закрепленными значениями данного слова, толкуемыми словарями как переносные. При этом преобладает тип глагольных семантических новообразований, созданных по модели из характеристики материального, физического, физиологического бытия человека – в область его духовного состояния.

Показательным является стихотворение «Дни рождений» (сборник «Всеръез» 1965-1968 г.). Автор обыгрывает прямое значение глагола *родиться* – “появиться на свет” («Родился я в селе Косиха»), антонимически противопоставляя его всем последующим реализациям окказионального характера: из действия физиологического –

1) в область сложного психофизического состояния человека («Я родился много позже. / Потом. / В июне. / В сорок первом... / Меня война в себя впитала. / Я сын ее. / Я полон ею...»);

2) в сферу эмоционального состояния человека («Я встретил друга. / И с ним как будто вновь родился»; «Сказал: «Люблю», – / родился снова. / Услышал: «Нет!» – / и вновь родился»...);

3) в область духовного существования человека («Наедине с бумагой, – / белой, как изморозь, – / я вновь родился!..»);

4) в сферу нравственной жизни человека («Я только на секунду струсили. / И превозмог. / И вновь родился»...).

Подчеркнутая экспрессия стихотворения, созданная своеобразным называнием индивидуально-авторских значений, усиливается финальной обобщающей метафорой дней рождений как непрерывного торжества жизни и вечного обновления человека: «Дни рождений! / Дни грусти и освобождений. / Дни праздников, пора зачатья, – / без вас я будто дом без счастья». Таким образом, лексема *родиться* приобретает сложный, многомерный характер с потенцией стать языковой в каждой новой реализации.

Другой особенностью семантического словоизводства глаголов в творчестве Р. Рождественского является создание новообразований в результате стилистического сдвига, сознательно используемого автором как художественный прием. Окружение слова иным, несвойственным ему контекстом, может сопровождаться сменой эмоционально-оценочных характеристик лексемы. Очень любопытным нам представляется в этой связи стихотворение «Да осенит вас Южный Крест...» (сборник «Всеръез» 1965-1968 г.) Бросается в глаза языковая игра – перекличка двух устойчивых сочетаний: *осенить крестом* – “перекрестить, делать молитвенный жест в виде креста” и *Южный Крест* – название созвездия в южном полушарии земного шара, напоминающее формой крест. Заменяя лексему *крест* назначением созвездия, автор не тольконейтрализует стилистическую маркированность глагола *осенить* (уст., высок.), но и обыгрывает возникновение окказиональных семантических глагольных образований: из действия религиозного ритуала («Да осенит вас Южный Крест...») –

- 1) в сферу физического бытия человека («хибарки посредине мусора»);
- 2) в сферу природного бытия («*И птицы – крохотнее бабочек*», «*И бабочки с размахом птиц*», «*Ветра, пропахшие коридами*», «*Крадущиеся по горам закаты жирные, кровавые*»);
- 3) в сферу культурного существования человека («*названия – почти как музыка...*», «*И суматохи карнавальные*», «*И стадион как будто храм*»);
- 4) в область ментального бытия человека («*неумирающие деспоты*», «*узники с глазами детскими*», «*народы, будто праздник, добрые*», «*нашедшие слова, которые / покорности – наперерез!*»).

Таким образом, рефрен, звучащий на протяжении всего стихотворения, наполняется разными смыслами по мере возникновения образов природного, культурного, городского, ментального, исторического аспекта жизни Южной Америки, превращаясь в лейтмотив, пронизывающий все стихотворение.

Примечательно, что оценочная характеристика глагола при этом переживает все уровни трансформации, проходя путь от нейтральной оценки (значение *сохранить*) к положительной (*благословить*), от отрицательной (*сжалиться*) – к положительной (*уберечь*).

Глагольное семантическое словоизделие, как правило, сопряжено с изменением некоторых морфологических характеристик слова. Довольно многочисленную группу здесь составляют глаголы, окказионально употребленные в безличной форме, и возвратные глаголы. Так описание *мечты* в стихотворении «Приходит врач, на воробья похожий...» (сборник «Сын Веры» 1964-1966 г.) демонстрирует нам расширение ассоциативных цепочек у глагола *исполниться*, используемого в значении “осуществиться, претвориться в дело, воплотиться в жизнь”. Его довольно узкая сочетаемость с абстрактной лексикой (*мечта исполнилась*) существенно расширяется автором, что отчасти позволяет нейтрализовать страдательность возвратного глагола, придавая стихотворению яркость, экспрессию и динамизм: «*Исполнилось лишь самое начало. / Любовь исполнилась и крик ребенка. / Исполнились друзья, дороги, дали*». Это как нельзя лучше соответствует активной жизненной позиции поэта, его философии личной ответственности человека за все, что происходит в мире и отражает характер лирического героя стихотворения.

Таким образом, семантическое глагольное словоизделие в поэзии Р. Рождественского отличается многогранностью возможностей словообразовательной системы русского языка, использованных при создании произведений высокой художественной ценности.

Марков, В.М. О семантическом способе словообразования / В.М. Марков // Избранные работы по русскому языку. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – С.117-135.

Николаева, Т.М. Очерки по исторической стилистике и словообразованию / Т.М. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000.

Источники

Рождественский, Р.И. Собрание сочинений: В 3-х т. / Р.И. Рождественский. – Т. 2. Стихотворения; Поэмы; Песни; 1964-1970. – М.: Художественная литература, 1985. – 526 с.

Н.М. Иванова

О модальной семантике двусоставных предложений

Как известно, модальный план предложения признается синтаксистами обязательным, а модальность – универсальной категорией предложения, одной из основных категорий, составляющих грамматическое значение предложения.

Большая заслуга в изучении категории модальности принадлежит академику В.В. Виноградову, который подчеркивал, что модальное значение является существенным конструктивным признаком каждого предложения (Виноградов 1975, с. 55).

Категория модальности подвергалась учеными разностороннему изучению, что привело не только к развитию идей В.В. Виноградова, но и в какой-то мере к отступлению от идей ученого, к негативным явлениям – пониманию различного объема категории модальности (слишком узкого, «формального», или широкого, «семантического»), а также возникновению учения о разных типах модальности (Шапиро 1958; Грамматика современного русского литературного языка 1970; Небыкова 1970; Распопов 1975; Золотова 1962 и др.).

Разделяя точки зрения на модальность академика В.В. Виноградова и профессора П.А. Леканта (Виноградов 1975; Лекант 2007), мы считаем модальность единой синтаксической, грамматической категорией, которую не следует смешивать с соотносительными понятиями логики (ср.: Ломтев 1969) и содержанием которой является оценка тех или иных сторон отношения высказывания к действительности, устанавливаемого говорящим. При этом также считаем, что синтаксическая категория модальности в предложении неотделима от категории лица.

Все многообразие модальных значений единой синтаксической категории модальности, трех ее аспектов (реальность-ирреальность, достоверность-вероятность, «модальность предиката»), характеризуется определенными способами, средствами их выражения. Так, модальное значение реальности-ирреальности выражается формами наклонений глагола и интонацией и образует две модальные разновидности – индикативно-повествовательный тип и ирреально-модальный. Значение реальности-ирреальности является основным и обязательным модальным значением любого предложения.

Модальное значение «достоверности-вероятности» мы считаем обязательным аспектом модальности. Модальных типов предложения, оппозиций он не формирует, т.к. выражается внешними показателями по отношению к структуре предложения. При отсутствии внешних показателей свидетельствует о констатации явления, факта. Реализуясь в двух названных выше модальных разновидностях предложений, «достоверность-вероятность» может давать целый комплекс модальных оттенков, осложняющих инвариантное модальное значение предложения.

Третий аспект модальности – модальность глагольного члена («модальность предиката») – образует противопоставление форм сказуемого по частным, модальным значениям, т.е. реализуется в виде модальной парадигмы данного члена предложения. Реализация этого модального аспекта имеет ограниченный характер, хотя может проявляться как в двусоставных, так и односоставных глагольных предложениях. Модальные оттенки зависят от структуры предложения и выражаются по-разному. В двусоставных предложениях этот модальный аспект связан со способом выражения сказуемого в предложении. В односоставных глагольных предложениях частные модальные оттенки принадлежат главному глагольному члену, который может образовывать с различными лексическими элементами аналитические конструкции. Модальная семантика двусоставных предложений не может быть представлена как модальная оппозиция модальной семантике двусоставных предложений.*

Таким образом, из трех аспектов модальности только аспект «реальность-ирреальность» имеет две модальные разновидности предложений (индикативно-повествовательный тип и ирреально-модальный) (Лекант 1976; Иванова 1999), другие модальные аспекты в эти модальные разновидности могут привносить или не привносить в предложение различные оттенки частных модальных значений,ственные эти аспектам. Систематизация предложений в модальном плане представляется сложной, многоступенчатой (иерархической).

Анализ модальной семантики двусоставных предложений позволил нам выявить многообразие оттенков частных модальных значений, средств их выражения в предложениях различной модальной разновидности.

В индикативно-повествовательном модальном типе предложений реальная модальность выражается формами изъявительного наклонения и интонацией сообщения, констатирует действие как реальное в настоящем, прошедшем и будущем временах; «сообщение о действии представляется прямым отражением действительности» (В.В. Виноградов). Примеры. 1. *Песню дружбы запевает молодежь* (Л. Ошанин). 2. *Заря запылала пожаром и охватила полнеба* (И. Тургенев). 3. *Как пойду я на быструю речку, сяду я да на крут бережок* (песня). Формы изъявительного наклонения и интонация – эти два различных средства – взаимодействуют в выражении ос-

* В данной статье мы не рассматриваем модальную семантику, совмещение всех аспектов модальности в односоставных глагольных предложениях.

новного модального значения, поддерживая друг друга. При этом формы глагольного наклонения употребляются в прямом значении. Интонация как наиболее сильное средство и показатель модального значения может вступать в противоречие с интонацией форм наклонения в прямом употреблении их в предложении. В таком случае наблюдается непрямое употребление форм наклонения, и значение модальности определяет характер интонации. Примеры. Ср.: *Солнце скрылось за горизонтом*. – *Солнце скрылось за горизонтом?* Сравнение показывает, что в вопросительном предложении при наличии формы изъявительного наклонения вопросительная интонация не констатирует факт реального действия, а выражает сомнение, неуверенность говорящего по случаю сказанного, т.е. в предложении представлена иреальная модальность, изъявительное наклонение употреблено в значении другого, не в прямом своем значении. Ср. далее. *Я пишу письма знакомым*. – *Я пиши письма знакомым*. Сравнение свидетельствует о модальном реальном значении при наличии формы повелительного наклонения, здесь значение реальности выражено интонацией сообщения. Повелительное наклонение употреблено не в прямом значении, в значении изъявительного.

Реальная модальность реализуется не только в повествовательных предложениях, но и в особых подтипах вопросительных предложений – вопросительно-утвердительных, вопросительно-отрицательных и вопросительно-риторических (Иванова 2004). Эти разновидности вопросительных предложений выражают не вопрос, а сообщение в экспрессивной форме. Примеры. 1. *Куда меня только не гоняли за два года плена!* (М. Шолохов). 2. *Кому приятны неприятности?* (М. Горький). 3. *Неужели зло так привлекательно?* (М. Лермонтов). Экспрессия в этих предложениях-высказываниях создается «избыточным» значением утверждения или отрицания и констатацией размышления о судьбе. Эти значения не имеют необходимых «физических» показателей: утверждение выражается при наличии отрицательных частиц (1); отрижение – при отсутствии отрицательных частиц (2); коннотативный смысл высказывания (3), вытекающий из всего предшествующего повествования о судьбе героя, выражается акцентированием, выделением субъектного и обстоятельственного членов предложения, что подтверждается позицией этих членов в предложении и как следствие – их фразовым ударением. Таким образом, экспрессия, усиленное отрижение или утверждение, акцентирование в высказывании – все это делает сообщение реальным.

Глагольные формы реального модального значения в конкретных предложениях названного модального типа предложений могут приобретать различные модальные оттенки других аспектов модальности. Изъявительное наклонение может быть грамматическим фоном, на котором возможно проявление других модальных оттенков. На связь форм изъявительного наклонения с различными оттенками модальных значений указал В.В. Виноградов (Виноградов 1972). В выражении модальных оттенков принимают участие не только видо-временные формы наклонения, но и лексико-грамматические средства (частицы, второстепенные члены и др.), образующие с глаголами аналитические конструкции, которые реальное

модальное значение могут усиливать или приближать к ирреальному значению. Так, при наличии вводно-модальных компонентов, средств выражения модального аспекта «достоверность-вероятность», высказывание с реальным модальным значением приобретает оттенки значений уверенности, неуверенности, предположительности. Примеры. 1. *Музей был, конечно, закрыт* (К. Паустовский). 2. *Он, видимо, видел в жизни много неприятностей* (В. Короленко). 3. *Читателю, может быть, уже наскучили мои записки* (И. Тургенев). В высказываниях налицо контаминация модальных аспектов – основного реально-модального и «достоверности-вероятности». При отсутствии вводно-модальных компонентов говорящий только констатирует реальный факт (именно еще и так выражается обязательный аспект «достоверность-вероятность»). Ср.: 1. *Музей был закрыт.* 2. *Он видел в жизни много неприятностей.* 3. *Читателю уже наскучили мои записки.* В модальном значении констатации проявляется определенная позиция, воля говорящего выражать или не выражать свою оценку реальной действительности.

Формы будущего времени глаголов совершенного вида наиболее ярко выражают модальные оттенки возможности или предположительности. Модальные оттенки в них непосредственно связаны со значением будущего времени, т.к. действие в будущем времени мыслится как возможное, а не реальное. Примеры. 1. *Дети, я вам расскажу про Мазая* (Н. Некрасов). 2. *Здесь будет город заложен* (А. Пушкин). Модальное значение возможности просматривается на фоне реальной модальности более ярко, если в структуре предложения имеются второстепенные члены, которые подкрепляют этот оттенок. Примеры. 1. *Свадьба с молодою Ржевскою присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве* (А. Пушкин). 2. *Да, по мне, это еще не беда: со временем остынет* (А. Пушкин). 3. *И у вас удача будет обязательно* (Б. Полевой). В предложениях на фоне реальной модальности оттенок реальной возможности, необходимости поддерживается выделенными второстепенными членами. Если их опустить, то значение форм будущего времени совершенного вида изменится и исчезнет модальный оттенок. Ср.: 1. *Свадьба присоединит меня к гордому русскому дворянству.* 2. ...*Остынет*. 3. *И у вас удача будет.*

Модальный оттенок возможности может быть обусловлен волей и возможностью субъекта, лица или объектными условиями. Примеры. 1. *Я представлю тебе старинного друга и товарища* (А. Пушкин). 2. *Я провожу тебя, если ты боишься* (А. Пушкин).

В предложениях с частицами *не*, *вряд ли*, *едва ли* и др. при глаголах в будущем совершенного вида или прошедшего времени просматривается модальный оттенок невозможности или неизбежности, сомнения. Примеры. 1. *Петруша в Петербург не поедет* (А. Пушкин) – невозможность; 2. *Ни ты, ни она – вы не забудете того, что случилось* (А. Пушкин) – неизбежность; 3. *Учитель вряд ли приедет* – сомнение. Модальный оттенок возможности глаголов в прошедшем времени менее ясен, чем при формах в будущем времени, но он может поддерживаться употреблением второ-

степенных членов, выраженных наречиями и наречными словами (*едва, чуть и др.*): *Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться* (А. Пушкин).

Оттенки модальных значений желательности, возможности-невозможности, неизбежности, сомнения, обычности и др. присутствуют в предложениях-высказываниях с глагольным или именным составным сказуемым, во вспомогательном компоненте которых имеются модальные глаголы, глагольные фразеологизмы, описательные обороты, аналитические конструкции. Примеры. 1. *Большинство людей хотело что-нибудь делать, как-нибудь воплотить свои чувства и мысли в жизнь* (М. Горький) – желательность. 2. *Но сабантуй может в голову ударить, или попросту в башку* (А. Твардовский) – возможность. 3. *Не может волк ни охнуть, ни вздохнуть* (И. Крылов) – невозможность. 4. *Город должен быть так же прекрасен, как прекрасны вековые парки, леса и моря* (К. Паустовский) – неизбежность. 5. *Я люблю поесть* (Н. Гоголь) – обычность. Примеры свидетельствуют, что указанные оттенки модальных значений определяются способом выражения главного члена (предиката) и накладываются на реальное модальное значение высказывания, осложняя его. Здесь совмещаются и взаимодействуют два аспекта модальности – реальность-ирреальность и «модальность предиката». Ср. с предложением-высказыванием, в котором контаминируют все аспекты модальности: *Повидимому, я сейчас должна упасть и потерять сознание* (А. Чехов).

Таким образом, содержательная сторона модальности индикативно-повествовательного типа предложений многообразна, т.к. включает основное (инвариантное) модальное значение реальности, обязательное для любого двусоставного предложения, а также модальные оттенки тех или иных аспектов модальности, обязательных / необязательных для предложения.

В ирреальном модальном типе предложений глобальными ирреальными модальными значениями являются значения побудительности, желательности, вопросительности. Ирреальная модальность выражается с помощью глагольных форм повелительного и сослагательного наклонений (в прямом значении), интонации вопроса или волеизъявления, а также модальных частиц и обозначает, что реально не совершающееся действие может быть либо требуемым, либо желаемым, либо возможным, либо предполагаемым. Примеры. 1. *Вы, отроки-други, возьмите коня* (А. Пушкин). 2. *Врага прижал бы я к ранам груди, и захлебнулся б моей он кровью* (М. Горький). 3. *Без тебя я замерз бы в дороге* (А. Пушкин). 4. *Отчего бы я мог перестать уважать тебя?* (А. Чехов). 5. *Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы* (Ю. Лермонтов). В примерах выражается требование говорящего, чтобы действие было произведено (1); названы действия желательные (2); возможные, предполагаемые (3, 4, 5), т.е. все они мыслятся как ирреальные.

В предложениях с ирреальной модальностью на фоне основных ирреальных значений может проявляться целый ряд других модальных оттенков – долженствования, необходимости. Примеры. 1. *Дети громко ревились, разбросав мячи в разные углы комнаты, а я собираю их за всех.*

2. Ночная птица сова сиди себе днем тихо на ветке да хлопай невидящими глазами. В примерах формы повелительного наклонения, отнесенные к 1-ому лицу либо к 3-ему, имеют реальное модальное значение с оттенком долженствования, необходимости.

Оттенок обусловленности может появляться на фоне ирреального модального значения, выражается побудительным наклонением. Примеры.

1. *Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап* (А. Пушкин). 2. *Живи он сто лет назад, быть ему гусаром* (Ю. Бондарев). В предложениях-высказываниях формы побудительных наклонений не выражают побуждения, а побудительное наклонение выступает не в прямом значении – в значении сослагательного. Просматриваемый оттенок ирреального модального значения обусловленности поддерживается также структурой предложения.

Оттенок реального модального значения может быть выражен формами ирреальных наклонений. Примеры. 1. *Вот в эту-то Дуняшу и влюбись Аким* (А. Пушкин). 2. *Я был бы в отчаянии, если бы не согласились* (А. Пушкин). 3. *Синекур, несколько помолчав, отвечал, что в его положении откровенность была бы затруднительна* (А. Пушкин). В предложениях повелительное наклонение выступает в значении прошедшего времени (1); сослагательное наклонение – в значении будущего времени (2) и настоящего времени (3). В предложениях-высказываниях ирреально-модальное значение.

Рассмотренная модальная семантика двусоставных предложений в двух ее разновидностях (индикативно-повествовательной и ирреально-модальной) показала, что противопоставление реальности-ирреальности не имеет в русском языке прямого и четкого, однозначного грамматического выражения, т.к. существуют различные переходные явления, контаминация модальных оттенков в структуре предложения-высказывания.

Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Филологические науки. – 1962. – № 4.

Иванова, Н.М. Заметки о модальных разновидностях предложений в прозе А.С. Пушкина / Н.М. Иванова // Пушкин и его художественный мир: сборник научных и научно-методических статей. – Борисоглебск, 1999. – С. 53-61.

Иванова, Н.М. Коммуникативная направленность вопросительных предложений, не содержащих вопроса (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») / Н.М. Иванова // Лермонтов и его художественный мир: межвузовский сборник научных трудов. – Борисоглебск, 2004. – С. 48-55.

Лекант, П.А. Грамматические категории слова и предложения / П.А. Лекант. – М., 2007.

Лекант, П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П.А. Лекант // Современный русский язык. Лингвистический сборник. – М., 1976. – Вып. 6. – С. 92-101.

Ломтев, Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности / Т.П. Ломтев // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 341. Вопросы филологии. – М., 1969.

Небыкова, С.И. Модальность необходимости и возможности в современном русском языке / С.И. Небыкова // Вестник МГУ. Филология. – М., 1970. – № 4.

Распопов, И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж, 1975.

Шapiro, А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке / А.Б. Шапиро // Филологические науки. – 1958. – № 4.

М.М. Литвинова

Выражение интенсивности признака в области существительного

(на материале ранних сатирических произведений М. Булгакова)

Семантика интенсивности признака, свидетельствующая о качественно-количественном превышении свойств объекта в сравнении с «нормативным» представлением о нем, реализуется в языке и речи несколькими классами слов. Рассмотрим субстантивные способы репрезентации этой категории, реализованные в художественном пространстве булгаковского текста.

Выражение интенсивности признака в области существительного носит внешний и внутренний характер.

Внешняя интенсификация имеет место при определении имени за счет прилагательных, интенсивов и интенсификаторов (например, подобные словосочетания используются М. Булгаковым в заголовках и подзаголовках своих произведений: *«Роковые яйца»*; *«Гениальная личность»*, *«Собачье сердце. Чудовищная история»* и т.д.).

«Наиболее распространенным способом выделения объекта среди других однородных как выдающегося, наиболее значительного и т.п., естественно, является использование формы превосходной степени определяющего прилагательного» (ТФГ 1996, с. 123), например: *...пес вытащил самый главный собачий билет*. С помощью местоимения *самый* в усилильном значении передается также крайняя степень качественного или количественного признака, заключенного в существительном: *И вот так жили, жили, ан в феврале, в самый мороз, заело вновь с нефтью* (т.е. в самый сильный мороз).

Особо выделяются существительные-деадъективы и девербативы, которые «фиксируют структуры, соотносящие в пределах одного слова категориальные характеристики разных частей речи: одну, наследуемую от мотивирующего слова, а другую – приобретаемую в акте транспозиции в определенную часть речи» (Кубрякова 1996, с. 224), тем самым выражая интенсивность комплексно. Так, существительное-деадъектив способно сохранять в себе корневую интенсивность качественного признака (заимствованную у прилагательного) и подчинять зависимые интенсификаторы и интенсивы – прилагательные и существительные: *Все подивились*

страшной быстроте его энергии; события покатились со сверхъественной быстрой.

Сами существительные также способны выступать интенсификаторами, что обусловлено синтаксическими функциями имени, например, определения и приложения: *Зверь самогон* ('очень крепкий самогон'); *Бич дома, Пыляева Аннушка...*; вхождением в определенные грамматические конструкции фразеологизированного характера (например, сущ. в им. п. с суперлативным значением + сущ. в род. п.): *Протокол этот – верх бестолковицы* ('очень, предельно бесполковый') и т.д.

Передача значения самой высокой степени признака регулярно осуществляется лексико-синтаксическими конструкциями, семантика которых содержит отрицание общепринятого стандарта высокой степени: *Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий Союза городов Семен Васильич Петлюра.* Уникальность свойств описываемого объекта подчеркивается тем, что такие предложения включают существительные с семой 'полноты признака', обозначающего что-либо, уже превосходящее все другое в каком-то отношении: *Китайцы, специалисты по части пыток, – просто щенки. Такой штуки им ни в жизнь не изобрести!; А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты.*

Однако более распространенным в произведениях Булгакова является использование внутристоловой интенсификации существительного, исследование которой мы также предпринимаем в аспекте первичной и вторичной номинации.

Прежде всего, выделим группу имен, содержащих интенсему в своих основных, прямых значениях. Интенсивность входит в денотативно-сигнификативный макрокомпонент семантической структуры этих слов. В качестве примера отметим микрогруппу существительных со значением процессов деструктивного изменения, вызванного как случайными, так и закономерными причинами: *О луче и катастрофе 28 года еще долго говорил и писал весь мир...* (ср.: *катастрофа* – 'внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями' (МАС)); *В общегосударственном масштабе известен жилищный кризис, докатившийся даже до нашего Благодатска* (ср.: *кризис* – 3. 'острый недостаток, нехватка чего-либо' (МАС)); *А на первый день праздника, 19-го, на Пасху ночью наша бдительная пожарная команда была поставлена на ноги роковым сообщением по петровскому телефону: – Пожар!!!* (ср.: *пожар* – 1. 'сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть, создающее опасность для жизни людей, а также само горение, уничтожение чего-либо огнем' (МАС)). Подобные номинации событий мирового, государственного или частного характера мотивированы жанровой спецификой данного цикла произведений: содержание фантастических повестей составляет показ событий-катастроф планетарного масштаба; для сатирических рассказов характерен взгляд на заурядные события как на нечто экстраординарное, и повести и рассказы варьируют устойчивые мотивы, наполненные в

авторской системе символической значимостью. В рассматриваемых текстах они играют роль ключевых слов, так как употребляются писателем в сильных позициях текста – в роли заголовков произведений («Брачная катастрофа», «Музыкально-вокальная катастрофа»); в начале и в конце произведения (Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным...).

В количественном отношении в наших материалах превалирует группа существительных, содержащих интенсему в своих переносных значениях.

Нередко основой метафорического переноса и является сема интенсивности, присутствующая в прямом значении слова. Так, например, компонент интенсивности в первичном значении лексемы *пожар* формирует ее производное значение 2. ‘**бурное** проявление чего-л., протекающее с **сокрушительной силой**’ (МАС). На осмыслении прямого и метафорического словоупотребления основана авторская образность в следующем примере (ассоциации с *пожаром* – *огненным пламенем* – вызывают представление об «*электрическом пожаре*» и затем об «*интенсивном движении*»): *Все здание тряслось и гудело от ротационных колес, и создавалось такое впечатление, что серый неприглядный корпус полыхает электрическим пожаром. Занявшийся день не остановил его. Напротив, только усилил, хоть электричество и погасло.*

Для произведений сатирического цикла характерны группы существительных с переносным значением высокой степени признака, которые выделяются нами в соответствии с их тематической отнесенностью.

Действительно, мир художественного произведения в его пространственно временных координатах сосредоточен вокруг персонажа – как правило, человека (реже – животного или мифического субъекта, одушевленного предмета, ср.: «*Приключения стенгазеты (Ее собственный дневник)*»), действующего, обладающего физическими и психическими свойствами, проявляющего эмоции, вступающего в социальные и психологические отношения с другими людьми и дающего оценку, в том числе качественно-количественную, компонентам окружающей его «реальной» (художественной, фиктивной) действительности. Так и булгаковский герой живет во времени и пространстве, осваивая их, дает оценку событиям и людям. Приведем примеры подобных метафорических оценок.

Осмысление временных периодов в истории страны и связанных с ними событий производится автором с помощью метафорических образов, важным содержательным моментом которых являются разнообразные варианты интенсивности. Например, революционные преобразования ассоциируются у Булгакова с таким динамичным природным процессом, как *буря* – ‘ненастье, сопровожданое сильным разрушительным ветром, часто с дождем или снегом’ (МАС). *Извозчики то вереницей, то в одиночку. Дыхание бури их не коснулось. Они такие, как были в 1822 г., и такие, как будут в 2022, если к тому времени не вымрут лошади* – здесь *бури* в перен. знач. ‘чрезвычайно сильное, бурное проявление чего-либо’ (МАС).

Неоднократно для создания метафорического образа пространственно-временной оценки автором используется своеобразная градационная шка-

ла (*ступени, спектр*), суть которой составляют ее крайние звенья – показатели максимального отклонения от нормы признака в ту или другую сторону: *Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску. Это спектр. Световые эффекты в ней поразительны. Конtrasты – чудовищны. Дуньки и нищие (о, смерть моя – московские нищие! Родился нэп в лакированных ботинках, немедленно родился и тот страшный в дырах с гнусавым голосом и сел на всех перекрестках, заныл у подъездов, заковылял по переулкам, благой мат искоаемых извозчиков и бесшумное скольжение машин, сияющих лаком, афиши с мировыми именами... а в будке на Страстной площади торгует журналами, временно исполняя обязанности отлучившегося продавца, неграмотная баба!* Включенные в отрывок контекстуальные антонимы, демонстрирующие максимум различия между двумя признаками, представляют собой авторское видение и соответствующее ему вербальное наполнение зон отклонения от нормы на шкале «бедность – богатство». Они выражены существительными или субстантивными оборотами, обозначающими конкретные предметы, но обладают значением квалификативных признаков за счет приглушения прямономинативного значения и актуализации стилистических эмоционально-оценочных сем.

Будучи приложима к самым разным предметным свойствам объективной действительности, градационная шкала помогает представить широту диапазона охватываемых признаков, определить переходные случаи между отдельными участками, а перечисление ее звеньев, «ступеней» – создать представление о движении в сторону усиления – в зону высокой степени признака: *Однако я далек от мысли, что Золотой век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок, симптомы которого так ясно начали проступать в столь незначительных, казалось бы, явлениях, как все эти некурительные и неплевательные события,пустят окончательные корни. ГУМ с тысячами огней и гладко выбритыми приказчиками, блестящие швейцары в государственных магазинах на Петровке и Кузнецком, «Верхнее платье снимать обязательно» и т. под. – это великолепные ступени на лестнице, ведущей в рай, но еще не самый рай. Для меня означенный рай наступит в то самое мгновение, как в Москве исчезнут семечки. ...Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию, поезд (150 километров в час), всеобщую грамотность и прочее, что уже несомненно означает рай.* Подобные номинации, будучи перенесенными из иных предметных сфер (в данном случае из области религии), означая предельные, наивысшие точки в развитии признака, десемантизируются и поэтому требуют обязательной дескрипции – перечня конкретных пунктов, включенных автором в содержание понятия (ср., например, иное смысловое содержание понятия *рай*: *Тишина – это великая вещь, дар богов, и рай – это и есть тишина*). При контрастном столкновении предметных сфер возникает эффект комического.

Градационная шкала, оформленная с помощью числительных, конкретизирует зону высокой степени признака, указывает точное расположение в ней ее составляющих, как например, при пояснении следующей метафоры: *Ара – солнце, вокруг которого, как земля, ходит Киев. Все население Киева разделяется на пьющих какао счастливцев, служащих в «Аре» (I-й сорт людей), счастливцев, получающих из Америки штаны и муку (II-й сорт), и чернь, не имеющую к «Аре» никакого отношения.*

С представлением о градационной шкале и ее различных зонах связаны у Булгакова номинации лиц – персонажей его произведений. Например, в целом ряде рассказов (и повестей) данного цикла раскрываются способы решения «квартирного вопроса», в соответствии с которыми автором даются характеризующие именования героям. Интересно, что близкий автору рассказчик-повествователь собственное место на данной градационной шкале видит в зоне средневысокой степени признака (на основе совокупности факторов): *Я, граждане, человек замечательный, скажу это без ложной скромности. Трудножку в три дня добыл, всего лишь три раза по 6 часов в очереди стоял, а не по 6 месяцев, как всякие растяпны. На службу пять раз поступал, словом, все преодолел, а квартирку, простите, осилить не мог. Ни в три комнаты, ни в две и даже ни в одну. И как сел в знаменитом соседстве с Василием Ивановичем, так и застрял.* Деловые же качества лиц, сумевших отстоять принадлежащую им жилплощадь от притязаний новой власти, оцениваются рассказчиком метафорами с синтаксически обусловленным значением: *Зина, ты орел, а не женщина!* (...*Зина рассказала, что однажды на грузовике приехал какой-то и привез бумажку «вытряхивайтесь»!! А она взяла и ... не вытряхнулась*); ...*Яша – ты гений!* (*Яша ухитился в 5 (пяти) комнатах просидеть один, наклеив на дверь полусгнивший от времени... ордер, из которого явственно, что у означенного Яши студия*). Ср.: *орел* – перен. ‘о гордом, смелом, сильном человеке’ (СОШ); *гений* – ‘человек, обладающий высшей творческой способностью’ (СОШ).

Особой экспрессией в силу выражаемой ими интенсивности признака обладают окказиональные номинации: *Возникает вопрос – какой это пистолет написал нашей курьерше заявление в суд месткома?* (в данном случае интенсема служит основой функционального переноса).

На основании компонента интенсивности Булгаковым построены весьма обширные номинационные ряды персонажей, члены которых варьируют высокую положительную оценку с помощью дифференциальных признаков, согласующих ее с условиями ситуативного употребления и конкретным контекстом. Так, например, профессор Преображенский с точки зрения пса Шарика занимает высокое место в социальной иерархии (*не гражданин и не товарищ, а господин*); за достигнутые профессиональные качества и успехи в медицинском экспериментировании он именуется окружающими как *величина мирового значения, светило науки*; за свой чудодейственные способности, превосходящие обычные человеческие, он назван *маг и чародей, кудесник, жрец, творец*; за способность дать отпор сильно-

му противнику (представителям домкома) характеризуется восхищенными репликами Шарика: *Вот это парень! Ну парень!*; наконец, по отношению к Шарику ... *Он – добный волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки*; а за преобразование песьей судьбы от него окончательно получил звание божества. Все перечисленные номинации содержат компонент интенсивности в виде семы «превосходства» окружающих в чем-либо, высокой положительной оценки. Тем резче переход к номинации иной, низкой зоны оценочности и иной эмоциональной окраски, той, которую дает «очеловеченный» Шариков Филиппу Филипповичу – *папаша*.

Способствует актуализации компонента интенсивности в виде высокой этико-психологической оценки употребление подобных номинаций в эмоционально окрашенных синтаксических конструкциях, содержащих усиливательные частицы, определительные местоимения, местоименные наречия, междометия: *O, мой властитель!*; *Вот это личность!* *Боже мой, на кого же ты нанесла меня, собачья доля?* *Что это за такое лицо, которое может псов с улицы мимо швейцара вводить в дом жилищного товарищества?* Субстантивные номинации, включенные в данный ряд, усиливаются с помощью согласованных и несогласованных определений-распространителей, в роли которых выступают адъективные интенсивы и интенсификаторы: *O, бескорыстная личность!* *Человек с большим вкусом.*

Отметим также выделенную нами группу существительных, содержащих семантический вариант интенсивности в виде «большого количества, большого размера», которая распадается на две подгруппы: в них входят лексемы, метафорически обозначающие соответственно массы одушевленных и неодушевленных предметов. Примеры первой подгруппы носят в основном узальный характер: *Тьма событий произошла в это время;* *Свет заливал целую бездну предметов;* ...*а над ней шел лес плакатов и знамен* и т.п. Переносные значения носят конструктивно ограниченный характер. Интересно, что в авторском восприятии (возможно, из-за большей частотности употребления) первичным значением лексемы *море* является значение количественно-размерное, а не предметное, как в узусе, свидетельством чему служит необычное (тавтологичное) сочетание *море морское*: *И в этот вечерний, вольный, тихий час сидят на мраморных скамейках, дышат воздухом и смотрят на два моря – парковое зеленое, гигантскими уступами – сколько хватит глаз – падающее на море морское, которое теперь уже в предвечерней мгле совершенно ровное, как стекло*, ср. также: *Обломки кекса плавали внутри меня в чайном море и вызывали чувство тоски.*

Группа обозначений большого числа лиц включает окказиональные словоупотребления: – *Я живой, да один. А вас, мертвых, – бугры. Ежели я за каждого буду бегать, сам ноги протяну.* При использовании же узальных номинаций обращает на себя внимание актуализация сопутствующих семам интенсивности отрицательных коннотаций – от уподобления людских масс неодушевленным предметам, низко организованным существам: *Они (дачники – М.Л.) двинулись тучами по всем линиям; и по утрам пачками,*

*зевая и томясь, стоя, неслись в дачных вагонах в Москву; ср. также: **стена** людей; целая **пропасть** старушек и пожилых дам; **плывет река** в миллион; а также **муравейник** людей – до включения в негативный ассоциативный ряд лента – червивая каша – змея: **людская лента**; **змея** конной армии; **Змеей**, тысячей звеньев идет хвост к Параскeve Пятнице.*

Группа существительных высокой количественно-размерной оценки предмета содержит суффиксальные образования со значением увеличительности: – *Ишь, домина!* ('большой дом'); *В парке ночевал. Холодина* ('сильный холод'). Свообразие рассматриваемых форм в том, что они несут двойную семантическую нагрузку: на передаваемое ими значение предельно высокой безотносительной степени интенсивности часто накладываются эмоционально-оценочные обертоны, предопределяющие разные сферы их стилистического использования. Ю.Л. Воротников считает, что размерное «значение существительных с уменьшительными и увеличительными суффиксами ... реализуется на лексическом уровне и является суммой значений корневой и аффиксальной морфем» (Воротников 1999, с. 66). В рассказах и повестях с употреблением подобных существительных связана, как правило, отрицательная экспрессия: *Единственное неудобство: в зеркальных отражениях маленькая дырка на твоих штанах превращается в дырищу величиной с чайное блюдечко.* Мотив интенсификации, увеличения размеров, таким образом, связывается с одним из устойчивых мотивов – «неузнавания» себя в зеркале (в следующем примере синонимичным средством передачи аналогичного содержания является словосочетание с прилагательным-интенсивом): *Она глянула в зеркало и ахнула. Из круглого стекла выглянула великанская физия с обвисшими щеками и волосами толстыми, как нитки. Супруга повернула зеркало другой стороной и увидела себя с головой маленькой, как чернильница.*

И, наконец, отметим образные реализации эмоционального фрагмента мира булгаковских героев, в основе которых лежат субстантивно-глагольные метафоры. Как уже отмечалось, персонажи сатирических произведений тяготеют к выразительному проявлению отрицательных эмоций большой внутренней силы, которые поглощают, захватывают человека без остатка, оказываются ему неподконтрольными. Результат подобного нарастания силы эмоций содержится в следующей метафоре: *Ненависть его питалась каждый день и выросла в конце концов в злобную фурию, слопавшую человека без остатка, – он начал подозрительно кашлять, и на щеках у него появился пятнистый румянец.*

При метафорическом употреблении наименования сильных эмоций могут частично делексикализоваться и переходить в разряд показателей интенсивности признака. Например, финальная часть рассказа «Москва 20-х годов», где говорится об окрыляющих рассказчика надеждах (*Москва! Я вижу тебя в небоскребах!*), озаглавлена Экстаз. Однако это слово реализует не столько значение ‘исступленно-восторженного состояния кого-либо’ (СОШ), сколько значение предельной степени признака, суперла-

тивности, так как, по мнению автора, она повествует о единственно правильном и приемлемом способе решения жилищного вопроса.

Итак, обозначение интенсивности признака в области существительного связано в основном с внутренней интенсификацией, с метафорическими оценками разного рода. Значимость субстантивных интенсивов в рассматриваемых текстах определяется их ключевой в них ролью.

Воротников, Ю.Л. Степени качества в современном русском языке / Ю.Л. Воротников. – М., 1999.

Кубрякова, Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Е.С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996 (ТФГ).

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981-1984 (МАС).

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.

Источники

Булгаков, М.А. Собрание сочинений: В пяти томах / М.А. Булгаков. – М., 1989.

Т.Н. Павлова

Об омонимичности суффикса *-ьцъ-* (-*ецъ-*) в древнерусском языке и его синонимичных отношениях с суффиксом *-инъ-*

Как известно, развитая система суффиксации является наиболее яркой чертой именного словообразования в русском языке. Это во многом объясняет наличие как синонимичных, так и омонимичных словообразовательных единиц, характеризующихся стилистической и семантической окраской. При этом следует учитывать тот факт, что синоморфемы образуют словообразовательные синонимы – слова, характеризующиеся одинаковыми словообразовательными связями (общностью производящих основ), одинаковыми словообразовательными значениями и разными аффиксами (синоморфемами). Омонимичные аффиксы, как правило, присоединяются к разным производящим основам, образуя слова с разными лексическими и словообразовательными значениями. В древнерусском языке одинаково широко были представлены такие языковые явления, как синонимия, омонимия и многозначность. В частности, явление омонимии было широко распространено среди глаголов, но встречалось и у существительных. Так, например, в текстах жития Бориса и Глеба, представленных летописными и художественными вариантами, наблюдается омонимия суффикса *-ьцъ-* (-*ецъ-*) в значении лица и значении уменьшительности в нари-

цательных существительных и одновременно его синонимичные отношения с суффиксом *-инъ-* в том же значении лица.

Например, в таких лексемах, как *корабль* – *корабльцъ*, *бояринъ* – *боярьцъ*.

В составе рассматриваемых нескольких списков жития Бориса и Глеба лексема *корабльцъ* характеризуется большей частотностью употребления. Она встречается в Новгородской 4-ой летописи, в Сильвестровом сборнике и в «Сказании и страдании и похвале святым мученикам Борису и Глебу»:

– *Святыи же ехаша въ корабльци и сретоша усть реки Смядыни* (Новгород. 4-ая лет.);

– *И яко приде къ Смоленьску и поиде от Смоленьска, яко зрямо одно, ста на Смядине в корабльци* (Сильв. сб-к);

– *И яко приде Смолиньску и поиде отъ Смолиньска, яко зряма едино, ста на Смядине въ кораблици* («Сказание...»).

В Ипатьевской летописи в идентичном контексте использована лексема *корабль*: *И приде ко Смоленьску и поиде от Смоленьска яко зряма и ста на Смядине в корабли*. В Радзивиловском и Лаврентьевском летописном списках данное слово в приведенном контексте отсутствует, но обнаруживается в Лаврентьевской летописи в описании процесса перемещения тела Глеба в Вышгород: *И обретоша и иде же бяша видели, и шедъше съ крясты и съ свяющими мънозями и съ кандилы, и съ чистию многою, и въложиши въ корабль, и пришедъше положиша и Вышегородь, иде лежить и мяло преблаженааго Бориса*.

Как писал Г.А. Николаев, «в истории русского языка суффикс *-ец*- (*-ьцъ-*) был самым продуктивным словообразовательным средством, оформлявшим сложные *nomina agentis...* по той же причине, по какой он использовался при создании простых слов от образований нулевой суффиксации, а именно по необходимости субстантивировать древнее имя и заодно подчеркнуть в производном значении лица, выделив его из суффиксально-нулевой синкреты» (Николаев 1972, с. 23). Но относительно лексем *корабль* – *корабльцъ* нельзя говорить о подчеркивании в производном *корабльцъ* значения лица, так как данная лексема явно не обозначает в приведенном контексте лицо, выполняющее какое-либо действие или характеризующееся каким-либо признаком. Следовательно, в период написания и даже переписывания данных текстов жития суффикс *-ьцъ-* (*-ецъ-*) мог присоединяться к разным основам и образовывать лексемы не только со значением лица, но и со значением предмета. В последних образованиях этот суффикс мог указывать на «неглагольность» лексемы. Если обратиться к Словарю Академии Российской (далее – САР), то можно найти следующее замечание, касающееся значения слова *корабль*: *корабль, умал. кораблецъ и корабликъ, то есть маленькое мореходное судно, тогда как корабль (по Толковому словарю В.И. Даля) – это большое парусное морское судно*.

Очевидно, что со временем суффикс *-ецъ-* (*-ьцъ-*) в составе древнерусских предметных имен существительных стал обозначать величину предмета наряду с параллельными лексемами, оформленными суффиксом

-икъ-, который постепенно вытеснил синонимичный ему в значении уменьшительности -ыцъ- (-ецъ-) как наименее продуктивный из ряда словообразовательных средств, образующих лексические единицы со значением уменьшительности. Уже в словаре В.И. Даля форма *кораблец* не фиксируется даже как устаревшая.

В летописных и художественных текстах житий редки лексемы, оформленные суффиксом -ыцъ- (-ецъ-) в значении уменьшительности.

Значение лица суффикс -ецъ- в рассматриваемых списках текста жития имеет в составе лексем *новгородецъ*, *хромеца*, *стареца*, *бояреца* и т.п. Последняя лексема, в частности, коррелирует с *бояринъ* в следующем контексте:

- *Святополк же... призыва Путьшу и вышегородскыя бояръ* (Ипатьев. лет.);
 - *Святополк же... призыва Путьшу и вышегородские боарце* (Радз. лет.);
 - *Отаи призыва Путью и Вышегородскыя боляръцъ* (Лаврентьев. лет.);
 - *Святополк же... призыва вышегородские бояре* (Новгород. 4-ая лет.)
- (в данном контексте форма *бояре* выражает множественное число лексемы *бояринъ*).

В Сильвестровом сборнике и «Сказании...» на месте этой лексемы употреблено слово *мужи*: *Прииедъ Вышегороду ночь, отаи призыва Путьшу и вышегородскыя мужи и Прииедъ Вышегороду ночь, отаи призыва Путьшу и вышегородскыя мужъ...*

Так как оба суффикса -инъ- и -ыцъ- служат для образования лексем со значением лица, в данных примерах наблюдается полное совпадение как лексического значения основ, так и словообразовательного значения аффиксов. Это тот случай, когда словообразовательный формант и производящая основа «работают» вместе. Все дело в выборе оформляющего лексему аффикса. Значение лексемы *бояринъ* полностью соответствует значению лексемы *боярецъ* – «член высшего сословия» в составе анализируемых контекстов, но по «Материалам...» Срезневского значение лексемы *боярецъ* передается через лексему *бояринъ* – бояръцъ = боаръцъ – бояринъ, муж боярский, которая в свою очередь имеет следующую дефиницию: бояринъ, бояре = бояринъ, боляре – член высшего сословия. Следовательно, какие-то оттенки значения существуют: лексема *боярецъ* относила человека, называемого этим словом, к сословию именно бояр, а лексема *бояринъ*, как образование, скорее всего, более новое (на что указывает суффикс -инъ-, так же, как, например, в образовании *воинъ*), указывало на отношение человека к высокому сословию вообще. Об этом свидетельствуют и данные САР: в XVIII в. лексема *бояринъ* омонимизировалась и «в обыкновенном употреблении» соответствовала лексеме *баринъ*. Данная словоформа называла «вельможу (степень сего достоинства въ старину давалась первейшим особамъ въ государстве, которое они удерживали и при чинахъ своихъ)» и «господина, помещика и всякого имеющего слуг или именем от них, также и от тех называется, которые у них про господина спрашивают». Как отмечено в Толковом словаре живого великорусского языка В.И.

Даля, лексема *бояринъ* употребляется уже только в значении «барин» с пометой *ныне*. Тогда как форма множественного числа *бояре*, например, в том же XVIII в. и в XIX в. уже не соотносилась со словоформой *бояринъ*, а обозначала очень далекую от его значения реалию: «въ низовых украинских городах называются поезжане на свадьбе или холостые молодцы со стороны жениха, кои обыкновенно ездят верхами» (САР) или «на свадьбах, все гости, все поезжане» (В.И. Даляр). Это можно наблюдать и на примере одноосновного образования *боярина*, которое так же не соотносится с лексемой *бояринъ* в значении «муж боярский»: 1) поместье, владение боярское, господское; 2) оброк, подать платимая от крестьян господину своему; 3) всякая работа, которую отправляют крестьяне на господина своего. Единственно сохранившееся отношение к боярам как к сословию проявляется в одном из значений лексемы *боярство* – «собрание людей этого звания» (В.И. Даляр). Можно сказать, что с утратой такой жизненной реалии, как боярство, и у языковых единиц, имевших к ней отношение, лексические значения подверглись либо семантическим изменениям (боярин тоже, что и господин, но не в значении «представитель определенного сословия»), либо их место заняли значения, не соотносимые с реалиями прошлого.

Тот факт, что суффикс *-ьцъ-* имел два независимых словообразовательных значения – значение уменьшительности и значение лица – и присоединялся к именным производящим основам позволяет говорить как о его омонимичности (*корабльцъ – боярьцъ*), так и о существующих между ним и суффиксом *-инъ-* отношениях синонимичности (*боярьцъ – бояринъ*). Примеры употребления суффикса *-ьцъ-* в составе словоформ в значении уменьшительности весьма редки, что свидетельствует о непродуктивности данного аффикса в этой словообразовательной категории и объясняет его быстрое вытеснение формантом *-икъ-*. Недолгие отношения омонимичности можно объяснить более устойчивыми и развитыми отношениями синонимии. Стремление языка к точности и конкретности, разграничению единиц по выражаемым ими значениям, стремление упорядочить широко разветвленную систему словообразовательных формантов приводит в итоге к потере некоторых элементов, как правило, наиболее «слабых» и непродуктивных. Вследствие всех этих процессов в языке из двух параллельных синонимичных пар словообразовательных формантов *-ьцъ-/икъ-* (*корабльцъ – корабликъ*), *-ьцъ-/инъ-* (*боярьцъ – бояринъ*) закрепились как наиболее продуктивные: в значении уменьшительности суффикс *-икъ-* и в значении лица суффикс *-ьцъ-* (*-ецъ-*), потеснивший синонимичный ему суффикс *-инъ-*.

Балалыкина, Э.А. Русское словообразование / Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев. – Казань: Изд-во КГУ, 1985. – 184 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. / В.И. Даляр. – М.: Мир книги, 2004.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т.2. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 1105 с.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т.1 – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 733 с.

Николаев, Г.А. Суффиксальная синонимия в языке Успенского сборника / Г.А. Николаев // Вопросы теории и истории русского словообразования: крат. изложение до-кладов 2-ой межвузовской конференции по словообразованию (март – 1972 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – С. 21-23.

Новгородская 4-ая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т.4. Ч.1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 886 с.

Радзивиловская летопись [Подгот. М.Д. Приселковым и др.] // Полное собрание русских летописей. – Т. 3. – М.: Наука, 1989. – 177 с.

Русская грамматика: В 2 т.; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

Словарь Академии Российской. 1789-1794. – Т. 1-6 [Электронный ресурс]. – М.: МГИ им. Е.Р. Дацковой, 2001.

Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.: В 10 т. – М.: Наука, 1988-2002.

Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1975 -1997. – Вып. 1-22.

Словарь русского языка: В 4-х т.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1983.

Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / АН СССР, Ин-т языка. – М.: Рус. яз., 1950-1965.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. / И.И. Срезневский [Предисл. Г.А. Богатовой]. – М.: Книга, 1989.

Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. – М.: Рус. яз., 1985.

Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу [перевод на русский язык] // О, Русская земля! / Сост., предисл. и прим. В.А. Грихина. – М.: Сов. Россия, 1982. – 368 с.

Сказание и страсть и похвала святыю мученику Бориса и Глеба / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – нач. XII вв. / Коммент. Л.Д. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с. – С. 278-303.

Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение повестей из Сильвестрова сб. – М.: Художественная литература, 1985. – 240 с.

<http://www.philippovich.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Frameset>

Художественный текст: семантический и стилистический аспекты

И.Н. Анисимова

Сравнения в составе пейзажных описаний новелл Ги де Мопассана

Многие лексические единицы пейзажных описаний новелл Ги де Мопассана переосмыслены в сравнениях. В современной лингвистической литературе сравнение понимается как некая общая схема построения сложного знака, который несёт компаративную функцию. При этом семантический признак (сравнительное значение) является ведущим принципом объединения множества разнородных в синтаксическом плане конструкций (Гришаева 1996, Тулина 1973, Черемисина 1976).

В семантическом плане все сравнительные обороты, встречающиеся в пейзажных описаниях новелл Мопассана, в зависимости от человеческих ощущений, на которых они основаны (основание сравнения), и в соответствии со значимыми возможностями человеческого восприятия окружающей природной действительности можно разделить на следующие семантические группы.

1. Сравнения на основе сходства зрительного впечатления (самая многочисленная группа): *вода, как воздух небес; большая купа деревьев казалась усыпальницей, где погребен мой дом; желтые одуванчики горели, как огоньки; беспрерывно падающие листья казались слезами; открытое море, гладкое, словно доска зеленого мрамора; пустынные улицы, черные, черные, черные, как смерть и др.*

Здесь наблюдаем следующие направления, по которым проходят семантические преобразования имен существительных в составе сравнений (предмет сравнения > образ сравнения): *вода > воздух; купа деревьев > усыпальница; одуванчики > огоньки; листья > слёзы; ласточки > стрелы; пляж > цветник; листья > слезы; улицы > смерть и др.* Семантический перенос производится по цветосветовому сходству, сходству формы, строения, очертания, выполняемым функциям сравниваемых предметов и явлений. Но чаще всего главным основанием переноса значений являются трудно определяемые ощущения, впечатления человека от внешнего вида, которые, как известно, во многих случаях индивидуальны, поэтому образ сравнения часто необычен.

2. Сравнения на основе сходства запахов: *по темным улицам, которые спускаются к морю, как сточные трубы, пропитанные тяжелым запахом – дыханием притонов; золотой дым, пахнущий медом и разносящий кругом, как ласкающую пудру парфюмера, свои благоуханные семена; запах сырой земли... как ... запах нагого тела женщины.*

Стоит отметить, что встречаются сочетания зрительных впечатлений и данных обоняния, положенные в основания сравнений, например: *улицы > сточные трубы* (общий внешний вид и неприятный запах); *семена > пудра* (размер, текстура, воспринимаемые зрительно, и аромат); *запах земли > запах тела женщины* (нагота и схожие обонятельные ощущения).

3. Сравнения на основе звукового сходства: *шелест опадания звучал, как жалоба; всё вокруг было полно их* (кузнецов) *отчетливого стрекотания, напоминавшего звук деревянных трещоток, которые продают на ярмарках ребятишкам.*

Направления таких сравнений, как *шелест > жалоба; стрекотание кузнецов > звук деревянных трещоток*, необычно передают тонкие аудиальные впечатления человека и одновременно, описательно обозначая звук, вызывают яркие ассоциации, необходимые по содержанию той или иной новеллы.

Признаки, лежащие в основе сравнений, могут быть представлены одной лексемой: *открытое море, гладкое, словно доска зеленого мрамора*, – но в большинстве случаев развернуты в разные варианты нестандартных по смыслу сложных построений: *обширный пляж, усеянный людьми, пестрел женскими туалетами и напоминал цветник*. Нужно отметить, что многие из рассмотренных сравнений носят исключительно оригинальный, высокохудожественный характер.

Семантика компаративного имени позволяет разделить анализируемые сравнительные конструкции на два типа.

1. Сравнения с природными явлениями, растениями, насекомыми: *в пречудливых клубах тумана, зубчатых, как горная цепь; крохотные лепестки непрестанно осыпались с ветвей, порхали и кружились, как снежинки; одуванчики пылали огоньками; широкая, словно море, зеленая равнина; купол Дома инвалидов казался вторым солнцем, упавшим с неба на вершину здания; скирды обмолоченной соломы, похожие на огромные желтые грибы; крохотный, как муха, пароходик.*

Такие построения вполне естественны, поскольку предмет сравнения и образ сравнения представляют собой явления одного порядка. В сравнительной конструкции объединяются следующие природные объекты: *клубы дыма – горная цепь; лепестки – снежинки; одуванчики – огоньки; равнина – море; купол дома – солнце; скирды – грибы; пароходик – муха*. Сама идея сравнить неодушевленные предметы и найти у них общие черты вполне обычна, необычным является лишь то, что в реальной жизни они никогда не сталкиваются и, следовательно, не дают повода их сравнивать. До Мопассана никто ещё их не объединял в сравнения и не находил общие точки соприкосновения у этих далёких друг от друга предметов.

2. Сравнения с объектами, имеющими отношение к человеческой деятельности: *ирисы с листьями, похожими на сабли (мечи); вода вздувалась валиком, охватывая их (камни), словно галстук с бантом из пены; оголённые поля, желтая короткими стеблями скошенных хлебов, торчавших из земли, словно щетина небритой бороды; черная, как чернила, река.*

Довольно часты сравнения с предметами человеческого быта, интерьера: *маяк, похожий на непомерно длинную свечу; узкие долины олеандров, которые с высоты гор кажутся восточными коврами, разостланными по берегам речки; по низкому дерну, мягкому и гладкому, раскинутому, как ковер, на самом краю обрыва; надо было пересечь по самому солнцепеку равнину, голую, как стол; желтый отблеск на спокойной глади реки ... походил на пламенеющий муар; точно золотая корона, большой куст испанского дрока в цвету.*

Обращает на себя внимание многочисленность второй группы сравнений (имеющих отношение к человеческой деятельности). Хотя Мопассан негативно относился к городской цивилизации и к современной ему городской деятельности человека (достаточно вспомнить его восприятие Эйфелевой башни), окружающая природная действительность очень часто в его новеллах сравнивается с плодами человеческого труда. Направления семантических преобразований таких сравнений выглядят достаточно необычно: *полчище ворон > траурная вуаль; река > чернила; маяк > свеча; равнина > стол; отблеск на глади реки > муар* (шелковая ткань с цветными переливами); *куст > корона*. Регуляры сравнения поверхности земли с ковром, при этом компаративное имя всегда выглядит одинаково, а предмет сравнения может быть представлен разными лексемами (*трава, долина*). Частотностью и повторяемостью в употреблении отличаются сравнения яблоневого цвета со снегом, облаков и падающих листьев с птицами.

Многие явления природы в составе пейзажных описаний анализируемых новелл сравниваются с одушевлёнными предметами или им приписываются свойства живых существ, в том числе и человека. Одушевлять неживые предметы – вполне в традициях литературного произведения: *у самой реки, которая, казалось, дремала в знойной ласке лучей; цветущие яблони белые, как напудренные головы; природа словно пробуждалась, отряхивалась, улыбалась и, как девушка, вставшая с постели, сбрасывала покровы белых туманов; стоит несколько уродливых, старых деревьев; они с трудом, казалось, взобрались наверх, подобно разведчикам, опередившим скученную позади толпу; менгир и долмен, похожие на двух супругов, превращенных в камень силою злых чар.*

Свойства живых существ приписываются природным объектам глагольными лексемами типа *дремать, дышать*. Компаративное имя может обозначать отдельную часть тела: *яблони > головы* или называть людей: *деревья > разведчики, камни > супруги*. Общее схематичное направление сравнений *природа > женщина* часто наблюдается среди рассматриваемых конструкций в различных вариантах, обычно образ женщины и отношение к ней даны в эротическом ключе, что соответствует галльской традиции, литературным наследником которой по праву считают Мопассана.

Материалом для нашего исследования послужили русские переводы новелл Мопассана, которые достаточно точно передают особенности оригинального текста, однако некоторые расхождения наблюдаются. Так, в со-

ставе сравнительного оборота функционирует в качестве образа сравнения русское абстрактное существительное: *я был словно закутан до пояса в ватное покрывало необыкновенной белизны* (о тумане). Исходное французское сравнение содержит полисемантичную лексему *parre*, главное значение которой вполне конкретное – *скатерть*. В этом случае объём и характер семантики исходного и переводного выражений не совпадают.

Как показывают примеры, сравнения в составе пейзажных описаний новелл Мопассана довольно просты и незамысловаты по содержанию, подсказаны самой жизнью. Это обусловлено стремлением писателя подметить характерное в описываемом явлении и изобразить его в словесной форме наиболее образно, выразительно и ярко. Л.Н. Толстой считал, что Мопассан обладал даром видеть в предметах то, чего не видят другие. Стоит вспомнить, что именно этого умения требовал от начинающего писателя его литературный наставник Гюстав Флобер.

Гришаева, З.В. Сравнительные конструкции в чувашском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / З.В. Гришаева. – Чебоксары, 1996. – 195 с.

Тулина, Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т.А. Тулина // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51-63.

Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.

Т.А. Воронова

Индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в поэзии Арсения Тарковского

В данной статье рассматривается использование общеязыковых фразеологизмов в контекстно-индивидуальном значении на материале поэзии Арсения Тарковского.

Прежде всего следует рассмотреть такое явление, как «индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов» и «различные виды их контаминаций» (Молотков 1967, с. 20), а также «употребление слова вне фразеологизма, но с намеком на фразеологизм, из которого извлечено рассматриваемое слово» (Ковалев 1966, с. 131). Приведем несколько примеров из «Словаря лирики Арсения Тарковского».

В СОРОЧКЕ, фразеол. (1) В словесной оболочке (по аналогии с фразеологизмом). // Слово только оболочка, Пленка, звук пустой, но в нем Бьется розовая точка, Странным светится огнем. Бьется жилка, вьется живчик, А тебе и дела нет, Что в сорочке твой счастливчик Появляется на свет. (Слово) (Воронова 2004, с. 122).

В СТУПЕ ТОЛОЧЬ, фразеол. (1) Измышлять без существенной цели (по аналогии с фразеологизмом «воду в ступе толочь»). // ...Полурифмы он

в ступе, как воду, толок. («Был он критикой признан, и учениками...») (Там же, с. 125).

ДАВИТ ГОРЕ НА ПЛЕЧИ, фразеол. (1) Контаминация двух фразеологизмов: «давит горе» и «взвалить бремя на плечи». // Словно не *давит* мне *горе на плечи*, Словно урок мой еще не совершен И глухота мне твоя не знакома, Глупый мой сон, неразумная дрема... («Глупый мой сон, неразумная дрема...») (Там же, с. 172).

Особого внимания заслуживает употребление фразеологизмов в нетрадиционном значении. Так, выражение «бросаться в ноги», обычно понимаемое как «падать на колени с мольбой или просьбой», у Тарковского приобретает значение «налетать, сбивать»:

Только ветер *бросается в ноги*
И глаза обжигает до слез.

(Проводы)

Подобному изменению подверглось и значение словосочетания «великий пост». В приводимом ниже контексте оно лишено религиозного смысла, что подчеркнуто и орфографически: слово «великий» начинается со строчной буквы. «Великий пост» – по-видимому, метафорическое определение голода, постигшего страну в послевоенные годы:

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.
Он говорит: подымите мне веки! –
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит *великим постом*.

(«Тянет железом, картофельной гнилью...»)

Любой фразеологизм отличается от свободного словосочетания «наличием семантической двуплановости» (Добровольский 1992, с. 9), то есть может быть прочитан как в прямом, так и в переносном смысле, что позволяет поэту использовать такой прием, как дефразеологизация устойчивого сочетания. К примеру, фразеологизм «согнуть в бараний рог» приобретает значение, близкое к прямому, – «сильно накренить»:

Там я услышал первые раскаты
Грозы. Она *в бараний рог согнула*
Упрямый ствол...

(Дождь)

Образный контекст может также строиться на «игре» прямого и переносного значений, заключенных во фразеосочетании:

...Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры – хвать! – и рифмами двоит.

(Рифма)

В последней строке отрывка представлен вариант вполне узнаваемого фразеологизма «взять за жабры». Одновременно с фразеологическим значением подключается и прямое: оно возникает за счет сравнительного оборота «как плотву» (т.е. рыбу, которая действительно имеет жабры).

Таким образом, язык становится для поэта одновременно инструментом и материалом: в поэтическом контексте реализуются «скрытые» возможности языковой системы.

Воронова, Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть 1 (А-Йота) / Т.А. Воронова. – Воронеж, 2004. – 196 с.

Добровольский, Д.О. Фразеология в ассоциативном словаре / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караполов // Известия РАН. Серия литература и язык. – 1992. – Т. 51. – № 6. – С. 3-13.

Ковалев, В.П. Словник мови Шевченка в двух томах / В.П. Ковалев // Вопросы языкоznания. – 1966. – № 1. – С. 129-133.

Молотков, А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А.И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка. – М., 1967. – С. 20-21.

Е.А. Зацепина

Стилистические функции антропонимов в современной фэнтези

Мир имен собственных в современной фэнтези, фантастически богатый, разнообразный, полный неожиданностей для читателя и исследователя, остается практически неизученным.

Целью нашего исследования является описание стилистических функций антропонимов в романах Михаила Успенского «Там, где нас нет» и Олега Шелонина и Виктора Баженова «Операция «У Лукоморья...».

Методом сплошной выборки из исследуемых художественных текстов были выписаны все ономастические единицы. Их общее количество составило 236 различных единиц, из них 184 имени персонажей, 10 зоонимов, 42 топонима.

Юмористическая трилогия Успенского Михаила Глебовича посвящена похождениям Жихаря – сильного, смелого, но глупого богатыря, который из всех передряг выходит победителем. По мнению Дмитрия Быкова, ведущего программы на радио «Культура», «студенты гуманитарных факультетов рыдают от смеха над страницами романа «Там, где нас нет» (Радио «Культура». 29.04.08).

Роман Олега Шелонина и Виктора Баженова «Операция «У Лукоморья», как и большинство их произведений, – веселый, яркий, озорной, с изрядной долей комизма и буффонады. В качестве отправной точки основного сюжета автор использует прием с перемещением героя во времени и про-

странстве. Наш современник попадает в условно-сказочное время, осваивается в нем и становится важной составляющей этой эпохи.

Необычные сюжетные линии данных произведений, нестандартные персонажи обусловили выбор таких же антропонимов.

В качестве имен собственных авторы используют в своих романах как стандартные имена, зафиксированные в языковой системе (характерные для русского и иностранного ономастикона), так и реалионимы, библионимы, мифонимы, имена из произведений других авторов, нарицательные существительные, употребленные в качестве собственных, окказиональные имена.

Собственные имена в произведениях фэнтези, особенно пародийного и юмористического характера, отличаются исключительной яркостью и выразительностью. Своей семантикой, звуковой формой и структурой они могут вызывать у читателя определенные интертекстуальные ассоциации, давать характеристику персонажу, выражать отношение автора к герою.

Перечислим наиболее яркие особенности функционирования антропонимов в фэнтезийном пространстве.

1. Использование стандартных имен, наглядно свидетельствующих о национальной принадлежности их обладателей.

Адальберт, Арчибалд, Обри, Берtram, Бернар(д), Грегори, Гилберт, Грехем, Хьюго, Хамфри – имена английского происхождения, *Нурдаль* входит в скандинавский антропонимикон; *Степан, Олешка Молотков, Иван, Парашка, Малашка, Матрена, Никита Авдеевич, Федосья, Ухтомский, Афанасий Никодимович, Кожевников* – приметы славянского ономастикона.

2. Использование нестандартных имен, дающих примерное представление о национальности героев.

Вэнь Шу, Ночжа, Луанъяо, Вэй Черное Яйцо, Гао Железное Око, Лю Седьмой, Шэн, У Дэ – антропонимы, построенные на особенностях китайского, японского языка; *Вишвананда* – на основе индийского языка; *Жан де Рабье* построено по французской модели.

3. Использование прецедентных имен, связь которых с текстом-источником является ложной, что способствует созданию условного хронотопа.

В качестве имени собственного могут выступать реалионимы – имена реально существовавших людей, однако в фэнтезийной литературе они обладают рядом особенностей.

В анализируемых текстах нами были выявлены две возможности использования реалионимов:

1) упоминание имен, принадлежащих реальным людям, причем существование этих людей включается в сказочную канву, тем самым сближая фантастический и реальный хронотопы (*Македонский, Навуходоносор, Салтычиха, Эвклидос*);

2) авторы присваивают своим героям собственные имена реальных исторических лиц, при этом подобными фамилиями они наделяют обычно

второстепенных, малозаметных действующих лиц (*Рейган, Рональд, Форд*).

Подобным образом можно охарактеризовать и антропонимы, заимствованные из других исторических источников. Причудливым кажется существование в одном времени и пространстве библейский персонажей и представителей различных мифологических культур: *Адама, Авраама, Соломона, Люцифера, Беовульфа, Геракла, Кощя Бессмертного, Василисы Премудрой, Лиха Одноглазого, Змея Горыныча, Бабы Яги, Саламандры, Соловья-разбойника, Демона Костяные Уши*. Кроме того, второстепенным персонажам принадлежат такие звучные имена, как *Гамлет, Черномор, Гавейн*.

Особо отметим случаи, когда человек из нашей реальности присваивает фантастическим персонажам имена знакомых ему литературных героев:

Трус, Балбес, Бывалый, – мысленно окрестил их Илья, невольно рассмеявшись (Операция «У Лукоморья...», с. 55);

– *Выдюжим, государыня, не сумлевайся. Лишь бы Ваня выдюжил, а запасы у нас хорошие, Чебурашка расстарался* (Операция «У Лукоморья...», с. 69).

4. Активное использование имен нарицательных в качестве собственных как средства создания комического.

Так, злодейские силы именуются такими неуместными в данном случае стилистически разношерстными лексемами, как *Агропром, Педикулез, Райсобес, Косогор, Косорот, Филиал, Преднизолон, Мироед, Супостат, Тестостерон*:

И старый Беломор корявым пальцем правой руки начал водить по ладони левой, словно бы объяснял ребенку, как сорока-ворона кашу варила, поминал злодейские силы: «О Агропром, Педикулез, Райсобес!» (Там, где нас нет, с. 55);

– *А ну, стой! – заорал старец, видя раздор. – Ко мне, сюда, о Косорот, Косогор, Филиал, Преднизолон!* (Там, где нас нет, с. 50);

Первым делом возвзвал он к своим богам:

– *О владыки Беспредела и Ералаша – Мироед, Супостат, Тестостерон!* (Там, где нас нет, с. 239).

5. Использование имен, окказиональных по происхождению, также в роли средства создания комического.

Так, бесстрашные и глупые братья-великаны носят однотипные по структуре имена *Валигора, Валидуб и Валидол*. Обращает внимание десемантизация последней лексемы, разложение ее непроизводной основы на составляющие значащие – *валить и дол*.

Имя героя может быть «говорящим». Таким является имя *Жупел*, который имеет прозвище *Кипучая Сера*, фактически дублирующее его имя (в словаре *жупел* определяется следующим образом: *человек,зывающий страх, отвращение (первоначально кипящая сера или смола, уготованная в аду грешникам)*). Персонаж полностью соответствует своему имени.

Средством выражения разнообразных оттенков юмора и сатиры нередко служит каламбурное обыгрывание антропонимов. Например:

Хрюндиг Две Колонки – фонетические изменения наименования марки магнитофона Грюндиг.

Многие имена, используемые писателем, являются смешными. Например, такие имена, как *Вишвананда*, *Фуфлей*, *Храпоидол*, *Дурло* и др. Они образованы от слов стилистически сниженных: *вши*, *фуфло*, *храпеть*, *дурек* и пр., поэтому употребление их в качестве имен создает комическое впечатление.

6. В фэнтезийной литературе многие имена собственные используются с целью модернисткой игры реминисценциями.

Реминисценция (от позднелат. *reminiscensia* – воспоминание) – в поэтическом и музыкальном произведении черты, наводящие на воспоминание о другом произведении; обычно – результат невольного заимствования автором чужого образа, мотива, стилистического приема, интонационно-ритмического хода. В современном искусстве встречается как сознательный прием, рассчитанный на память и ассоциативное восприятие читателя (слушателя).

Реализация таких аллюзий предъявляет повышенные требования к осведомленности, эрудиции читателя, уровню читательской культуры. В случае успешной реализации аллюзии резко усиливают эстетическое воздействие художественного текста на читателя. С помощью метафоризированных имен собственных текст как бы привязывается к людям и событиям различных эпох, культур, а также к другим литературным текстам. Они включают в себя имена исторических лиц, мифологических персонажей, литературных героев, ссылки на исторические события. В исследуемых текстах такие антропонимы хорошо представлены.

Например, имя персонажа *витязь Как по прозвищу Закаленная Сталь* является ничем иным, как перефразированное название книги «Как закалялась сталь»:

...Жихарь стал рассказывать давнишнюю устареллу, героем которой был витязь Как по прозвищу Закаленная Сталь (Там, где нас нет, с. 71).

Или в тексте мы читаем:

– *А ты вспомни, что ответил отважный муж древности Дыр-Танан, когда стал над ним пощучивать пособник коварного Координала».*

– *А! «Смеется над конем тот, кто не осмеливается смеяться над его хозяином!»* – показал память Жихарь (Там, где нас нет, с.54).

Здесь фонетически искаженные имена отсылают подготовленного читателя к прецедентным текстам. Дыр-Танан – это Д'артаньян, а Координал – кардинал.

Расширение функций и области действия имен собственных дает возможность проецировать различные культурно-исторические срезы и различные жизненные и литературно-текстовые ситуации друг на друга и на

«вечные» тексты, тем самым выходя за рамки единого временного пространства.

Таким образом, антропонимическое пространство в анализируемых романах многомерно: в нем причудливо переплетены реальный, существующий мир и фантастический, вымыселенный.

Успенский, М.Г. Там, где нас нет: Фантастические романы / М.Г. Успенский. – М.: Эксмо, 2003.

Шелонин, О.А. Операция «У Лукоморья...»: фантастический роман / О.А. Шелонин, В.О. Баженов. – М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2002.

Е.В. Кончакова

Лексическое выражение исторического хронотопа в «Записках молодого человека» А.С. Пушкина

Исследование традиционно литературоведческого понятия хронотопа (единства времени и пространства^{*}) с лингвистических позиций (например, изучение лексического состава хронотопа) позволяет обнаружить в языке А.С. Пушкина не выявленные ранее характеристики. В данной статье рассматривается только та часть лексики пушкинской прозы, которая является устаревшей для современного читателя (понятно, что для А.С. Пушкина она могла быть и устаревшей, и нейтральной).

При анализе устаревших слов мы предположили, что историзмы и архаизмы в художественном произведении могут быть квалифицированы как лексические средства построения определённого «участка» его художественного пространства, а именно исторического художественного пространства (Кончакова 2005, с. 220-221; Кончакова 2008, с. 9-50). Исследование лексики, отвечающей за формирование исторического художественного пространства, даёт возможность яснее представить себе особенности идейно-образной системы произведения, которая, бесспорно, выступает главным объектом анализа.

Состав и взаимосвязь историзмов, формирующих исторический хронотоп «Записок молодого человека» А.С. Пушкина, позволяют утверждать, что идейной основой отрывка является проблема *свободы молодого человека, входящего в жизнь*. Для раскрытия этой проблемы активно используется «дорожный» «участок» исторического художественного пространства, который определяет в тексте отрывка и другие виды исторических худо-

*Вслед за М. М. Бахтиным, под хронотопом мы понимаем «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. <...> В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмыслинном и конкретном целом. <...> Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» (Бахтин 1975, с. 234-235).

жественных пространств – прежде всего пространство социальной иерархии.

Действительно, герой «покидает» «учебно-военное» лексическое поле текста (*Давно ли я был ещё кадетом? <...> давно ли я твердил немецкий урок при вечном шуме корпуса? Теперь я прапорщик...* (с. 385^{*})) и, полный надежд на вольное прекрасное будущее, «переходит» в пространство русских казённых дорог: *Теперь я прапорщик, имею в сумке 475 р., делаю что хочу и скачу на перекладных в местечко Васильков* (с. 385)). Однако оказывается, что свобода передвижения по русским просторам находится в зависимости от социального статуса путешественника: *Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скопее лошадей. Но... услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города * до Петербурга едущий шестого класса чиновник с будущим взял двенадцать лошадей, генеральша Б. – восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик* (с. 385). По мнению Б.В. Томашевского, формулировка «...с будущим» вписывалась «...в подорожную тому, кто предполагал ехать не один, а со спутником, но ещё не мог назвать, с кем именно» (Томашевский 1977, с. 541). Современный же читатель, несомненно, воспринимает чиновника VI класса с будущим как чиновника, не только уже добившегося высокого положения, но и имеющего широкие карьерные перспективы (хотя и кажется странным, что он написал сам в почтовой книге или позволил написать смотрителю о своих карьерных надеждах). Нам представляется, что последнее значение – как второстепенное, каламбурное – имел в виду и сам А.С. Пушкин: для небогатого путешественника-неудачника чиновник с будущим – это не только ездок с предполагаемым пассажиром, но и вызывающий зависть высокопоставленный карьерист со связями. Как видим, чиновник VI класса (то есть коллежский советник – чин весьма значительный, равный армейскому полковнику^{**}) имеет в полтора раза больше свободы передвижения по дорогам России, чем генеральская жена, и в шесть раз больше, чем прапорщик (хотя бы и готовый пожертвовать двугривенным, ср.: *Я попытался подкупить его [смотрителя] совесть, но он остался неколебим и решительно отвергнул мой двугривенник* (с. 386)).

Из пушкинского отрывка также видно, что почтовая книга на станции не являлась секретным документом, и каждый желающий мог получить сведения о маршрутах всех проезжающих через станцию путешественников. В соответствии с утверждением Ю.А. Федосюка, на почтовой станции «были курьерские – лошади, приберегаемые для экстренных случаев, правительственные курьеры – фельдъегерей и особо важных персон» (ЭРБ

* Здесь и далее текст произведения А.С. Пушкина «Записки молодого человека» цитируется по изданию: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977-1979. – Т. 6. – С. 385-387. В круглых скобках даётся номер страницы указанного источника.

** Коллежским советником в пространстве русской литературы был, например, Чичиков; о значительности его звания можно судить по тёплому приёму, оказанному ему губернским обществом в «Мёртвых душах».

2001, с. 197-198): *На станции стояла одна курьерская тройка, и смотритель не мог её мне дать. Если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдёт лошадей, то что с ним тогда будет, беда – он может лишиться места, пойти по миру* (с. 386).

Расстояния между станциями (в среднем около 30-ти вёрст (ЭРБ 2001, с. 197), в «Записках...» – 25 вёрст) не позволяют герою пешком добраться до следующего пункта выдачи лошадей, ср.: *Навстречу одниолосатые вёрсты <...> Иду назад, дошел до третьей версты и удостоверясь, что до следующей станции оставалось ещё двадцать две* (с. 387). Затворничество героя на станции обрекает его на общение с ямщиками, которые, однако, не проявляют к нему интереса: ...*Я попытался было завести речь с моим ямщиком, но он, как будто избегая порядочного разговора, на вопросы мои отвечал одними: «не можем знать, ваше благородие», «а бог знает», «а не что...»* (с. 387).

Смирившись с невозможностью быстро получить лошадей, герой рассматривает лубочные картинки. *Картинки*, изображающие библейскую историю о блудном сыне и развешанные на стенах почтовой станции в «Записках...», практически совпадают по описанию с такими же *картинками* на станции Самсона Вырина в «Станционном смотрителе», ср.:

в «Записках молодого человека»	в «Станционном смотрителе»
<p>В [картинках] изображена история блудного сына. В первой почтенный стариk в колпаке и в шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословения и мешок с деньгами. В другой изображено яркими чертами дурное поведение развратного молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами; далее промотавшийся юноша в <i>французском кафтане</i> и <i>треугольной шляпе</i> пасёт свиней и разделяет с ними трапезу (с. 386).</p>	<p>[Картинки] изображали историю блудного сына. В первой почтенный стариk в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша, в <i>рубище</i> и в <i>треугольной шляпе</i>, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу... (с. 90*)</p>

Единственное предметное отличие в картинках, как можно заметить, – *французский кафтан* промотавшегося юноши в «Записках...» и *рубище* в «Станционном смотрителе». Можно предположить, что с точки зрения автора во *французском кафтане* юноша не выглядел в достаточной степени «промотавшимся».

В отличие от «Станционного смотрителя» в «Записках...» представлены и другие *картины*, отчасти совпадающие с *лубочной картинкой* в «Арапе Петра Великого», отчасти – с лубочными картинками «Капитанской дочки», ср.:

*Здесь и далее текст произведения А.С. Пушкина «Станционный смотритель» цитируется по изданию: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977-1979. – Т. 6. – С. 88-98. В круглых скобках даётся номер страницы указанного источника.

Картины в «Записках молодого человека»	Картинка в «Арапе Петра Великого»
Прочие картины не имеют рам и <i>прибиты к стене гвоздиками</i> . Они изображают <i>погребение кота</i> , спор красного носа с сильным морозом и тому подобное... (с. 386)	На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею <i>тремя гвоздиками прибита</i> была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхом (с. 40 [*])
	<p style="text-align: center;">Картинки в «Капитанской дочке»</p> <p>...На стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и <i>погребение кота</i> (с. 275^{**})</p>

Как и в «Арапе Петра Великого», лубочные картинки «Записок...» *прибиты к стене гвоздиками*. Но если в исторически более отдалённом пространстве «Арапа...» *три гвоздика* (а это, заметим, серьёзная растрата шведского танцмейстера в эпоху дорожившны железных изделий!) говорят о значимости этой лубочной картинки для её владельца, то в «Записках...» этот факт свидетельствует о противоположном – картинки не представляют никакой ценности для смотрителя, поэтому не помещены в рамы (как *история блудного сына*), а лишь прибиты к стене *гвоздиками*. С «Капитанской дочкой» «Записки молодого человека» роднит сюжет *погребение кота*. Другие сюжеты в «Записках...» – *спор красного носа с сильным морозом*, в «Капитанской дочке» – *взятие Кистрина и Очакова и выбор невесты*. В «Арапе Петра Великого» и в «Капитанской дочке» художественная прагматика сюжетов *лубочных картинок* устанавливается легко: пленному шведу *Карл XII* на коне напоминает о бурной молодости и былом величии Швеции; батальная, матримониальная и похоронная тематика соответствует содержанию «семейственных записок»). В «Записках молодого человека» соответствие *картинок* сюжету выявить непросто – вследствие слабого развития сюжета.

В отрывке есть и другие бытовые исторические детали: ...*Отпряжённая телега с моим чемоданом и погребцом*^{***} (с. 386), реалии исторического воспитания и образования: *В [лужице] резвятся жёлтенькие утята под надзором глупой утки, как балованные дети при мадаме* (с. 387); ...*Я успокоился, увидев затасканную азбуку и арифметику, изданную для народных училищ* (с. 387). Единичность подобных лексем не позволяет сделать достаточно обоснованный вывод об их прагматическом назначении в тексте «Записок...», однако рассмотренные выше «участки» хронотопа *дороги и социальной иерархии* свидетельствуют, что главной

^{*} Здесь и далее текст произведения А.С. Пушкина «Арап Петра Великого» цитируется по изданию: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 тт. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977-1979. – Т. 6. – С. 7-40. В круглых скобках даётся номер страницы указанного источника.

^{**} Здесь и далее текст произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» цитируется по изданию: Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977-1979. – Т. 6. – С. 258-370. В круглых скобках даётся номер страницы указанного источника.

^{***} «...Так назывался небольшой сундучок с посудой и провизией» (ЭРБ, с. 224). – E. K.

проблемой произведения является проблема *свободы вступающего в жизнь молодого человека*.

Таким образом, исследование текста незавершенного художественного произведения А.С. Пушкина «Записки молодого человека» с точки зрения сосуществования и взаимодействия в нём разных видов исторических художественных пространств (в их лексическом выражении) позволяет судить о характере главных эстетических задач, поставленных перед собой автором в данном произведении.

Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.

Кончакова, Е. В. Лексико-семантическая интерпретация темы образования и науки в романе А.С. Пушкина «Арап Петра Великого» / Е.В. Кончакова // Труды молодых учёных Воронежского государственного университета. – 2005. – Вып. 1-2. – С. 220-227.

Кончакова, Е.В. Историческая лексика как средство создания хронотопа художественной прозы А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Кончакова. – Воронеж, 2008. – 283 с.

Томашевский, Б.В. Примечания / Б.В. Томашевский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука, 1977-1979. – Т. VI. – С. 513-559.

Федосюк, Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю.А. Федосюк. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 264 с. (ЭРБ)

Т.Н. Куренкова

Структура ЛСП «Еда» и функции лексики с семантикой еды в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова

Лексика прямо или косвенно отражает действительность, материальную и культурную жизнь народа, реагирует на изменения в обществе. Структура словарного состава рассматривается лингвистами в двух аспектах: системные отношения между лексическими единицами и стратификация словарного состава. Изучение словарного состава языка методами структурной лингвистики знаменовало коренной перелом в понимании природы и сущности лексико-семантических систем, отмечает М.М. Маковский. «Такое исследование необычайно расширило горизонты и возможности изучения этого наиболее «стойкого» к анализу и трудно поддающегося систематизации языкового уровня, о закономерностях и особенностях которого до сих пор известно очень немногого» (Маковский 1970, с. 45).

Нами было проведено исследование, в ходе которого были изучены тексты произведений Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова объемом 838 страниц, что составляет 223626 лексем, были выявлены и отобраны для дальнейшего анализа 5172 лексические единицы с семантикой еды, после

исключения повторов осталось 832 лексические единицы, которые и вошли в состав ЛСП «Еда» в произведениях М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», Н.В. Гоголя «Мертвые души», А.П. Чехова «Глупый француз», «Свадьба с генералом». Так, в повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова из 26035 слов текста 893 слова могут быть отнесены к лексемам с семантикой еды, что составляет 3,4% от всех слов произведения. В романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова этот процент составляет 1,7 (1960 слов с семантикой еды на 117654 слов всего текста произведения), в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя 2,6% (1989 из 77514), в «Свадьбе с генералом» и «Глупом французом» А.П. Чехова 5,5% (83 из 1521) и 27,4% (247 из 902) соответственно. Таким образом, вся лексика, имеющая отношение к еде, составляет 2,31% от общего количества слов, использованных авторами в текстах данных произведений.

В построенном и проанализированном ЛСП «Еда» было выделено два крупных микрополя: «Пища» и «Напитки». Первое большое микрополе распадается на 2 подполя с ядрами: а) блюда, б) способы приготовления и приема пищи. Подполе «Блюда» и подполе «Способы приготовления и приема пищи» содержат по 11 микрополей в своем составе. Подполе «Блюда» делится на следующие микрополя: «Первые блюда», «Вторые мясные блюда», «Вторые рыбные блюда», «Дичь», «Закуски», «Грибы», «Мучные и крупяные блюда», «Десерт», «Овощи и фрукты», «Жиры и специи», «Морепродукты». Проанализировав фактический материал, мы выяснили, что подполе «Блюда» составляет 28% от общего количества представленных лексем с семантикой еды. Подполе «Способы приготовления и приема пищи» подразделяется, в свою очередь, на: «Способы приема пищи», «Способы приема напитков», «Способы приготовления пищи», «Ресторан», «Предприятия общественного питания», «Обобщающие названия еды», «Время приема пищи», «Бытовые приборы для приготовления пищи», «Характеристики еды», «Посуда», «Проявления чувства аппетита». Подполе «Способы приготовления и приема пищи» содержит 59% общего количества лексем с семантикой еды. Микрополе «Напитки» включает в себя 2 подполя с ядрами: а) алкогольные напитки и б) безалкогольные напитки. В свою очередь, подполе «Алкогольные напитки» содержит 2 микрополя: «Вина» и «Водка». Микрополе «Напитки» составляет примерно 7 % от общего количества лексем с семантикой еды.

Таким образом, представленные микрополя ЛСП «Еда» значительно отличаются по объему: микрополе «Пища» составляет 87% от всего ЛСП «Еда», а микрополе «Напитки» – только 7% от общего количества слов ЛСП «Еда». 6% составляют лексемы, относящиеся к микрополю «Miscellanea», которое находится на периферии лексико-семантического поля «Еда» и включает в себя лексемы с семантикой еды, не поддающиеся какой-либо классификации.

Если проанализировать распределение лексем ЛСП «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова по наличию их в том или ином тексте произведения, то получим следующие данные: 38% лексем

(после исключения повторов) обнаруживается в поэме «Мертвые души», 36% в романе «Мастер и Маргарита», 20% в повести «Собачье сердце», 4% в рассказе «Глупый француз» и 2% в рассказе «Свадьба с генералом». Эти данные не показывают прямой корреляции между количеством слов в произведении и количеством лексем о еде.

Остановимся чуть подробнее на описании микрополя «Посуда». Данное микрополе состоит из 74 лексем, что составляет примерно 8,9% от общего числа лексем лексико-семантического поля «Еда», 10,2% лексем микрополя «Пища». Данное микрополе является вторым по величине в подполе с ядром «Способы приготовления и приема пищи» и включает в себя 14,6% лексем от общего числа лексем данного подполя. Все лексические единицы микрополя «Посуда» могут быть дифференцированы на основе следующих признаков:

1) 'форма' включает в себя: а) вытянутость по горизонтали (широкое плоское дно) – *чаша, тарелка*; б) вытянутость по вертикали (высота) – *кувшин, бутылка*; в) вытянутость в длину (длина) – *вилка, нож*; г) вытянутость и по вертикали, и по горизонтали (высота и ширина) – *кастрюля, бочка*;

2) 'предназначение' включает: а) для еды – *вилка, сковородка*; б) для напитков – *рюмка, графин*; в) для еды и напитков – *чаша, кастрюля*;

3) 'назначение (цель использования)' включает: а) для приготовления пищи или напитков – *кастрюля, кофейник*; б) для подачи пищи – *поднос, двузубая вилка*; в) для приема пищи или напитков – *миска, бокал*; г) для хранения пищи или напитков – *фляжка, солонка*;

4) 'материал изготовления': а) металл – *поднос, фляжка*; б) стекло – *рюмка*; в) керамика – *фарфоровая чашка, фаянсовая чашка*; г) дерево – *кадка*; д) металл или дерево – *бочка, чан*; е) стекло или керамика – *чаша*; ж) любой материал – *тарелка, ваза*;

5) 'составные части': а) наличие ручки (чек) окружной изогнутой формы – *кофейник, кастрюля*; б) наличие вытянутой ручки – *вилка, черпак*; в) отсутствие ручек – *миска, бутылка*; г) наличие ножки – *бокал, рюмка*.

В целом на основе признаков 'форма', 'предназначение', 'назначение' и 'материал изготовления' лексические единицы данного микрополя вступают в тип связи, названный «вхождением», а именно в его разновидность «пересечение», так как единицы имеют общие и различные семы. В первом случае интегральными являются семы с семантическим признаком «внешнее очертание, наружный вид хозяйственной утвари для еды, питья, хранения припасов». Во втором случае «хозяйственная утварь, используемая для приготовления или хранения только пищи, только напитков или и того и другого вместе». В третьем случае «хозяйственная утварь, используемая для определенной цели». По признаку 'материал изготовления' интегральными семами являются семы с семантическим признаком «предметы, вещества, идущие на изготовление хозяйственной утвари». Помимо пересечения в данном микрополе встречаем партитивный вид связи по признаку 'составные части', тоже относящийся к «вхождению». Такой вид связи предполагает, что единицы называют понятие в целом и его части.

Данное микрополе включает 26 существительных, 12 сложных многокомпонентных конструкций и словосочетания типа: «причастие + существительное» (3), «прилагательное + существительное» (28), «существительное + (предлог) + существительное» (4), «предлог + существительное» (1).

Это микрополе содержит 65 стилистически нейтральных лексем. Пять лексем используются в переносном значении. Например: *На парчовой скатерти стояло множество бутылок – пузатых, заплесневевших и пыльных* (ММ).

Одна лексема «пить горькую чашу», представленная в переносном значении, принадлежит к высокому стилю. Например: *Наставала пора действовать, приходилось пить горькую чашу ответственности* (ММ 38).

Одна лексема «деревянная побратима» является устаревшей. Например: *Чичиков уверил ее, что не завезет, и Коробочка, успокоившись, уже стала рассматривать все, что было во дворе ее; вперила глаза на ключницу, выносившую из кладовой деревянную побратиму с медом, на мужика, показавшегося в воротах, и мало-помалу вся переселилась в хозяйственную жизнь* (МД).

К разговорному стилю принадлежит одна лексема «лафитник». Например: *Один уже подносил спичку Бегемоту, вынувшему из кармана окурок и всунувшего его в рот, другой подлетел, звеня зеленым стеклом и выставляя у приборов рюмки, лафитники и тонкостенные бокалы, из которых так хорошо пьется нарзан под тентом... нет, забегая вперед, скажем... пился нарзан под тентом незабвенной грибоедовской веранды* (ММ).

Лексема «тарелка» используется для сравнения. Например: *Опять загремела вода, колыхнулась шляпа с перьями, потом появилась лысая, как тарелка, голова и обняла Филиппа Филипповича* (СС).

Интегральной семьей данного микрополя является «хозяйственная утварь для еды, питья, хранения припасов». К ядру микрополя принадлежат лексемы стилистически нейтральные, выраженные существительными или словосочетанием типа: «прилагательное + существительное». К ближней периферии относятся стилистически нейтральные лексемы, выраженные другими простыми словосочетаниями. Дальнюю периферию образуют стилистически окрашенные лексемы и сложные конструкции.

Если рассмотреть лексику с семантикой еды с точки зрения ее функций в текстах произведений, то обнаружим следующее. Так, в рассказе «Глупый француз» почти каждое третье слово имеет семантику еды. С одной стороны, это сделано А.П. Чеховым с целью охарактеризовать двух персонажей – француза и русского, а с другой стороны, охарактеризовать по сути два различных мировоззрения, два восприятия жизни – западное и российское. Исходя из сюжета рассказа, столкновение мировоззрений происходит за столом: *консоме и гренки* предстают как символ умеренности, экономности, заботы о правильном рациональном питании и здоровье, разумности в потреблении пищи и вообще разумности, они противостоят

блинам, икре, семге, а по сути – российской «дикости», неумеренности, загадочности широкой русской души, которая в данном произведении сведена к растяжимости русского желудка.

В рассказе «Свадьба с генералом» лексика с семантикой еды представлена по большей части рыбными блюдами, это сделано А.П. Чеховым, по нашему мнению, с целью более ярко описать персонаж – отставного контр-адмирала.

В «Мертвых душах» Н.В. Гоголя лексем с семантикой еды довольно много, и помимо характеристики персонажей и описания русского быта того времени устами своих персонажей Н.В. Гоголь выражает свое отношение к западу в лице французов и немцев. Мы полагаем, что Н.В. Гоголь пренебрежительно относится ко всему иностранному. Например: *Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму*. Таким образом, у Н.В. Гоголя, как и у А.П. Чехова, происходит осуждение иностранного как чуждого русской душе и сознанию, в том числе и через лексические единицы с семантикой еды.

У М.А. Булгакова в «Собачьем сердце» экспрессивная лексика с семантикой еды отражает социальный статус персонажа – Шарикова, она используется с целью создания комического эффекта и высмеивания героя, которого высмеивать напрямую не позволяла политическая обстановка в стране. Кроме того, через лексику с семантикой еды высмеивается и новое общество с его новым качеством жизни. Krakowskaya колбаса – как предел мечтаний Шарика и людей не аристократического происхождения (Зина) и как гадость и отрава для человеческого желудка для людей «дореволюционного образа жизни». Через споры между Преображенским и Борменталем о градусе водки проглядывает попытка примирить жизнь прошлую с жизнью новой, если Борменталь как более молодой человек пытается таким образом примирить себя с революционными изменениями и если уж не согласиться с ними, то хотя бы найти частичный компромисс с новым временем, то Преображенский категоричен в своем непризнании новых веяний и не допускает компромиссов в традиционном дореволюционном образе жизни, это прослеживается и в отношении еды.

В «Мастере и Маргарите» ресторан «Грибоедов» предстает как предмет зависти простого человека, только избранным литераторам доступен ужин в этом ресторане с изысканными блюдами. Следовательно, лексика с семантикой еды выполняет некую дистанцирующую функцию, разделяя людей в данном произведении не на аристократов и простых людей, а на людей определенной избранной профессии и на всех остальных. У этих литераторов есть желание жить по-человечески, то есть вкушать порционных судачков, перепелов по-генуэзски и т.п., ощущая свою избранность, т.е. старые аристократы, по сути, заменены новыми аристократами, а все остальные должны довольствоваться судачками третьедневочными и осетриной второй свежести. Происходит расслоение людей во вроде бы однородном с социальной точки зрения обществе. Об этом же говорит и

ситуация в магазине, где в роли избранной публики выступают иностранцы, набитые валютой, где им все можно, а все местные – люди второго сорта. Таким образом, через лексику с семантикой еды подчеркивается, что и в новом обществе тоже нет равенства и справедливости, как его не было и в дореволюционной России. Если раньше сословная принадлежность и наличие денег определяли доступ к благам цивилизации, в том числе и к изысканной пище, то теперь в новой России наличие денег своей актуальности не потеряло, но добавился еще новый слой людей – литераторов, обслуживающих идеологически правящий класс.

Таким образом, лексика с семантикой еды не является фоновой в произведениях данных авторов, она может натолкнуть читателя на размышления социального, нравственного, а иногда и политического порядка. Данная лексика не взята авторами наугад, а выбрана осознанно с целью достижения нужного эффекта и выражения мнения авторов по тому или иному вопросу, хотя и не всегда открыто, в силу обстоятельств того времени, но думающий читатель увидит точку зрения автора и за, казалось бы, бытовыми аполитичными лексическими единицами с семантикой еды.

Маковский, М. М. Экстраполяция лексико-семантических систем / М.М. Маковский // Вопросы языкоznания. – 1970. – № 3. – С. 45-57.

Список сокращений

МД – Н.В. Гоголь. Мертвые души
ММ – М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита
СС – М.А. Булгаков. Собачье сердце

E.A. Пророкина

Исконно долгие гласные в проекциях на поэтический текст А.С. Пушкина

...Ты, Пушкин, ты, любимый с детства,
Певец свободной высоты!
Бессмертное твое наследство
Оставил всем народам ты.
Искусства вольного основа –
Народный, чистый твой язык,
Твоих стихов живое слово –
Неиссякаемый родник!

А.Шогенцуков

Стиховая система языка складывалась под влиянием фонологических данных языка и литературной традиции стиха. Их взаимодействие совершается на метрическом и ритмическом уровнях, которые отвечают за набор стихотворных размеров и ритмических вариаций каждого размера.

«При Пушкине в русской поэзии господствуют ямбы», «при Некрасове расцветают анапесты и другие трехсложные размеры», «в XX веке характерным становится обращение к чисто-тоническому стилю» – эти высказывания относятся к области метрического репертуара, однако данные факты необходимо детально анализировать (Гаспаров 1974, с. 39).

М.Л. Гаспаров в своем труде «Современный русский стих. Метрика и ритмика» прослеживает тенденцию преобладания ямба (3/4 текстов в XIX веке) над хореем (приблизительно 20-25% всех текстов) (Гаспаров 1974). В другом своем труде «Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти» М.Л. Гаспаров задает вопрос: почему поэт, начиная стихотворение, берет для него именно такой размер, а не иной? И отвечает на него следующим образом: «В звучании каждого размера есть что-то, от природы имеющее ту или иную содержательную окраску – хотя бы самую неопределенную, чисто эмоциональную. Иными словами, связь между метром и смыслом есть связь органическая» (Гаспаров 1999, с. 9).

Такой ответ не раз задавали сами поэты: например, в начале пути новой русской поэзии – М.В. Ломоносов, в конце – Н.С. Гумилев. М.В. Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства» пишет: «Чистые ямбические стихи... поднимаясь вверх... лучше употреблять в торжественных одах... Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилей составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов». Н.С. Гумилев пишет: «У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямб, как бы спускающийся по ступеням, свободен, тверд и прекрасно передает человеческую речь. Хорей, поднимающийся, окрыленный... то растроган, то смешлив, его область – пение. Дактиль... мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героев» (Гаспаров 1999, с. 9).

По мнению М.Л. Гаспарова, «специфика четырехстопного хорея – это его связь с песней. Она прослеживается в силлабо-тоническом хорее и его силлабических аналогах разных европейских языков и, по-видимому, объясняется тем, что песня для четкости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затаакта, то есть хорей, а не ямб» (Гаспаров 1999, с. 193).

Романс во многом отличается от песни. Прежде всего здесь по-иному соединяется музыка и текст. Музыка в романсе передает не только общее содержание, общее построение стихотворения, но и отдельные его образы. И поэтому куплетная форма, обычная в песне, здесь встречается реже. На самом деле существует довольно много романсов, которые написаны на стихотворения, выполненные ямбическим метром. Среди них можно вспомнить такие произведения, как «Адель», «Красавица», «Редеет обла-ков летучая гряда», «Что в имени тебе моем», «Гречанке» и т.д.

В 1825 году А.С. Пушкин создает стихотворение «Сожженное письмо», написанное ямбом.

Композитор Ц. Кюи пишет романс в четырехдольном размере. Голос вступает из-за такта, со слабой доли:

[о] – исконно краткий гласный, находится на слабой доле такта и по длительности на короткой ноте.

Следует отметить, что восьмая, девятая и десятая строки стихотворения отсутствуют. Композитор тем самым пытался сохранить четное количество периодов музыкального текста.

Многосложные строки в партитуре расчленены большим количеством пауз. Это создает впечатление, что автору трудно говорить о предании огню дорогоого письма.

Рассмотрим наиболее интересные фонетические и просодические явления.

Во фразе «На легком пепле их заветные черты белеют» особое внимание привлекает слово «белеют»:

В этом слове безударные слоги «бе-» и «-ют» – носители разного количества, степень интенсивности безударности у них различна. Это видно по партитуре в различной длительности звуков: \$. и #.

В следующем предложении: «Грудь моя стеснилась» в последнем слове мы также наблюдаем различное количество безударных слогов. Это заметно и в вокальной строке снижением нот:

В нотной партитуре довольно разнообразна агогика. Это и ритенуто (rit.) – замедление, и поко ачелерандо (росо accel.) – постепенно ускоряя. В этом проявляется смысловая связь текста и музыки. Например:

Данной агогикой (реко *accel.*) автор пытается выделить одну из кульминационных фраз всего романса, которая, кстати, изобилует большим количеством исконно долгих. Этую же цель преследует и смена размера: с 4/4 (С) на 3/4.

Исконно долгие гласные в данном тексте встречаются довольно часто. Например, «велела» (велеть ← велѣти), «хотела» (хотеть ← хотѣти, хошт@ и хътѣти), гори (гореть ← горѣти, гор\), «рука» (р@ка) и т.д. Примечательно, что в основном исконно долгие в нотной партитуре расположены на 1 (сильной) доле такта:

Musical notation for the lyrics 'вела - ле - хо - те - го - ри'. The notation consists of three staves of music. The first staff starts with a treble clef, a key signature of one flat, and a common time signature. It contains the lyrics 'вела -' and ends with a fermata over the note 'ле'. The second staff continues with 'хо -' and ends with a fermata over the note 'те'. The third staff begins with a note 'го' followed by a fermata over the note 'ри'.

Исконно краткие гласные в этих словах уступают исконно долгим, так как располагаются на слабой доле такта и обладают меньшим количеством звука. В стихотворении «Сожженное письмо» обнаруживаем несколько примеров со староакутовой интонацией: «радости» (3 строки), «заветные» (завет ← вѣтъ – 12 строка), «век» (вѣкъ – 15 строка).

Анализируя музыку романса, можно увидеть, что эти слова расположены на 2-3 долях тактов:

<ог>-ню все ра - дости их заветные

мо- че-

останься век со мной

на

Слова с новоаку-
располагаются на первых долях тактов:

легкий дым, виясь, те-
(легкий ← льгъкъ)

темные свернулися лис-
(темный ← тьмънъ)

<на> лег - ком пепле

пе - пел милый
(пепел←попель, пгпель)

<на> го - рестной гру-
(горестная←горе←горг)

пол - но, час на-

Пример со староциркумфлексной интонацией единичен. Слово «час» (часть) располагается на четвертой строке текста: «Но полно, час настал...» В романсе это четвертая доля такта.

Во всем произведении односложные слова (и двусложные), в частности местоимения, «притягивают» ударения, что создает меньшее количество безударных стоп.

Текст содержит большое количество исконно долгих гласных, краткие – единичные и под новоакутовой интонацией.

Следует отметить, что в вокальном произведении большое внимание уделяется гласным звукам, которые играют роль основы, фундамента всего сочинения (так как именно гласные звуки пропеваются).

В романсе была отмечена главная закономерность: исконно долгие (а их в этих текстах большинство) [а], [у], [ы], [и], [е] из[н] нашли свое отражение в долгих по длительности и высоких в регистровом отношении звуках; исконно краткие [о], [е] – единичны и значительно уступают в музыкальном отношении исконно долгим звукам. Партитура ярко выявляет наиболее интересные для анализа фонетические и просодические явления.

Гаспаров, М.Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1974. – 487 с.

Гаспаров, М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – М.: РГГУ, 1999. – 289 с.

Припадчев, А.А. Сравнительная фонетика славянских языков: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 85 с.

Припадчев, А.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 76 с.

Припадчев, А.А. Историческая грамматика русского языка: Анализ текстов: учеб. пособие / А.А. Припадчев, Г.В. Звёздова. – Воронеж: Истоки, 1999. – 108 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964-1973.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.В. Баталова, М.В. Шаманова

Концепт *спор* в современной русской художественной литературе

Одним из средств доступа к содержанию концепта является анализ текстов, прежде всего художественных (Архарова 2008; Литвинова 2008; Трущинская 2006; Шаманова 2008; Щербакова 2008 и др.).

Нами было проанализировано функционирование слов-репрезентантов концепта *спор* (*спор*, *спорить* и их формы), а также их синонимов *диспут*, *дискуссия* в художественном тексте. Материалом для исследования послужили 100 контекстов из Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru), отобранные по следующим параметрам: художественный текст; тип текста – роман, повесть, рассказ; время и место описываемых событий – Россия, постсоветский период.

Один и тот же пример зачастую может представлять собой актуализацию разных когнитивных признаков. Так, в контексте *Спор о том, является ли Россия частью Европы, очень стар* (В. Пелевин. Generation «П») актуализируются когнитивные признаки *на социально-политическую тему, давний*. Отдельные когнитивные признаки обобщаются, и выявляются когнитивные классификационные признаки. Например, когнитивные признаки *длительный, короткий* объединены классификационным признаком «Степень длительности».

Для ранжирования когнитивных признаков и классификационных признаков определялся индекс яркости (ИЯ) – отношение количества примеров, объективирующих данный конкретный признак, к общему количеству контекстов – 100.

Самым ярким является классификационный признак «Тематика спора» (ИЯ 0,36). Обсуждаемые темы представляются весьма разнообразными. Приведем наиболее яркие когнитивные признаки, составляющие названный классификационный признак:

на социально-политическую тему (ИЯ 0,13): *Этот спор между Назаровым и Поповым в какой-то мере отражал некоторые стороны современной полемики между утопистами и реалистами* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *Ох, было о чем подумать, поэтому в спор о сути парламентаризма Лизавета ввязываться не стала* (М. Баконина. Школа двойников); *Это у них начинался крик – спор. Один защищал Ленина, другой – Сталина* (В. Крупин. Как только, так сразу);

об искусстве (ИЯ 0,09): *Вообще-то мне казалось, что дело как раз в этих деталях, но я решил не ввергать режиссера в искусствоведческий спор, в котором он был сильнее меня* (В. Левашов. Заговор патриота); *За*

чаем возбух спор о театре. Добротворский хотел создать театр, понятный всем, завоевать зал своей любовью к ним (А. Вяльцев. Путешествия в одну сторону) и др.;

на бытовую тему (ИЯ 0,07): *Возник спор, где искать, – в жестянках с пуговицами или в коробках с железками* (В. Мясников. Водка); *У нас среди едоков и хозяек не война, но давнишний спор о том, как правильней запускать картошку и капусту. Что вначале... или, может быть, вместе?* (Б. Екимов. Родительская суббота) и др.;

на философскую тему (ИЯ 0,04): – *А ты не влезай в философский спор, не бабье это дело* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы); *Последний удар колокола прекратил их постоянный спор о способах и методах достижения блаженства для других* (С. Осипов. Страсты по Фоме) и др.

Высокий индекс яркости имеют также классификационные признаки «Степень напряженности» (ИЯ 0,18), «Характер участия собеседников» (ИЯ 0,18), «Степень длительности» (ИЯ 0,11).

Полученные в ходе анализа художественных текстов когнитивные признаки были подвергнуты полевой стратификации.

Ядро концепта *спор* составляют признаки:

напряженный (ИЯ 0,15): *Благостная беседа как-то на удивление быстро перешла в яростный спор* (В. Брусова. По субботам не стреляю); *Чувствовалось – шел горячий спор* (В. Попов. Грибники ходят с ножами) и др. Сравним, когнитивный признак *спокойный, вялотекущий* имеет ИЯ 0,03: *Дискуссия о собачке переродилась в ленивые метафизические прения относительно дозволенного, запрещенного, лукавства формулировок и всеобщего права* (М. Голованивская. Противоречие по сути); *Еще продолжается вялый, уже ничего не решающий спор о том, как следовало направлять эволюцию* (В. Губайловский. Камень) и др.;

на социально-политическую тему (ИЯ 0,13).

Ближнюю периферию исследуемого концепта составляют следующие признаки:

вступления в спор можно избежать (ИЯ 0,1): *Ему не хотелось встречать в спор хирургов* (В. Валеева. Скорая помощь); *Света морщится, но в спор не вступает* (В. Спектр. Face Control); *Сережа молча слушал и не вступал в спор* (И. Безладнова. Такая женщина) и др.;

длительный (ИЯ 0,1): *Уличенный сыном в подтасовке Симаков-отец затеял длительный и обстоятельный спор, пытаясь доказать, что «Битлз» сами воровали мелодии из «бездонной сокровищницы русского фольклора* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри); *Она была несентиментальная женщина и вековечный спор, кто лучше – звери или люди, давно решила в пользу зверей* (Г. Щербакова. Мальчик или девочка) и др.;

протекает за столом (ИЯ 0,07): *Я, надо признать, опрокидывал стопки в рот с большим удовольствием; также с удовольствием и с некоторым уже любопытством вслушивался в их застольный спор, полуульяные врачи о политике!* (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени); *Когда я снова вышел в салон, чтобы выпить кружку чая, вокруг столика*

уже разгоралась жаркая дискуссия на английском языке, а на столике стояла наполовину пустая литровая бутылка водки (С. Иванов. Марш авиаторов) и др.

давний (ИЯ 0,07): *Должно быть, вспыхнул старый спор с Солиным* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *Наша команда очень надеялась прекратить двухсотлетний спор мореплавателей* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч); *Дискуссия шла в этом духе уже несколько лет* (А. Белозеров. Чайка) и др.

Дальняя периферия представлена признаками:

нерезультивный (ИЯ 0,06): *Что толку вступать с ним в спор* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *Они спорили долго и часто, но каждый раз Федор наутро понимал, что забыл про давнюю арифметическую задачку, и не было ответа у того уравнения из двух дюжин, который мертвый игумен задал ему на всю жизнь* (В. Березин. Жидкое время) и др.;

эмоциональный (ИЯ 0,05): *Бакшеев в разговоре почти не участвовал, а наш спор становился до неприличия задиристым и веселым* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *Вахид прижал ладонь к сердцу, требуя абсолютного к себе доверия, изображая всем видом, что дискуссия уже началась и оба страстно ее ведут с предельной искренностью и симпатией друг к другу* (А. Проханов. Господин Гексоген) и др.;

конфиденциальный (ИЯ 0,04): *Тогда надо было для эксперимента звать женщин, но деликатный, можно сказать, интимный спор через женщин мог получить ненужное распространение, и мало ли...* (Г. Щербакова. Кровать Молотова) и др.;

в спор можно вмешаться (ИЯ 0,04): *Витьяка Иванов оглядел коллег и решил вмешаться в спор на правах самого главного* (Е. Козырева. Дамская охота); *В другое время Лизавета ввязалась бы в спор* (М. Баконина. Школа двойников) и др.;

спор можно прекратить, завершить (ИЯ 0,04): *Никогда она не обрывала спор на полуслове, всегда стремилась к его завершению* (А. Савельев. Аркан для букмекера) и др.;

в споре необходимы аргументы (ИЯ 0,04): *Можно было бы вступить в спор, найти доводы, резоны и аргументы* (М. Баконина. Девять граммов пластина); *Аргумент, конечно, был тот еще, но чувствовалось, что дискуссия на тему «Национальное лицо терроризма» с дворничихой не получится* (М. Баконина. Школа двойников) и др.;

вызывает интерес (ИЯ 0,03): *Увлекательный спор о браке и сопутствующих ему финансовых трудностях так и не возобновился* (Е. Козырева. Дамская охота); *Какая интересная дискуссия разгорелась! Увы, погасла: вместо того чтобы парировать мои слова, Лелик протягивает деньги* (В. Синицына. Муза и генерал) и др.

Крайнюю периферию составляют когнитивные признаки, объективированные единичными примерами: *короткий, может быть неаргументированным, не вызывает усталости, может принести вред, вызывает*

отрицательные эмоции, оставляет впечатления, может быть неуместным (ИЯ 0,01) и др.

Таким образом, в современном русском художественном тексте наиболее часто актуализируются когнитивные признаки *напряженный, на социально-политическую тему*, яркими являются классификационные признаки «Тематика», «Степень напряженности», «Характер участия собеседников», «Степень длительности».

Архарова, А.В. Концепт *провинция* в современной русской художественной литературе / А.В. Архарова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 28-32.

Литвинова, Л.А. Концепт *деревня* в современной русской литературе / Л.А. Литвинова // Язык и национальное сознание; науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 136-139.

Трущинская, А.С. Актуализация концепта *мать* в русском и английском художественном тексте / А.С. Трущинская // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 36-39.

Шаманова, М.В. Моделирование коммуникативной категории «общение» на основе анализа художественных текстов / М.В. Шаманова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманистические науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). – СПб., 2008. – № 11 (66). – С. 94-99.

Щербакова, И.А. Концепт *извинение* в текстах современной русской прозы / И.А. Щербакова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 126-133.

Н.М. Вахтель

Семантико-когнитивные особенности современного коммуникативного процесса «автор – читатель»

Говоря о языке как инструменте социальной власти, Р. Блакар имел в виду присущую языку способность к структурированию и воздействию, поскольку результат выбора высказываний, языковых выражений, осуществляемый отправителем сообщения, определенным образом воздействует на понимание получателя текста (Блакар 1987).

Когда мы говорим о власти языка, то имеем в виду эмоционально-аффективную её сторону, трактуемую как навязывание чужой воли. Целенаправленное воздействие на читателей печатных изданий языковыми средствами заключается в формировании у них убеждений и предубеждений. В коммуникативном процессе взаимодействия автор и читатель вступают в совместную ментальную, когнитивную деятельность по переработке информации. Необходимо отметить, что и автор, и читатель не механи-

чески перерабатывают информацию, которую они получают разными путями. Они представляют собой людей, активно действующих: автор активно продуцирует тексты, руководствуясь в своей когнитивной деятельности определёнными интенциями, стратегиями, читатель также активно воспринимает информацию, заключённую в текстах, и определённым образом реагирует на неё.

Автор-журналист может вызвать своим сообщением как позитивные, так и негативные эмоции у потенциального читателя, что обуславливает появление разных установочных или когнитивных последствий, изменяющих знания читателей и их мышление в целом. Он является коммуникативным лидером. В.В. Богданов исчерпывающе раскрыл это понятие: «Коммуникативный лидер – это человек, который обладает нетривиальной информацией с точки зрения данной ситуации общения, умеет выразить эту информацию в наилучшей форме и довести её до сведения адресата посредством языкового контакта» (Богданов 1993, с. 30). Им выделены и три доминанты, которые с необходимостью должны способствовать такому коммуникативному статусу автора-журналиста: энциклопедическая, лингвистическая и интерактивная доминанты как составляющие общую его компетентность. Энциклопедическая компетентность проявляется в глубоком знании и понимании текущей ситуации, предшествующих ей событий, исторического фона, кроме того, она подразумевает и высокий общекультурный уровень. Лингвистическая компетенция заключается в использовании престижной формы существования языка, то есть в полном владении литературной нормой, во владении его образными средствами. Интерактивная компетенция состоит в соблюдении постулатов общения с учётом специфики публицистического дискурса. Известные постулаты Грайса – это некая экспликация здравого смысла. Их полное соблюдение в реальном общении вряд ли достижимо в полном объёме. Однако в модели общения «журналист – читатель» они полезны тем, что в вербализованном виде могут приводить к перлокутивному эффекту. Из всех постулатов мы считаем важным учёт следующих требований:

1) автор имеет намерение передать новую информацию и собственное отношение к ней наилучшим и понятным способом, то есть кратко, ясно и последовательно;

2) читатель имеет намерение узнать новую информацию и понять, как к ней относиться с учётом успешно переданного характера отношения к ней автора.

Категория «образ автора» является определяющей и организующей составляющей всего публицистического текста. Именно автор выбирает денотат сообщения (пропозицию) и способ его языкового воплощения. Своими высказываниями он так или иначе интерпретирует действительность в соответствии с определёнными иллокутивными целями, тем самым он осуществляет определённую коммуникативную связь с потенциальными читателями, предавая информацию определённым образом. Эта связь соответствует известной лингвистической модели коммуникации: адресант –

сообщение – код адресат. Диалогичность такой модели очевидна, если под ней понимать диалогические отношения как отношения отправителя информации к её получателю. Мы разграничиваем понятия «диалог» и «диалогичность». Вслед за М.Н. Кожиной под диалогичностью мы понимаем учёт автором (адресантом) фактора предполагаемого читателя (адресата), его языковой компетенции, а также обозначение данной ориентации при помощи языковых средств (Кожина 1999, с. 138).

У читателя как получателя информации появляется несколько иная задача, состоящая в его способности к выводу импликатур, то есть имплицитной, не явно выраженной информации о передаваемых событиях, преобразованных в сознании автора, особенно если он прибегает к различного рода трансформациям устойчивых языковых единиц.

Устойчивые выражения, к которым мы относим фразеологизмы, пословицы, поговорки и афоризмы, являются разнооформленными образованиями и в силу этого допускают модификации, невозможные в словах: замены или добавления компонентов исходного устойчивого выражения, изменения порядка следования его частей и многое другое. Сама возможность различного рода трансформаций устойчивых выражений объясняется лексемным характером их компонентов. Трансформы исходных устойчивых выражений становятся сегодня чрезвычайно частотным средством для передачи дополнительной информации, продиктованной авторскими целеполаганиями. Эта информация, как правило, подаётся в имплицитной форме, отсюда и возникает сложность её понимания.

Как известно, цель коммуникативного процесса между автором и читателем применительно к публицистическому дискурсу состоит в изменении мнения и поведения читателя газеты под влиянием получаемой информации. Любой автор хочет быть понятым и услышанным, стремится к тому, чтобы ему поверили и приняли его точку зрения на то или иное явление окружающего мира. Решающим параметром эффективности речевых действий автора является убедительность, которая достигается способностью автора изменять намерения, мнения и шире картину мира читателя. К числу качеств сообщений в газете, без которых они не могут быть убедительными, относятся выпуклость, понятность и запоминаемость текстов или их фрагментов (Шейнов 2004, с. 71).

Чтобы текст был понятен, необходимо соблюдение как минимум трёх условий:

- 1) читатель знает и понимает используемые автором текста слова и символы;
- 2) структура сообщения формально и содержательно должна быть прозрачна для читателя;
- 3) у автора и читателя должны быть общие фоновые знания из области языка и культуры.

Текст, как говорят журналисты, должен быть «выпуклым», заметным сразу уже в заголовке. Выпуклое сразу же бросается в глаза, поражает воображение. Направленность внимания человека на выпуклое слабо кон-

тролируется сознанием и реализуется автоматически. Для того чтобы сообщение было замечено, автору нужно представить его в необычной, нестандартной форме, что достигается использованием разнообразных приёмов трансформаций системных устойчивых выражений.

Что им стоит дом построить? (Новая газета, 2006, № 91)

Статья под таким названием была посвящена «ходокам», жалующимся на незаконное строительство дома. Заголовок представляет собой трансформацию, состоящую в усечении исходного выражения и замене его компонента. *Что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить* – это широко употребляющееся в разговорной речи устойчивое выражение в качестве клише используется как уверение в достижимости какого-либо дела или успокаивание адресата, испытывающего определённые трудности при решении каких-либо проблем. Автор публикации выносит часть этого выражения в заголовок, заменяя компонент, выраженный местоимением *нам* местоимением *им*, в результате чего реализует интенцию осуждения третьих лиц. Само усечённое выражение превращается в риторический вопрос, заключающий в себе ответ, содержащий осуждение – *ничего им не стоит...* Такая комбинированная трансформация приводит к сильному воздействующему прагматическому эффекту: вызывает реакцию возмущения читателя. В этом случае автор достигает своей цели, что необходимо в процессе интерактивного публицистического диалога.

Однако необходимо понимать, что согласно эффекту когнитивного диссонанса, неприемлемые (неправильные) для читателя сообщения либо игнорируются, поскольку «угрожают» целостности сложившейся у читателя картины мира; либо раздражают в силу того, что ему приходится затрачивать когнитивные (ментальные, интеллектуальные) усилия, чтобы всё-таки понять текст сообщения.

Например, как читателю понять следующий заголовок публицистического текста:

Лукашенко дали пряник (Новая газета, 17.10.2008, № 77).

В публикации речь шла об отмене Советом Европы визовых санкций против А. Лукашенко и других белорусских чиновников. В исходном выражении, известном благодаря И. Ильфу и Е. Петрову, которые использовали его в «Золотом телёнке», в составе оборота «политика кнута и пряника» содержится значение «чередование жёстких и мягких мер при обращении с кем-либо». Усечения исходного устойчивого выражения привело к тому, что значение «чередование мер» исчезло, именно это и затрудняет первоначальное адекватное восприятие высказывания в заголовке и восстановление в читательском сознании исходного устойчивого выражения. Читатель не имеет никакой опоры для адекватного восприятия приведенного заголовочного трансформированного текста. Трансформ может быть воспринят им как прямая номинация события. Именно так интерпретируют этот заголовок иностранные студенты.

Энциклопедическая, лингвистическая и интерактивная компетенция автора трансформа не вызывает никаких сомнений. Заголовочный текст при-

влекает внимание, то есть обладает необычностью, а значит, выпуклостью. Что касается читателя, то даже при всей его компетенции он должен проделать ряд когнитивных операций: сначала восстановить исходное устойчивое выражение, послужившее отправной точкой для авторской модификации, и только потом соотнести его значение с содержанием передаваемой информации.

Операция добавления компонента «военкомат» в структуру номинации денотативной ситуации детского речевого узуса (детской считалочки): «Кто не спрятался, я не виноват» порождает авторский трансформ «*Кто не спрятался, военкомат не виноват*» (Новая газета, 15.06.2007, № 17). Читателю непросто определить имплицитно выраженную угрозу, направленную на молодых людей, уклоняющихся от службы в армии, если он не знает исходного выражения. Чтобы понять смысл трансформированного устойчивого выражения, читателю необходимо знать его системное значение. Автор при использовании какого-либо приёма трансформации устойчивого выражения, безусловно, рассчитывает на сохранение в памяти читателя такого знания. Такие когниции автора и читателя Л.В. Лисоченко и О.В. Лисоченко называют филологическими фреймами (Лисоченко 2000, с. 140). В нашем случае эти филологические фреймы представлены устойчивыми выражениями, которые подвергаются авторской обработке, в результате чего часто приобретают неузнаваемый вид.

В русском языке есть выражение «оказать/оказывать знаки внимания, почтения», то есть быть предупредительным, почтительным с кем-либо. Также существует лингвистический термин «знаки препинания», то есть пунктуационные знаки. В результате предпринятой автором текста контаминации – одного из видов трансформации устойчивых выражений – рождается, на первый взгляд, алогизм, оксюморон.

Иностранцам оказывают знаки препинания, ужесточив регулирование деятельности некоммерческих организаций (Новая газета, 21.11.2006, № 89).

Читателю не сразу удаётся понять авторский трансформ, ему необходимо приложить когнитивные усилия, чтобы вычленить сему «препоны» в слове «препинания», а сочетание «оказывают знаки» осмыслить как иронию.

Трудно сразу понять и следующую фразу:

У нас не царь в голове, а империя (Новая газета, 29.02.2008, № 14).

Приведённый пример – результат сложной многоступенчатой трансформации исходной поговорки «Свой ум – царь в голове». Первоначально она была трансформирована Н.В. Гоголем: «...несколько приглушоват и, как говорят, без царя в голове», пишет он о Хлестакове. Автор приведённой фразы из газетного текста возвращает прямое значение слову «царь», но противопоставляет его слову «империя». Так, играя словами, он выражает намёк на возрождение некоторых имперских амбиций. Игра словами продолжается и в последующих фразах информации: «По всему городу висят афиши фильма «Исчезнувшая империя», но я не про фильм», – пишет журналист.

Авторы современных газетных заголовков трансформируют не только устойчивые выражения фразеологизированного типа, но и свободные сочетания, где слова связаны между собой благодаря механизму семантического согласования, нагружая их новым смыслом. Так, заголовок *Концепт для голоса с оркестром* (Новая газета, 20.07.2007, № 5) отягощён дополнительной информацией, находящейся в подтексте заголовочного микротекста и трудно уловимой читателем. Трансформация привычного для глаза и уха сочетания Концерт для голоса с оркестром, состоящая в замене одной фонемы «р» в компоненте «концерт» фонемой «п», приводит к «фонетической мимикрии» и замене егоозвучным компонентом «концепт». Без обращения к тексту под этим заголовком сложно понять его смысл. Читателю необходимы знания энциклопедического, литературо-ведческого плана. Он должен быть знаком с поэзией А. Пригова – лидера Российского концептуализма – направления в литературе и искусстве, заключающегося в представлении идей, смыслов в известных художественных произведениях в абсурдной, алогичной, иногда в бессмысленной форме. Только в этом случае может проясниться мотив автора трансформации и её цель. Однако и в этом случае заголовок покажется не вполне релевантным, уместным, поскольку текст под этим заголовком содержал информацию о смерти поэта А. Пригова.

Таким образом, мы видим, что ментальные процессы участников коммуникации в модели «автор-читатель» обладают рядом специфических черт, заключающихся в соотношении нового и известного, субъективного и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса. Смысл авторских трансформаций устойчивых словесных комплексов можно определить как результат совместных когнитивных усилий автора и читателя.

Интерпретация авторских убеждений и намерений, понимание коммуникативного поведения автора, в частности, имплицитной коммуникации, понимание читателем верbalного коммуникативного поведения автора – всё это представляет собой проблемы когнитивной прагмалингвистики, требующей дальнейших разработок.

Блакар, Р.М Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использование в социальном контексте) / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

Богданов, В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб., 1993.

Кожина, М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов, 1999.

Лисоченко, Л.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко // Эстетика и поэтика языкового творчества: межвуз. сб. науч. тр. к 95-летию со дня рождения М.А. Шолохова. – Таганрог, 2000.

Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком: Психология манипулирования / В.П. Шейнов. – М.: АСТ, 2004.

Лексикографическая объективация концепта «идеальный собеседник»

Объектом исследования является языковая объективация концепта «идеальный собеседник» в русском языковом сознании, для изучения которого была предпринята попытка рассмотрения соответствующих ключевых слов, репрезентирующих данное концептуализируемое явление в языке.

Словосочетание «идеальный собеседник» давно и прочно вошло в сознание русских людей. Однако в повседневной жизни употребляется редко.

Словосочетание «идеальный собеседник» в словарях отсутствует. Поэтому нам пришлось анализировать каждую лексему.

Смыслоное содержание лексемы *идеальный*, установившееся к первой половине XIX века и зафиксированное словарем В.И. Даля, включает в свой состав несколько основных значений:

Идеал – мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде; первообраз, прообраз, началообраз; представитель; образец-мечта. Идеальность противоположна реальности, мыслимый первообраз наущенному (Даль 1956).

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова зафиксированы следующие значения:

Идеал – высшая, трудно достижимая степень совершенства в чем-н., мыслимый предел стремлений, желаний. *Идеал красоты. Идеал человека.*

Идеальный – являющийся идеей (филос., книжн.). *Идеальный тип. Идеальный мир.* Возвышенный, неземной (книжн. устар., теперь ирон.). *Идеальная любовь. Он рук в грязи житейской не марал, он для того был слишком идеален* (Некрасов). Очень хороший, превосходный, отличный (разг.). *Идеальный работник. Идеальные квартирные условия. Идеальная погода.*

Собеседник – участник беседы, разговора, лицо, беседующее с кем-нибудь. *Интересный собеседник* (Толковый словарь русского языка 1938).

Современные толковые словари приводят сходные значения лексем *идеал*, *идеальный*, *собеседник*. Сходные смысловые структуры отражены в словарях С.И. Ожегова (Ожегов 2003), Кузнецова (Большой толковый словарь... 2003).

В словаре С.И. Ожегова слова-репрезентанты трактуются следующим образом:

Идеальный – соответствующий идеалу, возвышенный. *Идеальная любовь.* Очень хороший, отличный. *Идеальный работник. Идеальное исполнение пьесы.*

Идеал – то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений. *Высокие идеалы коммунизма. Совершенное воплощение чего-нибудь. Идеал доброты.* Этот человек – мой идеал.

Собеседник – тот, кто участвует в беседе. *Разговорчивый собеседник*.

Беседа – разговор, обмен мнениями. *Оживленная беседа*. Общедоступный доклад, обычно с участием слушателей в обмене мнениями, собеседование. *Провести беседу*.

В результате анализа «Словаря синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой мы выяснили, что лексема «идеальный» имеет следующие синонимы: *безукоризненный, бесподобный, великолепный, достойный, замечательный, золотой, классный* (разг.), *лучший, мировой* (разг.), *наилучший, настоящий, неподражаемый, обалденный* (разг.), *отличный, превосходный, прекрасный, прелестный, приятный, хороший, чудесный, лучший, отличный, эталонный*.

Паремиологических и фразеологических объективаций концепта «идеальный собеседник» выявлено не было.

Дальнейшее изучение концепта «идеальный собеседник» позволит более полно раскрыть его содержание.

Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 314.

Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 656 с.

Толковый словарь русского языка: В 4 т.; сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938.

Е.В. Выборных

Возрастная динамика концепта *Европа* (по данным свободного ассоциативного эксперимента)

Современная когнитивная лингвистика ставит перед собой задачи изучения концепта не только с целью выявления содержания и структуры, но и отражения его в сознании той или иной социальной, гендерной или возрастной группы (мужчины / женщины, студенты / школьники и др.) и изучения динамических процессов концептуализации. Под динамикой концепта мы понимаем изменения его содержания и структуры, происходящие в процессе личной познавательной деятельности человека и усвоения результатов социально-исторического осмысления. С целью изучения динамики концепта *Европа* мы решили выявить, какими основными зонами представлен данный концепт в сознании школьников и студентов, и сопо-

ставить полученные данные. В качестве информантов нами были выбраны ученики старших классов МОУ Борисоглебской СОШ № 6, МОУ Грибановской СОШ № 2 (возрастная группа 14-16 лет) и студенты 3 курса ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт» (возрастная группа 19-21 год). Испытуемым предлагалось записать 2-3 первых пришедших им в голову реакции (слово, словосочетание, предложение) на слово-стимул *Европа*. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты.

Проанализируем результаты эксперимента, проведённого со школьниками. Были выявлены 57 реакций. По материалам эксперимента, концепт *Европа* в сознании школьников имеет зонную организацию и состоит из нескольких зон. Самая объёмная в составе информационного содержания концепта – ландшафтно-географическая зона, маркирующая географические координаты концепта *Европа*, определяющая его место как географической реалии (*Азия – 9, материк – 5, земля – 2, часть света – 2, Америка – 1, земной шар – 1, Китай – 1, континент – 1, мир – 1, море – 1, Япония – 1*). Осмысление России как части европейского пространства демонстрируют реакции (*Россия – 2, Москва – 1*). Индекс яркости данной зоны – 49% от ассоциативного поля концепта.

Политико-экономическая зона. Современная Европа осмыслиается не только как территория, имеющая свои ландшафтные особенности, но и как единое политико-экономическое пространство (*страна – 5, место жительства скунхедов – 1, страны – 1, часть света, в которой находятся развитые страны – 1*). Яркость данной зоны – 14% .

Интерпретационное поле концепта *Европа* представлено несколькими реакциями, имеющими отрицательную коннотацию (*тупо – 1, фигня – 1*). В двух случаях Европа концептуализирована как часть древней оппозиции «родной – чужой», выступая репрезентантом как чужого, так и своего пространства (*заграница – 1; родина – 1*). Индекс яркости интерпретационного поля – 7%.

Значительное количество реакций школьников представляет своего рода звуковой образ слова, поскольку основано на фонетическом сходстве звуковой формы лексемы *Европа* – номинанта концепта – с лексической единицей сниженного характера (соматическое ругательство), преимущественно заданной рифмой, а также разного рода суждения, его включающие. Значительное число реакций подобного типа (30% от общего числа реакций, приведённых школьниками), свидетельствует об отсутствии сформированных концептуальных признаков или о начальном этапе их формирования, которое происходит у школьников не в процессе самопознания топофеноменов, а под влиянием современной массовой медийной культуры, например, текстов песен (гр. Многоточие «Что-то другое», Глюкоза «Ганцуй, Россия», Павел Воля «Всё будет офигенно»), в которых эксплицированы нелитературные рифмы к слову *Европа*.

Анализ результатов эксперимента, проведённого среди студентов (всего 61 реакция), свидетельствует о несколько другой зональной структуре

концепта в сознании студентов. Так, ландшафтно-географическая зона информационного содержания концепта *Европа* в сознании студентов маркируется большим репертуаром номинаций, занимая, как и у школьников, важное место в структуре концепта (*Азия – 3, материк – 3, часть света – 2, Запад – 1, запад – 1, континент – 1, часть Евразии – 1*). Осмысление Европы как единицы физической географии демонстрируют и реакции, именующие конкретные локусы: наименования государств, расположенных в Европе (*Англия – 3, Германия – 3, Франция – 3, Италия – 2*), названия европейских городов (*Париж – 4, Лондон – 1, Милан – 1*), а также наименования этносов, проживающих на территории Европы (*европейцы – 1*) – всего 49%.

В структуре концепта, сформированного у студентов, представлена обширная историко-культурная зона, отсутствующая у школьников. Европа в сознании современного студента закодирована как центр культурной жизни (*культура – 3, средневековые памятники – 1*), спорта (*футбол – 2, чемпионат – 1*), центр моды и туризма (*moda – 3, вояж – 1, гламур – 1, отдых – 1, шмотки – 1*). Индекс яркости данной зоны – 21,5%.

Несколько меньшую яркость по сравнению со школьниками имеет политico-экономическая зона (4,9%). Европа осмысляется как важная составляющая современной политической жизни (*Евросоюз – 1*) и воспринимается как важный центр экономики и бизнеса (*богатство – 1, экономика – 1*).

Интерпретационное поле концепта *Европа* представлено оценочной зоной. Концепт выступает как положительно коннотированный. Европа рассматривается информантами как образец цивилизации, источник прогресса, устроенности, порядка (*цивилизация – 5, богатство – 1, жизнь – 1, лучшая жизнь – 1, много нового – 1, развитая – 1*).

Следует отметить, что в ряде случаев Европа концептуализирована как часть древней оппозиции «родной – чужой», выступая репрезентантом чужого пространства (*далёкая – 1, зарубежье – 1, иностранный язык – 1*). Индекс яркости интерпретационного поля высок (21,5 %), что свидетельствует о его коммуникативной значимости в сознании студентов.

Влияние медийной культуры проявилось только в виде одной реакции (*песня Павла Воли – 1*), занимающей 1,6% в общем ассоциативном поле.

Приведём в таблице сопоставительные данные структурной организации концепта *Европа* и индексов яркости отдельных зон в сознании школьников и студентов.

Зоны	Возрастные группы	
	Школьники	Студенты
Звуковой образ слова-номинанта концепта	30%	1,6%
Ландшафтно-географическая зона	49%	49%
Историко-культурная зона	–	23%
Политико-экономическая зона	14%	4,9%
Интерпретационное поле	7%	21,5%

Концепт *Европа* в сознании студентов богаче по содержанию и сложнее структурно (содержит больше когнитивных слоёв). Можно полагать, что наиболее активно концептуальное содержание формируется в студенческие годы. Концептуализация Европы учащимися происходит, во-первых, на уроках физической географии, во-вторых, через трансляцию современной массмедиакультуры, тогда как студенты концептуализируют локус посредством широкого спектра источников, включающих учебную, справочную, художественную литературу, газеты и телепередачи более высокого уровня. Структура и содержание концепта *Европа* в сознании студентов более соответствует общим данным, полученным в результате исследований концепта *Европа* (Выборных 2009, с. 41).

Выборных, Е.В. Концепт Европа по данным психолингвистического эксперимента / Е.В. Выборных // Культура общения и её формирование: межвузовский сборник научных трудов; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 41.

М.А. Голованева

О когнитивных особенностях восприятия драмы читателем

Когнитивные процессы, связанные с восприятием драматического текста читателем / зрителем драмы, интересны как часть той когнитивной сферы, которая возникает вместе с появлением нового драматургического произведения и включает в себя когнитивные процессы автора, персонажей и адресата драмы. Когнитивные особенности восприятия читателем драмы не сопоставимы с восприятием зрителем той же драмы, поэтому в данной работе уместно их разграничить и анализировать только обозначенный объект. Основной вопрос языкознания о связи языка и сознания, рассматриваемый на срезе «сознание читателя драмы», получает частичное освещение в той части, которая касается воспринимающей стороны.

Не вдаваясь в глубокие рассуждения о существующих ныне точках зрения на сознание, отметим основные из них. Это традиционная отражательная теория, сыгравшая решающую роль в отечественном варианте когнитивной лингвистики; концепция сугубо биологической природы сознания и информационная концепция сознания (Осокина 2006, с. 114). Придерживаясь отражательной теории, дадим определение сознанию с этих позиций: «способность человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов» (Стернин 2002, с. 44). При этом И.А. Стернин делает разграничение сознания вообще и языкового сознания: «Сознание «вообще» предлагается назвать когнитивным, подчёркивая его ведущую «познавательную» сторону – сознание формируется в результате познания

(отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта». Языковое сознание – «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» (Стернин 2002, с. 45). Интересующая нас когниция (познавательная деятельность) читателя драмы целиком направлена на создание тех самых образов (посланных ему автором произведения) и «упаковывание» их в соответствующую словесную форму. Аспекты когнитивного процесса организации речи рассмотрены в работе Т.Н. Ушаковой (Ушакова 2005, с. 5-18). Эта работа, на наш взгляд, проливает свет и на проблему восприятия читателем текста.

Используя понятие «логоген», предложенное Дж. Мортоном в 1979 г., Т.Н. Ушакова строит на его основе концепцию вербальной сети человека, помещающейся в сознании человека, где отдельные слова (ставшие логогенами путём их размещения в сознании) связаны между собой ассоциативно: «Включение во множество структурных связей с другими словами – кардинальная особенность «материализации» семантики слова в когнитивной сфере субъекта. Совокупность множества межсловесных связей образует так называемую вербальную сеть (паутину). <...> Объединяясь множественными «межлогогенными», межсловесными связями, логогены становятся образующими элементами, «узлами» вербальной сети». Далее в работе излагается принцип «сканирования» вербальной сети для «выбора» адекватного слова: «При соположении ментального и логогенного рядов (точнее сказать, «сканировании» динамически организуемого ментального ряда по стабильной структуре лексического тезауруса) один из логогенов получит преимущественную активацию в силу наибольшего совпадения с элементами ментального ряда и, соответственно, одно из слов окажется выбранным для выражения мысли говорящего и включения в формируемое высказывание» (Ушакова 2005, с. 10-11, 15). Описанный Т.Н. Ушаковой когнитивный механизм наталкивает на мысль о том, что процесс восприятия читателем текста происходит аналогичным образом, но, может быть, в обратном порядке.

Воспринимая написанное, читатель, скорее всего, всю массу данных ему слов, включённых в строгую синтаксическую структуру, членит по психолингвистическим законам на те мельчайшие сочетания, в которых его сознание способно выявить такой первосмысл каждого слова, который не придёт в противоречие с остальными смыслами данного синтаксического сегмента. Каждое слово, таким образом, получает в языковом сознании читателя свой образ, который должен совпасть с соответствующим логогеном в вербальной сети читателя. Поэтому снова имеет место процесс «сканирования», активации наиболее совпавшего со словом по элементам ментального ряда логогена и выбор именно его. Но особенность художественного текста состоит в том, что он должен провоцировать в сознании читателя возникновение не только прямо соответствующих слову смыслов, но

и смыслов дополнительных, а часто таких, которые собой вытесняют основные. Этим обеспечиваются та идейная многослойность и образность, которые отличают художественный текст от остальных. Поэтому авторские усилия направлены на то, чтобы посредством слов, их сочетаний возбудить в сознании читателя в момент «сканирования» как можно больше логогенов, не полностью, а частично совпадающих со словом по элементам ментального ряда. Путём комбинирования, соединения этих многочисленных логогенов по принципу пазлов в воспринимающем сознании рождаются соответствующие концепты, которые в большей или в меньшей степени удалены или приближены к авторскому концептуальному пространству, отображённому данным текстом.

Для воспринимающего сознания определённую трудность составляет ещё и такое явление, как неполное соответствие сказанного автором тому, что автором задумано. «Семантика слова существует в двух измерениях: в системе языка и в дискурсе. Причём в дискурсивной деятельности нередко появляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются. Они порождаются когнитивными пропозициями в конкретном высказывании. <...> Поскольку нужного слова в системе языка нет, приходится использовать имеющиеся в языке лексемы, которые вынуждены, погашая своё системное значение, «подстраиваться» (Попова 1999, с. 11) под объективируемый в дискурсе пропозитивный смысл, связанный с переживанием субъективной значимости тех явлений и событий, которые оказались в зоне действия ведущего мотива. В результате семантика слова видоизменяется...» (Алефиренко 2006, с. 105-106). В подобных случаях когниция читателя способна далеко увести воспринимающее сознание от авторского замысла.

Помимо этого, важен ещё учёт «апперцепционного момента» в восприятии речи: «наше восприятие и понимание чужой речи (как и всякое восприятие) апперцепционно: оно определяется не только, а часто и не столь-ко) внешним речевым раздражением, но и всем прежде бывшим внутренним и внешним опытом и, в конечном счёте, содержанием психики воспринимающего в момент восприятия; это содержание психики составляет «апперцирующую массу» данного индивида, которой он и ассилирует внешнее раздражение» (Якубинский 1986, с. 27).

Однако всё сказанное может быть отнесено к сознанию любого читающего, а не только к сознанию читающего драматическое произведение. Ключевое отличие, на наш взгляд, заключается в следующем. Драматическая реплика (классическая ремарка в этом случае играет второстепенную роль), пишущаяся автором как бы «с натуры», тем не менее, не есть настоящая речь, а, как и любой художественный продукт, есть речь «сделанная», искусственная, намеренно уплотнённая, о чём писали многие исследователи (Т.Г. Винокур, О.Б. Сиротинина, Г.Г. Полищук, Р.А. Будагов, А.Г. Бакланова, И.И. Ковтунов, Н.А. Кожевникова, Б.А. Ларин). «Сгущение» драматической реплики происходит путём повышения экспрессии, концентрации языковых средств и черт естественной речи, благодаря при-

существию пропозициональной ясности для стороннего наблюдателя (которая не всегда присуща разговорному диалогу), перенесению метатекстовых элементов в область ремарки. Когнитивные процессы, требующие обработки подобного текста, усложняются. Воспринимающее сознание читателя драмы сталкивается с трудностями декодирующего характера, которые замедляют процесс «присвоения» информации. Однако когнитивно-дискурсивная работа читателя неизбежно ведёт к тому «удвоению реальности», о котором писал Ю.М. Лотман (Лотман 2002, с. 238-252), то есть к отражению в конечном счёте в воспринимающем сознании читателя драмы адекватного фрагмента «языкового космоса» (Ушакова 2005, с. 11) сознания автора.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н.Ф. Алефиренко // Вестник СамГУ. – 2006. – № 5/1 (45). – С. 102-110.

Лотман, Ю.М. Театральное пространство / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 388-400.

Осокина, С.А. К вопросу о соотношении языка и сознания: становление новой лингвистической парадигмы / С.А. Осокина // Филология и искусствоведение. – 2006. – № 2. – С. 112-117.

Попова, З.Д. Когнитивные пропозиции и семантика языка / З.Д. Попова // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр.– Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – Вып 2. – С. 11-12.

Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин // С любовью к языку. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 44-51. – <http://www.infolex.ru/P062.html>

Ушакова, Т.Н. Структуры языка и организация речевого процесса / Т.Н. Ушакова // Язык, сознание, культура: сб. науч. тр.; под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 2005. – С. 5-18.

Якубинский, Л.П. Язык и его функционирование / Л.П. Якубинский // Избранные работы. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.

Г.В. Киселёва

Макроструктура культурного концепта *Воронеж* (по данным свободного ассоциативного эксперимента)

Большинство лингвокогнитологов рассматривают концепт как многомерное ментальное образование, в котором выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны (Попова, Стернин 2007). Изучение концептов, вербализованных именами собственными, открывает возможности выявления особенностей их осмысления национальным и групповым сознанием, чем и привлекает внимание исследователей.

Нами проведено изучение концепта *Воронеж* методом свободного ассоциативного эксперимента, проведённого среди жителей г. Борисоглебска и других районов Воронежской области (возрастной диапазон – 13-86 лет). Всего опрошено 1056 человек, получено 998 реакций, отказов 58.

Лингвокогнитивная интерпретация полученного ассоциативного поля концепта *Воронеж* позволяет говорить о наличии в его структуре образной составляющей с индексом яркости 16,7%.

В сознании испытуемых хранится обобщённый образ крупного города, с характерными деталями городского пейзажа: *большой 10, мосты 8, улицы, запутанные улицы; дороги 2, каменный мост; фонтаны; архитектура, памятник, церковь, собор; большое количество магазинов 2, бутик, ярмарка; гостиница, центр 5; зелёный город 2, сквер, лес, красивая осень, астра, розы, снег*. Город насыщен транспортом: *вокзал 13, автовокзал, поезд, транзит, автобус 5, троллейбус, трамвай 2, маршрутки, машины*. Зрительную картину дополняют единичные одорические (*запах автобуса, выхлопные газы, загазованный, задымлённый, смог*), звуковые (*шумный 2, шумный город, шум-гам*), кинетические (*суета 3, колгота и суета, движение, многолюдие, толпа, карусель*), физический (*головная боль*) образы. Кроме объёмной обобщённой урбанистической картины, в сознании существуют индивидуальные калейдоскопические образы-картинки реального городского воронежского пейзажа (*левый берег – правый берег 5, два берега, улицы с большим уклоном*), его панорамное изображение (*панorama Воронежа, панorama с Левого берега 2*), а также созданные посредством разнообразных партитивных номинаций детали уникального ономастического ландшафта г. Воронежа: наименования городских районов, улиц, площадей, мостов (*Чернавский мост 12, Северный мост; Северный микрорайон, Берёзовая роща, пр. Революции 4, пр. Ленина 2, Кольцовская; пл. Ленина 3*), скверов и памятников (*Петровский сквер 3, Кольцовский сквер 2; памятники Петру 1 – 2*), отдельных уникальных зданий и учреждений (*здание управления ЮВЖД 3, «Утюжок», здание цирка, гостиница «Брно», универмаг «Россия», кинотеатры «Пролетарий» 5, «Спартак» 3*).

Среди образных реакций выделяется небольшая группа фонетических ассоциатов, основанных на общности звучания слов и его оценке (*ворона 9, ворон, вареник, ворожба, резкий по звучанию*), рождённых ими образов (*птичка, чёрная птица ворон*), а также графических (*буквы В и Ж, Женоров*). По нашему мнению, названные реакции отражают осмысление (зрительное и звуковое) не топофеномена, а слова-репрезентанта концепта *Воронеж*. Таким способом, по мнению А.В. Суперанской, малознакомые имена ищут своё место в лексической системе, вступая в разнообразные отношения со словами, хоть чем-то им подобными (Суперанская 2007, с. 286). Подобным же образом, возможно, малознакомый респондентам локус включается в процесс концептуализации, который начинается с осмыслиения слова, номинирующего концепт, что и находит выражение в звуковых и зрительных образах слова.

Важной составляющей макроструктуры концепта *Воронеж* является обширное энциклопедическое поле, формируемое когнитивными признаками категориального и дифференциального типа. В состав категориальной зоны входят признаки, устанавливающие место Воронежа как топофеномена в географическом пространстве России, включающие его в более

общую понятийную категорию. Воронеж категоризуется как город, центр Воронежской области (*область 44, областной центр 44, областной город 19, город 15, наш областной центр 6, наша область 2, столица области, Воронежская обл., наш областной город, центр Воронежской обл., центральный город, главный в области, губерния 2, наша губерния*). Реакции *Борисоглебск 13, Москва 2, Тамбов 2* маркируют связи с объектами той же понятийной категории (города). Кроме наименований официального статуса Воронежа как областного центра, информантами устанавливается и его неофициальный статус: Воронеж концептуализируется как крупный региональный экономический центр России, расположенный в Черноземье и претендующий на звание столицы региона (*столица Черноземья 18, Черноземье 16, центральное Черноземье 4, один из городов Черноземья, центральная чернозёмная полоса 2, центрально-черноземный район, чернозём 9*). Индекс яркости категориальной зоны – 20,7%.

Дифференциальная зона энциклопедического поля концепта *Воронеж* включает, по экспериментальным данным, ландшафтно-географическую, социально-экономическую и историко-культурную подзоны, которые уточняют место топофеномена, определяя его специфику. Ландшафтно-географическая подзона не является объёмной, имея индекс яркости 8,4%, что свидетельствует о нерелевантности географических когнитивных признаков для современного социума. В сознании отмечаются, прежде всего, те детали географического ландшафта, которые формируют городское пространство современного Воронежа (*водохранилище 60, Воронежское море 4, Воронежское водохранилище 2, река 13, река Воронеж*) и некоторые другие единичные реакции (*Дон, земля, северо-запад, дорога на юг*).

Социально-экономическое и политическое знание также не является актуальным (2% – индекс яркости). Признаки, формирующие эту зону, имеют низкую частотность и не отличаются разнообразием: экономические (*крупный промышленный город, труженик, АЭС 3, атомная станция, авиаавод 2, авиастроение 2, самолёты 2, самолётный завод, аммиачный завод, шинный завод, лесхоз, Воронеж-45*), политические (*областная власть, неосновательность в действии властей, Гордеев*).

Историко-культурная зона энциклопедического поля представлена большим репертуаром разнообразных реакций как частотных, так и единичных, что свидетельствует о важности для современного социума исторического и культурного знания. Индекс яркости данной зоны – 20,4%. Воронеж рассматривается информантами как древний город, имеющий богатое историческое прошлое (*старинный 3, старый город, история, нагорная крепость, Русь, предки, славяне*), возникновение и развитие которого было неразрывно связано с рождением русского флота в Петровскую эпоху (*Петр I – 18, флот 7, колыбель русского флота 6, колыбель Петра, русский флот, российский флот, морской флот, корабли*). Отмечено сознанием испытуемых участие Воронежа и его жителей в Великой Отечественной войне (*город-герой 7, герой 2, героический, танки, фашисты, бой, победа*). Небольшим числом респондентов Воронеж концептуа-

лизирован как место рождения и творческой деятельности писателей, поэтов и других известных людей и коллективов (*Кольцов 9, Мандельштам 4, Жигулин 2, Никитин 2, Бунин, Дуров, Троепольский, хор имени Пятницкого*), крупный культурный центр с разнообразными учреждениями (*цирк 38, музей 3, театр 2, кукольный театр 2, театр драмы, дельфинарий, аквапарк*), центр спортивной жизни (баскетбол, борьба, «Факел», «Энергия»). Для некоторых информантов представление о Воронеже связано с героем получившего известность мультфильма (ул. Лизюкова 10, *котёнок с ул. Лизюкова 4, ул. Лизюкова – мультфильм, ул. Лизюкова – котёнок, кот, котёнок*). Наконец, Воронеж осмысляется информантами как крупный образовательный центр с большим количеством вузов, как город молодёжи и студентов (*студенческий город 2, студент, студенты, много студентов, институт 6, много институтов, учебные заведения*), значительный репертуар реакций – номинаций конкретных учебных заведений Воронежа (*ВГУ 18, университет 11, ВГАСУ, ВВАУ, ВГТУ, ВАИИ, военное училище, лесотехническая академия, мединститут, пединститут, политех, сельхозакадемия, училище тыла, юриспруденция*).

Идентификационная зона, по мнению И.А. Стернина, объединяет когнитивные признаки, индивидуализирующие концепт и осмысляющие его как своё / чужое пространство. В целом данная зона не является объёмной (индекс яркости – 5,8%). 51 респондент воспринимает Воронеж как освоенный локус, своё, родное, знакомое и поэтому положительно коннотированное пространство (*родина 21, моя родина 2, малая родина, родной 2, край родной 2, уголок родной, родные места, родной дом, дом 6, второй родной дом*). Приведём также реакции, совмещающие когнитивные смыслы разных энциклопедических зон (*наша область 2, наш областной центр 6, наши областной город, наша губерния*). Для некоторых – это пространство, находящееся рядом с домом, близкое и поэтому тоже знакомое (*близко 2, город близкий, рядом, рядом с домом, 230 км, всего 250, соседи*). 7 респондентов эксплицируют представление о Воронеже как о чужом, неизвестном локусе (*незнакомый 3, неизвестность 2, не был, далеко*).

Интерпретационное поле концепта *Воронеж* структурировано когнитивными признаками утилитарной, паремиологической и оценочной зон. Данные экспериментального изучения различных топоконцептов подтверждают наличие в их структуре обширной утилитарной составляющей, отражающей прагматическое осмысление топофеномена, важность его в обыденной практике информантов. У различных концептов, объективированных топонимами, утилитарная зона картирована одинаково и представлена набором семантически однородных когнитивных признаков, объективированных разнообразным репертуаром реакций низкой частотности (Киселёва 2008, с. 31). Воронеж рассматривается как место проживания родственников, друзей, коллег по работе, знакомых (*друзья 7, сестра 5, дети, дочь с внуком, дядя, сын Алёша, родственники 2, родные, знакомые, однокурсник*, а также персонифицированные: *Валя Пущина 3, Стернин 3, Май Абрикосов, Олег Карпов, Мишка, Наташка*), как место, связанное с учёбой,

работой информантов (*студенческие годы 2, учёба 2, место обучения, в пединституте учился, аспирантура, обучение мамы, олимпиада по истории; ВОИПКРО 3, курсы, курсовая подготовка, институт усовершенствования учителей 2; работа, командировка, документы, начальство, военный суд, рынок 3, оптовая база, ездим за печеньем*), как место лечения (*больница 17, областная больница 6, больница на 9 км, зубная поликлиника, санаторий 3, роддом, рождение сына*), место отдыха и развлечений (*ансамбль «Золотое кольцо», боулинг, гитара, кино, концерт, лагерь «Восход», опера, «Орлёнок», отдых, поездка, свадьба, тусня, фольклор*). Индекс яркости утилитарной зоны составляет 10,2%.

Экспериментальные данные позволяют говорить о наличии в структуре концепта *Воронеж* небольшой паремиологической зоны с незначительным индексом яркости 3,7%, объективированной различными трансформациями устойчивого выражения *Воронеж не догонишь* (варианты: *хрен / фиг догонишь*), *догонишь – не поймаешь, поймаешь – не возьмёшь*. Приведённое суждение содержит высокую самооценку воронежцев, чувство гордости за родной край, закрепляет представление об их приоритетности в жизнейских делах, умении жить.

Культурный концепт *Воронеж*, по данным эксперимента, выступает как двуоценочный. В целом индекс яркости оценочного слоя составляет 17 %. Из общего числа оценочных реакций половину (52%) составляют положительные коннотации. Позитивная оценка объективирована прямыми оценочными номинациями (*красивый 13, хороший город 4, хорошо! хорошее настроение, приятный город, интересный 2, прикольный, красота природы, святое для меня, самые красивые девушки, класс!*), названиями положительных эмоций (*любимый 5, весёлый 2, дружба*). Положительно оцениваются внешний облик города (*чистый-чистый город, современный, вторая Москва*), возможности для реализации личного потенциала (*жизнь, город высоких возможностей*), эксплицированы желания испытуемых (*хочу поехать туда, хочу здесь жить, я туда хочу, предполагаемое место жительства, мечта, недосыпаемый*). Положительная оценка «поддерживается» и положительно коннотированными признаками идентификационной зоны.

Отрицательное оценочное поле создаётся за счёт прямых номинаций негативной оценки (*плохой 2, ужасный, не очень приятный, неприятное, не очень хорошее впечатление, тяжеловатый город, непопулярный, фу! я туда не хочу!*), номинаций отрицательных эмоций (*не люблю этот город, замучил, неоправданные надежды, приносил много тревог*). Отрицательную оценку получают некоторые асоциальные явления и лица (*криминальный 2, пьяника 2, бандитский, нищета, бездушие; блатные пацаны, гопники, жлобы, коблы, коблы воронежские, нацисты, негры, скунхеды, skin head*), внешний облик города (*грязь 14, грязный город 4, серое-грязное, чернота, мрачный, пыль, смог, суета 3, колгота и суета, выхлопные газы, грязные маршрутки, загрязнённый, загазованный, задымлённый, запущенность, неухоженность, неприметный, плохие улицы, плохие дороги, раз-*

битые дороги), отсутствие культуры (провинция б, деревня 4, большая деревня, полу-Москва-полудеревня, чёрная дыра).

Итак, исследование макроструктуры концепта *Воронеж* позволяет сделать вывод об отсутствии принципиальных структурных отличий концептов, объективированных топонимами, от иных видов концептов. Своеобразие их концептуального содержания определяется репертуаром когнитивных признаков, образующих многослойность концепта, степенью их яркости и особенностями комбинаторики.

Киселёва, Г.В. О структуре концептов, вербализуемых именами собственными / Г.В. Киселёва // Лингвоконцептология; науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 1 – С. 29-32.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007.

Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 2007.

В.В. Колесникова

Художественный концепт «душа» в языковой картине мира Б. Пастернака

Исследование прагматики художественного концепта «душа» в творчестве Б. Пастернака осуществляется с целью определения содержания данного художественного концепта в языковой картине мира автора.

Художественный концепт «душа» является одним из главных концептов в индивидуальной картине мира Б. Пастернака. Это подтверждается тем, что языковая презентация данного концепта в поэзии и прозе автора характеризуется богатством смыслов, многообразием сочетаемостей с другими языковыми единицами, коннотативно-оценочным потенциалом. Следовательно, мы можем говорить о высокой ценности художественного концепта «душа» в идиостиле писателя.

Во-первых, в поэзии Б. Пастернака в ряду контекстов концепт «душа», представленный одноименной лексемой *душа*, имеет огромное значение, являясь неотъемлемым элементом концептуальной структуры стихотворения. Действительно, нами были отмечены контексты, в которых слово *душа* является ключевым, т.е. многократно используется в тексте; употребляется в заглавии стихотворения: «Душа» (1915), «Определение души» (1917), «Попытка душу разлучить. Мучкап» (1917), «Голос души» (1920), «Душа» (1956).

Во-вторых, поэт создает оригинальные метафоры, в структуре которых лексема *душа* – значимый элемент: «*душа* печальница, усыпальница, скудельница, мельница» («Душа» 1956); «*душа* вольноотпущенница, плениница лет, паломница, тень» («Душа» 1915); «фотография *души*» («Тоска беше-

ная, бешеная...»); «тезисы души» («Когда я устаю от пустозвонства...»); «горенья души» («Отцы»); «угасшая душа» («Спекторский»).

В-третьих, в поэзии Б. Пастернака лексема *душа* используется для создания неповторимых художественных образов. Душа представлена как бессмертная субстанция: «*Души не взорвать, как селитрой залежь, / Не вырыть, как заступом клад. / Огромный сад тормошится в зале / В трюмо – и не бьет стекла*» («Зеркало»). Душа изображается как земная поверхность: «*В эмали – луг. Его лазурь, / Когда бы зябли, – соскобили. / Но даже зяблик не спешит / Стряхнуть алмазный хмель с души*» («Наша гроза»). Душа – театр: «*И мерил я полуторною мерой / Судьбы и жизни нашей недомер, / В душе же, как в детстве, снова шел премьерой / Большого неба ветреный пример*» («Окно, пюпитр...»). Душа – грим: «*Той же пьесою неповторимой, / Точно запахом краски дыши, / Вы всего себя стерли для грима. / Имя этому гриму – душа*» («Мейерхольдам»). Душа часто изображается поэтом как мельница: «*Что за след в этом пойле? / Боже, кем это мелются, / языком ли, душой ли, / Этот плеск, эти прелести?*» («8 Весна»).

Оригинальные метафоры и неповторимые художественные образы, которые были созданы с помощью слова-концепта «душа», свидетельствуют о своеобразии художественного мышления Б. Пастернака, о его поэтическом взгляде на окружающий мир, об умении описывать действительность, отвлекаясь от конкретных значений привычных слов.

В-четвертых, в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» слово *душа* является ключевым. Это связано не только с большим количеством словоупотреблений в романе лексемы *душа*, ее ЛСВ, словосочетаний с ними, но и с тем, что концепт «душа» является главным элементом концептуальной картины мира главного героя романа. В романе «Доктор Живаго» существует единственная и главная реальность – душевые переживания главного героя (Соколов 2006, с. 6):

- покой: «*Мир был на душе у доктора*» (с. 502); «*За этими размышлениями доктор успокоился. Редкий мир сошел ему в душу*» (с. 340);
- тревога: «*С неспокойною душою он шел к дому*» (с. 512);
- печаль: «*Такой мрак был у него на душе, так ему было печально*» (с. 511); «*Но душа у него была истерзана вся кругом, и одна боль вытесняла другую*» (с. 449);
- радость: «*В Москве! В Москве!* – с каждым шагом отдавалось в душе, пока он в третий раз подымался по чугунной лестнице» (с. 448);
- любовь: «*Лара, мне страшно назвать тебя, чтобы вместе с именем твоим не выдохнуть души из себя*» (с. 394).

В-пятых, художественный концепт «душа», выражаемый лексемой *душа* и ее лексико-семантическими вариантами, служит для реализации авторского замысла, что определяет в значительной мере его высокую ценность в концептуальном пространстве произведения и в языковой картине мира Б. Пастернака.

Итак, анализ художественного концепта «душа» в текстах Б. Пастернака показал, что в языковой картине мира писателя данный концепт имеет большое значение. Являясь ключевым в некоторых лирических стихотворениях и тематическим в романе «Доктор Живаго», концепт «душа» участвует в создании оригинальных метафор, своеобразных художественных образов; в реализации авторского замысла, а также при помощи концепта «душа» Б. Пастернак описывает настроения и чувства лирических героев.

Соколов, Б. Кто Вы, доктор Живаго? / Б. Соколов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 352 с.

Источники

- Пастернак, Б.Л. Доктор Живаго: Роман / Б.Л. Пастернак. – М.: Эксмо, 2004. – 624 с.
Пастернак, Б.Л. Избранные сочинения / Б.Л. Пастернак; сост. и комм. Е.В. Пастернак. – М.: РИПОЛ классик, 2002. – 864 с.

Ю.О. Мелентьева

Лексикографическая объективизация концепта «честь»

Наше исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода, представителями которого являются Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, В.Н. Телия и др. Данный подход опирается на системное понимание концепта и определяет последний как ментальное образование в сознании индивида, которое обеспечивает выход в концептосферу народа. Мы опираемся на постулат когнитивной лингвистики о том, что явления реальной действительности отражаются в виде концептов в сознании человека и объективируются в коммуникации номинативными средствами языка (Попова 2007, с. 16).

Целью исследования является изучение лексической объективизации концепта **честь**, который представляется одним из важнейших в оценочной картине мира.

На первом этапе мы обратились к анализу словарных толкований ключевого слова с тем, чтобы на этой основе выявить определенные когнитивные признаки соответствующего концепта. Были проанализированы данные этимологических словарей, толковых словарей современного русского языка, а также словарь синонимов и антонимов, словарь сочетаемости.

Ключевая лексема **честь** отмечается в русском языке с древних времен и присутствует в сходном значении в других славянских языках. По данным этимологических словарей, в том числе словаря Фасмера, слово **честь** общеславянского происхождения. Образовано с помощью суффикса **-ть** и перегласовки от древнерусского и старославянского **чъсть** – “честь, почет,

благоговение”. Форма *чести* восходит к праславянскому *състь*, родственно др.-инд. *cetati* – “соблюдает, замечает, думает”.

Таким образом, внутренняя форма ключевого слова связана, с одной стороны, с понятием уважения и почета, а с другой стороны, с понятием сохранения, исполнения, а также мыслительной деятельности.

Рассмотрим семантизацию слова *честь* в толковых словарях. В.И. Даль определяет *честь* прежде всего через понятие достоинства: “внутреннее нравственное достоинство человека” (Даль 1978, т. 4, с. 579); подобный смысл слова *честь* отмечен и в МАСе (МАС 1984, т. 4, с. 672). У В.И. Даля достоинство соотносится с понятием *достой* – “приличие, приличность, соразмерность, сообразность” (Даль 1978, т. 1, с. 479). Таким образом, человек чести будет вести себя как следует, как должно. Достоинство соотносится по Далю с понятием *добрость*, т.е. с отвагой, геройством, мужеством, что отчетливо указывает на связь понятия честь с личностью мужчины: честь предполагает в мужчине бесстрашие. Подтверждение сказанному находим у Ю. Лотмана: «Идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного закона поведения. В этом смысле особое значение приобретают занятия, демонстрирующие бесстрашие» (Лотман 1994, с. 164-165). Одним из таких «занятий» была дуэль как процедура по восстановлению чести, которая имела социально-знаковый смысл только в общей системе этики русского европеизированного послепетровского дворянского общества. Заметим, что в современных словарях этот смысл (добрость) не отмечается. В определении Даля вслед за добростью следуют “честность, благородство души, чистая совесть”. Итак, по Далю честь прежде всего означает наличие у человека личных качеств, основанных на честности, самоотверженности, в которых воплощается общественно одобряемая модель должного поведения. Вместе с тем Даль отмечает и бытование переосмыслинного значения слова *честь* как “условного, светского, житейского благородства, нередко ложного, мнимого”.

Составители современных словарей едины в определении основного, первого значения слова *честь* (в близкой Далю трактовке) как “достоинства человека” (Лингва), а также “совокупности высших морально этических принципов личности” (Ожегов 2000, БТС 1998), но с обязательным добавлением того, что эти качества “вызывают уважение к самому себе или со стороны окружающих”. Таким образом, понятие чести раскрывается в единстве внутренних качеств и отношения окружающих. Второе место в семантике слова *честь* у современных лексикографов делят два значения: “почет, уважение” и “хорошая репутация, доброе имя”. Они действительно связаны, так как внешнее, общественное признание поступков человека проявляется в его почитании, авторитете, славе. Слово *честь* в значении “почет” широко представлено во фразеологии и паремиологии. Данное значение отмечает и Даль, приводя в качестве иллюстрации 47 пословиц и поговорок. Это основа обширного интерпретационного поля концепта *честь*. Современные словари поддерживают этот материал, а также со-

держат выражения, отражающие наряду с данным и другие значения: *по чести сказать* – “откровенно”, *честь честью* – “так, как следует, как положено”; *выйти с честью* – “найти достойный выход”; *отдать честь* – “оказать знаки уважения, должное внимание” и т.п. В значении «репутация» актуализируется смысл “общественная оценка, общественное мнение о достоинствах и недостатках человека”. Поскольку общественное одобрение приходит к человеку со стороны его социального окружения, то говорят обычно о воинской, профессиональной, спортивной, заводской и т.п. чести (см. Словарь сочетаемости), т.е. как о специализированных качествах, присущих представителям той или иной среды, группы. В этом значении сфера употребления слова расширяется, оно сочетается с неодушевленными существительными, обозначающими те или иные плоды деятельности человека (честь заводской марки). Заметим, что слово *честь* в значении “целомудрие, непорочность” последовательно отмечается в словарях XX века, а у Даля отсутствует.

Словари отмечают также устаревшее значение, связанное с сословной организацией царского общества: “высокое звание, должность, чин”. Даляр дает это значение как актуальное в числе первых после основного.

Развитие семантики лексемы *честь*, по данным современных словарей, связано с обобщением первого и второго значения слова и переносном их употреблении для характеристики не человека, а других объектов. Так, в МАСе, Лингве, БТС выделены семемы: “то, что дает право на почет, уважение, признание, является почетным” (напр.: *Смелость делает тебе честь*); “о том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения” (напр.: *Писатели – честь и слава родины*).

На основании анализа словарных статей мы можем предварительно выделить следующие когнитивные признаки концепта *честь* в русском сознании:

- 1) высокие моральные качества человека (честность, благородство, совместливость);
- 2) положительная самооценка (самоуважение, гордость);
- 3) положительная общественная оценка (хорошая репутация), в т.ч. определенной социальной группы;
- 4) уважение со стороны окружающих;
- 5) гендерное различие: мужская честь (бесстрашие), женская честь (целомудрие).

Данные лексикографической объективации концепта мы предполагаем в дальнейшем дополнять и верифицировать при помощи анализа контекстов и экспериментального изучения.

Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 1989.

Большой толковый словарь русского языка; сост. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. (БТС).

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978 .

Денисов, П.Н. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. – М.: Рус. яз., 1978 (Словарь сочетаемости).

Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – 944 с.

Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007.

Словарь ABBYY Lingvo 12 (Лингва).

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981-1984 (МАС).

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель, 2001. – 648 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987.

П.И. Мельников (Давыдов)

Кристаллизация концептов в русском языковом сознании XIX века

Стилистика философствования в 1-ой пол. XIX в. складывалась в результате наметившегося еще в XVIII в. лингвофилософского раскола в русском языковом сознании в связи с поиском национальной идеи. Так сложились два противоборствующих умонастроения, два взгляда на национальный путь развития – западнический и славянофильский. Если западники в лице Феофана Прокоповича, М. Ломоносова, Н. Новикова, Н. Карамзина, П. Чаадаева и др. предлагали ориентироваться на западноевропейскую религиозную и светскую научную мысль, то славянофилы отстаивали свою национальную мыслительную самобытность. Доминирующим взглядом в идеологии славянофильства было представление об определяющей роли разума, который был средоточием всех умственных сил – познавательных, нравственных, эстетических. В мыслящем духе все остальные движения духа сливаются в одно живое и высшее единство, целостность. Поэтому «не форма мысли, предстоящей уму, производит это сосредоточение сил; но из умственной цельности исходит тот смысл, который дает настоящее разумение мысли» (Киреевский). Такая ситуация сложилась в результате конфронтации субстанционального и реляционистического понимания текста, обозначившейся в русской книжно-письменной культуре XVIII в. Эта конфронтация способствовала дифракции традиционного текста на эмоционально-экспрессивные (теория «трех штилей» Ломоносова) и функциональные стили литературного языка под влиянием чуждых культурных представлений: «Мудрость и энергия не наследственны, и потому, может быть, осторожнее было бы не пренебрегать чужим

опытом и не связываться с союзниками, менее опасными для их врагов, чем для тех, кто принимает от них клятвы на верную службу» (Самарин). Так и поступила русская культура. К этому времени складываются три типа философствования: религиозное (Г. Сковорода); научное (Ф. Прокопович, М. Ломоносов) и художественно-публицистическое (Н. Новиков, А. Радищев). В начале века лингвофилософский спор между традиционалистами (пуристами) и новаторами обостряется, что приводит к кристаллизации проблемы поиска национальной концепции философствования. Здесь обозначаются несколько психолингвистических проблем дальнейшей дифференциации функциональных стилей: 1) в перспективе смены культурной модальности (образ – символ – понятие) появляется осознание «новой отвлеченности» (т.е. модуса абстрактности), ведущей к кристаллизации **понятия** как специфической речемыслительной категории: **таксономия литературного языка есть исторически отстоявшаяся метонимия** (см.: Гинзбург 1981), которая как семантико-стилистический процесс перестает действовать в это время и уступает место **метафоре** как способу порождения **новой отвлеченности** (т.е. модуса **абстрактности**). В результате обозначается новая оппозиция речемыслительных категорий «понятие – концепт» (ср.: «Понятие как явленный концепт есть маркированный член привативной оппозиции «понятие – концепт (В.В. Колесов)»). Только к этому времени мы наблюдаем завершение социопсихолингвистической процедуры **интериоризации** языка как системы и осознания **нормы** на фоне **стиля**. Так речемыслительные усилия русских мыслителей переключаются на поиск формы выражения **концепта**: **теоцентризм** замещается **антропо- и вербоцентризмом**. Не случайно, ряд положений лингвофилософской концепции К. Аксакова получил развитие в творчестве Н.П. Некрасова. Он «углубил представление о роли языковых форм как средств выражения народного духа, его миросозерцания» (Безлепкин). Именно Аксаков и Некрасов выработали формалистическое направление в философии языка, выразившееся в учении о формах слов и их основных значений. В этом направлении в философствовании славянофилов обозначилось несколько взаимодополняющих друг друга позиций.

Одну из них можно называть *онтологией языка и слова* (Гильфердинг, Павский, Аксаков, Некрасов). Она выросла из лингвистических и лингвостилистических открытий Ломоносова и Шишкова; *ибо язык есть внутренняя духовная воля, порождающая речь как средство обмена мыслями внутри органически сложившейся общности – народа*: «Со взглядом на язык, как на живой организм, следует обходиться... осторожнее..., язык не есть определенное целое, замкнутое в своей индивидуальности... Язык в мире мысли почти то же, что воздух в мире вещества... Язык проникает и обнимает собою умственный мир человека. Поэтому языку приличнее свойство единства, нежели свойство целости. И с этой точки зрения он скорее представляется как единый орган, нежели как целый организм... Мысль человеческая находит в языке средство получить соответственный (хотя и не тождественный) определенный образ... Язык, понимаемый в

смысле средства... для выражения мысли, не представляет собою цельного организма, а напротив, скорее должен быть понимаем как единый орган. Но рассматриваемый с звуковой стороны, т.е. как речь, слово, звук, он имеет в этих отдельных частях множество других органов, служащих к направлению его жизни, и потому с этой точки зрения может быть назван организмом... Язык каждого человека есть выражение его личного мироизрания, а язык отдельного народа есть выражение *мироизрания этого народа*» (Некрасов 1865). Так складывается народная картина мира в рамках национального языка.

Е.В. Михайлова

Концепт «музыка» в русской поэзии первой половины XX века

Русская поэзия первой половины XX века имеет богатейшую концептосферу, что обусловлено, с одной стороны, исключительной сложностью исторического отрезка времени, включившего в себя войны, революции, смену мировоззренческих и литературно-художественных парадигм, с другой стороны, появлением целой плеяды талантливых поэтов, каждый из которых создал свой «возможный мир» – поэтический мир – особую вселенную, интересную и неповторимую. Поэтический мир «...осуществляется как событие бытия автора и читателя и как действительное событие действительного мира, “расширяя” то и другое. В акте повествования-восприятия слушатель, воспринимая обращенное к нему слово, переходит на внутреннюю точку зрения словесного изображения, в перспективе которой он воспринимает персонажа произведения как реальное лицо, а события – как действительные, “жизненные”» (Федоров 1984, с. 146). Таким образом происходит обогащение концептосферы слушателя (читателя).

Среди концептов, объективирующихся в русской поэзии указанного периода, значительное место занимают художественные концепты, одним из наиболее важных среди которых является концепт «музыка». Его уникальность состоит в том, что он относится и к эмоциональным концептам, поскольку посредством музыки очень ярко выражаются эмоции и чувства.

Концепт «музыка» вербализуется в названиях поэтических произведений, содержащих «музыкальные» лексические единицы: 1) названия музыкальных инструментов и их частей (М. Волошин «Кастаньеты» (Здесь и далее с указанием страницы: Люблю я вас, богини пеня 1989, с. 439), А. Блок «Скрипка стонет под горой» (451), «Натянулись гитарные струны...» (458), Н. Гумилев «Волшебная скрипка» (489-490), С. Есенин «Заграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха» (519) и др.), 2) названия музыкальных жанров (В. Брюсов «Знакомая песнь» (435), А. Белый «Песенка

комаринская» (467-469), И. Северянин «Ноктюрн» (493), А. Ахматова «Песня о песне» (501) и др.), 3) наименования профессий людей, осуществляющих музыкальную деятельность (А. Блок «Хоть всё по-прежнему певец...» (445), В. Маяковский «Кое-что по поводу дирижера» (517) и др.), 4) имена и (или) фамилии людей, связанных с музыкой (А. Ахматова «Тамаре Платоновне Карсавиной» (499), О. Мандельштам «Бах» (511)) и др.

Реализации концепта «музыка» способствуют имена существительные, глаголы и другие слова, попадающие в семантическое поле ‘музыка’. Наиболее многочисленны названия музыкальных инструментов и их частей: 1) духовых – дудочка (*дудка*) («Я на дудочке играю...» В. Брюсов (434) и др.), свирель («И на нежный зов свирели...» В. Брюсов (434)), рожок («И военною славой заплакал рожок, // Наполняя тревогой сердца» А. Блок (459)), флейта («Спойте мне песню о Данте // Или сыграйте на флейте» Н. Гумилев (487) и др.), труба («В самые зубы туче опёенной // втиснул трубу, как медный калач...» В. Маяковский (517) и др.), геликон («А когда геликон – // меднорыжий, // потный, // крикнул...» В. Маяковский (516)), тромбоны, фаготы («его избитые тромбонами и фаготами // смяли и скакали через» В. Маяковский (517)); 2) клавишных – клавиши («Я клавишей стаю кормил с руки...» Б. Пастернак (505)), орган («Что звук? Шестнадцатые доли, // Органа многосложный крик...» О. Мандельштам (511) и др.), фисгармония («За фисгармонией унылый господин // Рычит, гудит и испускает вздохи...» С. Черный (462)), гармоника (*гармошка*) («Раздувай-дува-дувой, моя гармоника!» А. Белый (466) и др.), рояль («Мне грустно... Подожди ... Рояль, // Как будто торопясь и споря, // Приоткрывает окна в даль // Грозой волнуемого моря» А. Белый (472) и др.), тальянка (*тальяночка*) («Ах, тальянка медносборчатая, // Голосистая, узорчатая, // Выдай погрецы детинушке...» Н. Клюев (483) и др.), ливенка («Рекрута ходили с ливенкой // Разухабистой гурьбой» С. Есенин (520)); 3) струнных – струна («Я мнил: когда-нибудь единая струна // На зов отклиknется приветно» А. Блок (446)), смычок («Смычок запел...» А. Блок (459)), скрипка («Вспоминаю под жалобы скрипки...» В. Брюсов (435) и др.), гитары («И гитары говорят // В такт трескучим кастаньетам...» М. Волошин (439)), мандолина («В лунном свете с мандолиной // Он поет в своем окне...» М. Волошин (441)), лира («Поклонник эллинов – я лиру забывал...» А. Блок (445)), виолончель («Девица-страус, сжав виолончель, // Ключицами прилипла страстно к грифу...» С. Черный (462)), балалайка («Забавляюсь балалайкой...» А. Белый (469) и др.); 4) ударных – кастаньеты («Я привез себе в подарок // Пару звонких кастаньет» М. Волошин (439) и др.), колоколец («Где-то там – на скате – тройка // В отходящий день // Колокольцем всхлипнет бойко...» А. Белый (469)), бубенец (бубенчики, бубенцы) («На дороге бубенец зазвякал – // Памятаен нам этот легкий звук» А. Ахматова (499) и др.), колокол (колокола) («...и на небо выплыл, // Как колокол на перекладине дали, // Серебряный слиток глотовательной впадины, // Язык и глагол ее, – месяц небесный...» Б. Пастернак (503-504) и др.), барабан («Скрипка издергалась, упрашивая, // и вдруг раз-

ревелась // так по-детски, // что барабан не выдержал...» В. Маяковский (516)), тарелка («и только где-то // глупая тарелка // вылезала...» В. Маяковский (516)) и др. Эти имена существительные, помимо употребления в прямом значении, часто метафоризируются.

Кроме этого, поэты часто используют и названия музыкальных жанров: 1) *танец* («Танец быстрый, голос звонкий...» М. Волошин (439)), 2) *вальс* («С тихим вальсом, знакомо печальным, // В темный парк ускользают мечты» В. Брюсов (435) и др.), 3) *песня* («Ветер принес издалёка // Песни весенней намек...» А. Блок (447) и др.), 4) *приплачка* («“Мне же поминные приплачка петь!..”» Н. Клюев (483)), 5) *соната (сонаты)* («Где ажурная pena и соната пажа» И. Северянин (495) и др.), 6) *гимн* («И яростный гимн грянь – // Бунтующих тайн медь!» О. Мандельштам (509) и др.), 7) *псалмы (псалом)* («Где мелом, Себастьяна Баха // Лиши цифры значатся псалмов» О. Мандельштам (511) и др.), 8) *хорал* («Играя внукам свой хорал...» О. Мандельштам (511)), 9) *ноктюрн* («А вы // ноктюрн сыграть // могли бы // на флейте водосточных труб?» В. Маяковский (515)). Упоминаются и названия певческих голосов: 1) *бас* («Бас ревет: “О, па-чemu?!”» С. Черный (461) и др.), 2) *дииканты* («Воздушно брызжут дииканты // В далекий берег прежней песней...» А. Белый (472)).

С глаголом *петь* (и его дериватами) сочетаются субъекты, относящиеся к различным тематическим группам: 1) люди («Девушка пела в церковном хоре...» А. Блок (452) и др.), 2) духовная и психофизиологическая сущность человека («И голос важный, голос благосклонный // Запел вверху, как тонкая струна» А. Блок (451) и др.), 3) мифические существа («В державном граните, в палящем алмазе // Поют Алконосты и дум голоса» Н. Клюев (486) и др.), 4) абстракции («То для меня мечта поет...» А. Блок (446) и др.), 5) представители животного мира («И птицы, блаженствуя, пели...» И. Северянин (493)), 6) реалии природного мира («Поет облетающий лес // Нам голосом старого барда» А. Белый (463) и др.), 7) все, созданное человеком («И каждый из мрака смотрел и слушал, // Как белое платье пело в луче...» А. Блок (452) и др.), 8) времена года («Идет весна, поет весна...» И. Северянин (494) и др.) и др.

Глагол *петь* (и его дериваты) приобретают в поэтических текстах рассматриваемого периода большое количество семантических компонентов, позволяющих им становиться составляющими других семантических полей: 1) сему ‘интеллектуальная деятельность’ («И пели с ветром о весне...» А. Блок (446) и др.), 2) сему ‘передача информации’ («Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» А. Блок (449) и др.), 3) сему ‘направление’ («Поет мне Сирин издалеча...» Н. Клюев (485) и др.), 4) сему ‘проникновение’ («Так пела с детских лет // Шарманка в низкое окно...» А. Блок (452) и др.), 5) сему ‘воспевание’ («Тебя пою, о, да!..» А. Блок (448) и др.), 6) семы ‘направление’ и ‘эмоциональное отношение к объекту’ («С высокой башни колокольной, // Призывный заменяя звон, // Часы поют над жизнью дальней...» В. Брюсов (433)). Данный глагол способен иметь прямое дополнение («Песенки пою» А. Белый (469) и др.) и актуализировать различные

семы при его наличии: 1) сему ‘передача информации’ («*В лунном свете с мандолиной // Он поет в своем окне // Песню страсти лебединой // Коломбине и луне*» М. Волошин (441) и др.), 2) сему ‘направление’ («*А там, далеко, из-за чащи лесной // Какую-то песню поют*» А. Блок (444)).

Учитывая, что рассматриваемый концепт является, с одной стороны, художественным, а с другой стороны, эмоциональным концептом, можно констатировать, что он взаимодействует с концептами «эмоции» и «чувства». Это взаимодействие проявляется в следующих ситуациях: 1) когда субъектами при глаголах выражения эмоций и чувств и глаголах, передающих эмоциональное состояние без каких-либо внешних проявлений, становятся названия музыкальных инструментов и их частей («*Зачем же в ясный час торжеств // Ты злишься, мой смычок визгливый...*» А. Блок (455), «*Скрипка стонет под горой*» А. Блок (451) и др.), 2) когда субъектом при глаголе *томиться* является имя существительное *Музыка* («*Где Музыка в струнном шатре // Томится печалью блаженной...*» Н. Клюев (484)), 3) когда имена существительные с эмоциональной семантикой сочетаются с глаголами музыкальной деятельности в качестве субъектов («*Скрипки стон неутомимый // Напевает мне: “Живи...”*» А. Блок (451), «*И звенела и пела отравно // Несказанная радость твоя*» А. Ахматова (499)), 4) когда глаголы и глагольные формы, обозначающие выражение эмоций и чувств и музыкальную деятельность, употребляются в одном контексте («*А в сердце, замирая, пел // Далекий голос песнь рассвета*» А. Блок (443), «*Не соловей – то скрипка пела, // Когда ж оборвалась струна, // Кругом рыдала и звенела, // Как в вешней роще, тишина...*» А. Блок (459), «*Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам...*» Н. Гумилев (489) и др.), 5) когда имена существительные с эмоциональной и музыкальной семантикой используются в единых контекстуальных условиях («*Всё безжалостней жалобы скрипки...*» В. Брюсов (436), «*В вихре рыданий и стонов // Слышится песенка вечная*» М. Волошин (438), «*И чуть слышен вздох органа...*» М. Волошин (440) и др.). Перечисленными способами, безусловно, не исчерпываются все ситуации, в которых происходит взаимодействие концептов «музыка» и «эмоции», «чувства». Этот процесс осуществляется как на вербальном, так и на концептуальном уровнях. А. Блок в своем поэтическом мире создает образ струн внутри лирического героя: «*Робко, темно и глубоко // Плакали струны мои*» (447) и показывает безграничность его души: «*Моря души – просторны и безбрежны, // Погибнет песнь, в безбрежность удалясь*» (449). Музыку он характеризует эпитетом *священная*: «*Я никогда не понимал // Искусства музыки священной...*» (446). Поэт выделяет в музыке мечту, волнения души, красоту, способность возвращать прошлое: «*Я полюбил в ней ту мечту // И те души моей волненья, // Что всю былую красоту // Волной приносят из забвенья. // Под звуки прошлое встает // И близким кажется и ясным...*» (446). Музыка у него связана с нереальным миром: «*Протяжный голос свой послав // В отчизну скрипок запредельных*» (456); с песней без конца он сопоставляет прекрасный женский образ: «*Ты песнью без конца растаяла в снегах...*»

(448). Песни России А. Блок сравнивает со слезами: «*Россия, нищая Россия, // Мне избы серые твои, // Твои мне песни ветровые – // Как слезы первые любви!*» (454). Со слезой песня ассоциируется и у А. Ахматовой: [песня] «*А после в сердце упадет // Одной слезой соленой*» (501). Семы ‘тоска’, ‘грусть’ выделяются в образе песни у А. Блока («*Когда звенит тоской острожной // Глухая песня ямишка!..*» (454)) и С. Есенина («*Оловом светится лужная голь... // Грустная песня, ты – русская боль*» (521)). Звучание бубенца вызывает в поэтических произведениях С. Есенина как отрицательные, так и с положительные эмоции: «*В темной роще, по поляне, // Плачет смехом бубенец*» (522). Н. Клюев употребляет слово *песня-дума*, подчеркивая интеллектуальную составляющую песни: «*Не прервут куранты крепостные // Песню-думу боем роковым...*» (476). Олицетворяя музыкальный инструмент, поэт показывает очень интенсивное выражение эмоций и чувств: «*Захлебнулась тальянка горючею мглой, // Голосит, как в поминок семья по родной...*» (483), глубину душевного восприятия музыки: «*Как стерлядь в прибое, так в музыке Глинки // Ныряет душа с незапамятных пор*» (486). И. Северянин солнце сравнивает с музыкой: «*И солнце похоже на музыку*» (496). Возможности поэта в воспевании чего-либо, по его мнению, очень велики: «*Поет восторженно поэт // Весну, любовь, и жизнь, и свет, // Живительные грэзы, // И то поет, чего и нет!..*» (494-495). О. Мандельштам показывает ограниченность способностей музыки в своем «возможном мире»: «*И вся моя душа – в колоколах, // Но музыка от бездны не спасет!*» (510). Он пишет о высоком мастерстве певца: «*И, если подлинно поется // И полной грудью, наконец, // Всё исчезает – остается // Пространство, звезды и певец!*» (512).

Звуковая палитра рассматриваемого периода времени исключительно разнообразна: 1) звон и гудение («*Пусть ударят неумело: // В чистой меди том же звон! // И над нами загудела // Песнь торжественных времен*» В. Брюсов (435) и др.), 2) вальс («*Этот вальс, этот зов, эти звуки – // Возвращает и годы и дни*» В. Брюсов (435)), 3) механическое звучание поезда («*Песенкой этой всё в жизни кончается, // Ею же новое вновь начинается, // И бесконечно звучит и стучит это: // Ты-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...*» М. Волошин (438)), 4) звук оркестра («*Лязг оркестра; свист и стук*» М. Волошин (440) и др.), 5) звучные песни («*Ветер принес издалёка // Звучные песни твои*» А. Блок (447)), 6) цыганский напев («*Визг цыганского напева // Налетел из дальних зал...*» А. Блок (455)), 7) звучание скрипок («*Дальних скрипок вопль туманный...*» А. Блок (455) и др.), 8) пение («*И, садясь, запевали Варяга одни, // А другие – не в лад – Ермака...*» А. Блок (459) и др.), 9) звук органа («*Где-то там рыдает звуком, // Где-то там – орган*» А. Белый (470) и др.), 10) звон в душе («*Твоих зеленых волн прибой тысячеустный // Под сводами души рождает смутный звон...*» Н. Клюев (477)), 11) звучание тальянки («*Медным плачем будя тишину, // Насулила тальянка войну*» Н. Клюев (483)), 12) напев тишины («*Среди немолчного напева // Глубокой тишины лесной...*» О. Мандельштам (509)),

13) колокольный звон («*Но выше вас, цари: колокола. // Пока они гремят из синевы – // Неоспоримо первенство Москвы*» М. Цветаева (513)) и др.

Создавая образ музыки, русские поэты первой половины XX века используют тропы: метафоры («*И буйной музыки волна // Плеснула в море заревое*» А. Блок (455) и др.), метафору и метонимию («*Неужели же ты не измучен // Смутной песней затравленных струн, – // Тех, что прежде, тугие, звенели, // А теперь только стонут слегка...*» А. Ахматова (500) и др.), сравнения («*Усыпленные жизнию струны // Напряженной, как арфа, души*» А. Блок (458) и др.) и др.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложности и полисемантичности концепта «музыка» в русской поэзии первой половины XX века. Г. Орлов указывал: «То обстоятельство, что музыка оживает только через звук и воспринимается слухом, отнюдь не означает, что музыкальный опыт сводим к слуховому. Напротив, этот опыт универсален, потому что он вовлекает всего человека и “говорит” на языках всех сфер его чувственного восприятия, ума, души и духа» (Орлов 2005, с. 15). Образ музыки, отраженный в русской поэзии обозначенного периода, подтверждает данное мнение и ярко демонстрирует универсальность соответствующего концепта и его связь со всеми сферами духовной и психофизиологической организации человека.

Люблю я вас, богини пенья...: Антология; сост. Г. Красухин. – М.: Музыка, 1989. – 544 с.

Орлов, Г. Древо музыки / Г. Орлов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2005. – 440 с.

Федоров, В.В. О природе поэтической реальности: монография / В.В. Федоров. – М.: Советский писатель, 1984. – 184 с.

Т.В. Михайлова

Фразеологическая и паремиологическая объективация концепта «катастрофа» в русском языке

Фразеологическая и паремиологическая объективация концепта – важные источники сведений о содержании концепта. Одни концепты имеют огромную фразеологическую и паремиологическую объективацию в русском языке – например, *бог, враг, друг, язык, смех* и др. Другие концепты, особенно сравнительно новые, еще не «обросли» фразеологической объективацией. Поиск фразеологических единиц и паремий с ключевыми словами – номинациями того или иного концепта – показывает, насколько концепт освоен языковым сознанием народа. Рассмотрим эту проблему на примере концепта *катастрофа* в русском языковом сознании.

При исследовании фразеологии не было выявлено фразеологических единиц со словом *катастрофа*, что вполне объяснимо – данное слово

сравнительно новое в русском языке. Была сделана попытка поиска фразеологических единиц с лексемами синонимического ряда слова *катастрофа*. Таковыми оказались: *несчастье, бедствие, беда, горе*.

Самым ранним источником, упоминающим о катастрофе как всеобъемлющем *бедствии*, является Библия (от Матфея 21, 5-38), где для объективации исследуемого концепта используется как лексема *бедствие*, так и лексемы, раскрывающие отдельные признаки катастрофы: «...придут дни, в которые... все будет *разрушено*..., но не тотчас конец, ...Восстанет народ на народ, царство на царство; будут землетрясения, и глады, и моры, и *ужасные явления*, ...некоторых из вас *умертвят*. *Горе же* беременным...; ибо великое будет *бедствие* на земле.... и море восшумит и возмутится; люди будут изыхать от страха и ожидания *бедствий*, ...итак бодрствуйте..., да сподобитесь избежать всех сих будущих *бедствий* и предстать перед Сыном Человеческого (Иоффе 2000, с. 92-93). В данной выдержке речь идёт о катастрофе – *бедствии*, объективируются такие когнитивные признаки катастрофы как: *разрушение, ужас, голод, война, страх, смерть, горе*.

Выявлены фразеологизмы с лексическими компонентами *беда* и *горе*.

БЕДА СКОЛЬКО – (прост. экспрес.) Непомерно много, очень много.

ПО КОМ БЕДА НЕ ХОДИЛА – (обл. экспрес.) Кто не испытал нужду, горести и т.п. *День дню рознь; пивал пьяно, да ел сладко, а теперь... по ком беда не ходила* (Григорович. Антон-Горемыка).

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА – (разг.) может быть длительной.

БЕДА КАК – страшно, ужас.

ДОЛГО ЛИ ДО БЕДЫ – внезапность.

В данных фразеологизмах объективируются когнитивные признаки рассматриваемого концепта: *массовость, неизбежность, интенсивность, внезапность*.

(ГОРЕ) **ГОРЕВАТЬ** – (разг. экспрес.) Страдать. *Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали?* (М. Горький. Макар Чудра).

ОТ ГОРЯ НЕ УЙДЁШЬ – (разг.) неизбежность.

В данных фразеологических единицах объективируются когнитивные признаки *страдание, неизбежность*.

Выявлена была также фразеологическая единица *Египетская казнь*, повествующая «о тяжёлом, невыносимом положении, о несчастьях, постигших кого-либо (из библейского предания о бедствиях, постигших Египет за отказ фараонов отпустить евреев из плена). В данном выражении актуализируются когнитивные признаки *несчастье, бедствие, страдание*.

Среди устойчивых словосочетаний было выявлено выражение «терпеть катастрофу», что указывает на такой когнитивный признак, как «*её можно пережить*».

Анализ паремий (пословиц и поговорок) не позволил выявить ни одного примера с ключевым словом концепта, но были выявлены паремии со словами *горе, несчастье и беда*.

Беда исполошила, совсем повалила.

Не думал, не гадал, как в беду попал.

*Беда (горе) семерых задавила.
Беда никогда не приходит одна.
Горе, что стрела, разит.
Всегда жди беды от большой воды.
Огонь беда, и вода беда; а без огня и воды – и пуще беды.
Жди горя с моря, беды от воды.*

Актуализируются когнитивные признаки *сильное негативное воздействие на человека, внезапность, интенсивность проявления, множественность негативных событий, причиняет боль, случается на воде*.

Таким образом, и анализ фразеологии, и анализ паремий может помочь в выявлении когнитивных признаков, образующих содержание исследуемого концепта. Отсутствие фразеологических единиц или паремий с ключевым словом концепта еще не говорит о том, что у этого концепта отсутствует фразеологическая и паремиологическая объективации вообще – она может быть выявлена через фразеологию и паремии с лексемами, синонимичными ключевому слову.

Даль, В. Пословицы русского народа: в 2-х томах / В. Даль. – М.: Художественная книга, 1989.

Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986.

Иоффе, Г.А. Словарь библейских слов и крылатых выражений / Г.А. Иоффе. – СПб., 2000.

Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Русский язык, 1986.

Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М. Советская энциклопедия, 1967.

Регинина, Н.В. Устойчивые словосочетания русского языка / Н.В. Регинина, Г.П. Тюрина. – М.: Русский язык, 1978.

Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М.: Наука, 2004.

Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка (примеры из художественной литературы и публицистики XVIII – XX в.) / А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2001.

Фелицына, В.П. Русский фразеологический словарь / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.

С.В. Полубоярин

Репрезентативность ассоциативного эксперимента (на примере ономастического концепта *Петр I*)

Одним из наиболее эффективных методов анализа ономастических концептов (концептов, вербализованных собственными именами) представляется их изучение посредством психолингвистического эксперимента. Экспериментальные методики могут быть использованы непосредственно для

анализа содержания концепта и выделения образующих его когнитивных признаков.

Свободный и направленный ассоциативные эксперименты в равной степени позволяют выделить многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает ответ испытуемых на предъявленный стимул любым словом или сочетанием слов; направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ, ограниченный определенными условиями, – например, определенной частью речи, определенной конструкцией и т.д.

Методы психолингвистического эксперимента дают необходимые результаты для обнаружения семантических признаков концепта, которые другими методиками могут быть оставлены без внимания. Интерпретация полученных результатов позволяет построить модель соответствующего концепта, выделить его компоненты и уровни.

«Экспериментальные методики позволяют получить богатую информацию о восприятии и интерпретации исследуемого концепта когнитивным сознанием. Полученные результаты обобщаются, и исследователь получает набор когнитивных признаков, упорядоченных по яркости в сознании носителей языка» (Попова 2007, с. 130-131).

Результаты экспериментальных методик дают интересную информацию о наличии гендерной, возрастной, профессиональной специфики в понимании значений лексем, объективирующих концепты в языке.

Репрезентативность экспериментальных методик уже становилась предметом изучения некоторых исследователей. Так, например, Г.А. Черкасова провела квантитативные исследования ассоциативных словарей, в ходе которых сделала выводы о том, что увеличение количества респондентов, принимающих участие в эксперименте, на 100 человек, увеличивает число разных реакций в среднем на 36%; реакции ассоциативных полей можно разделить на «постоянные» (их не более 10), которые имеют относительную частоту встречаемости более 5%, и «вероятностные»; при увеличении объема опроса частота встречаемости «постоянных» реакций стабилизируется (Черкасова 2005, с. 243).

Нами была выдвинута гипотеза о том, что «вероятностные» реакции, возникающие при увеличении количества респондентов, занимают в структуре концепта периферийное положение, в то время как «постоянные» (отражающие признаки концептуализируемого объекта, известные большинству членов языкового коллектива) находятся в ядре концепта.

С целью верификации данной гипотезы на примере ономастического концепта *Петр I* нами был проведен комплекс экспериментальных исследований, который состоял из свободного ассоциативного эксперимента и двух направленных ассоциативных экспериментов на завершение фразы «Пётр I какой?» и «Пётр I что делал?». Исследование проводилось в г. Воронеже в 2008-2009 гг. в три этапа, в каждом из которых приняло участие в среднем 50 респондентов (мужчин и женщин в возрасте от 14 до 78 лет).

Результаты исследования представлены в таблице:

Когнитивный признак*	Этап исследования (индекс яркости** когнитивного признака на данном этапе)			Общий индекс яркости когнитивного признака
	I этап	II этап	III этап	
<i>Основал в России флот</i>	0,14	0,16	0,18	0,16
<i>Был царем</i>	0,1	0,12	0,08	0,11
<i>Великий</i>	0,18	0,11	0,1	0,09
<i>Наладил отношения с Европейскими странами</i>	0,08	0,08	0,1	0,09
<i>Проводил реформы</i>	0,08	0,09	0,06	0,08
<i>Высокий</i>	0,04	0,02	0,05	0,05
<i>Первый российский император</i>	0,05	0,01	0,09	0,05
<i>Основал Санкт-Петербург</i>	0,04	0,03	0,05	0,04
<i>Вел завоевательную политику</i>	0,01	0,05	0,03	0,03
<i>Осуществлял прогрессивные преобразования</i>	0,05	0,03	0	0,03
<i>Умный</i>	0,01	0,04	0,04	0,03
<i>Большой</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Важный</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Величайший</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Величественный</i>	0,01	0,01	0	0,01
<i>Властный</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Возродил Россию</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Волевой</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Грубый</i>	0,01	0,01	0	0,01
<i>Дальновидный</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Деятельный</i>	0,01	0,01	0	0,01
<i>Добрый</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Жесткий</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Жестокий</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Заставил бояр брить бороды</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Красивый</i>	0	0,01	0,01	0,01
<i>Крушил</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Могучий</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Мудрый</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Мужественный</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Неординарный</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Носил бороду и усы</i>	0	0,01	0,01	0,01
<i>Обалденный</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Ответственный</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Петру I установлены памятники</i>	0,01	0,03	0	0,01
<i>Продвинутый</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Прославил Россию</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Развивал образование в России</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Расширил границы России</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Решительный</i>	0,01	0,02	0,01	0,01

<i>Сильный</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Справедливый</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Строгий</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Суровый</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Твердый</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Трудолюбивый</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Тупой</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Умер в 1725 году</i>	0	0,01	0,03	0,01
<i>Учредил Адмиралтейство</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Ходит</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Хороший</i>	0,01	0	0	0,01
<i>Целеустремленный</i>	0	0,01	0	0,01
<i>Человек</i>	0	0	0,01	0,01
<i>Черноволосый</i>	0,01	0	0	0,01

* когнитивный признак – это «отдельный признак объекта, осознанный сознанием человека и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» (Попова, Стернин 2007, с. 88-89);

** индекс яркости – «отношение числа испытуемых, актуализировавших компоненты данного признака в эксперименте, к общему числу испытуемых» (Попова, Стернин 2007, с. 120).

На основе полученных экспериментальных данных нами была построена полевая модель концепта *Петр I*:

ядро концепта представлено когнитивным признаком, имеющим максимальный индекс яркости: *основал флот в России 0,16*;

ближняя периферия представлена признаками *был царем 0,11, великий, наладил отношения с европейскими странами 0,09; проводил реформы 0,08*;

дальнюю периферию образуют когнитивные признаки *высокий, первый российский император 0,05, основал Санкт-Петербург 0,04, вел завоевательную политику, осуществлял прогрессивные преобразования, умный 0,03*;

крайняя периферия сформирована когнитивными признаками, имеющими индекс яркости 0,01: *большой, важный, величайший, величественный, властный, возродил Россию, волевой, грубый, дальновидный, деятельный, добрый, жесткий, жестокий, заставил бояр брить бороды, красивый, крушил, могучий, мудрый, мужественный, неординарный, носил бороду и усы, обалденный, ответственный, Петру I установлены памятники, продвинутый, прославил Россию, развивал образование в России, расширил границы России, решительный, сильный, справедливый, строгий, суровый, твердый, трудолюбивый, тупой, умер в 1725 году, учредил Адмиралтейство, ходит, хороший, целеустремленный, черноволосый, человек*.

Таким образом, ядро и дальнюю периферию концепта составляют «постоянные» когнитивные признаки, которые имеют приблизительно одинаковый индекс яркости на всех этапах исследования. Эти признаки дают информацию о референте концепта, которая известна большинству ре-

спондентов. «Вероятностные» же признаки, имеющие небольшой индекс яркости и выявленные лишь на одном из этапов исследования, занимают крайнее периферийное положение и сообщают о концептуализируемом объекте второстепенную информацию.

Итак, мы считаем, что наша гипотеза о том, что «вероятностные» реакции, появляющиеся при увеличении количества респондентов, занимают в структуре концепта периферийное положение, в то время как «постоянные» (отражающие признаки концептуализируемого объекта, известные большинству членов языкового коллектива) находятся в ядре концепта, подтвердилась.

Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007.

Черкасова, Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей / Г.А. Черкасова // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. – Калуга, 2005. – С. 227-244.

И.А. Стернин, Е.О. Атланова

Социальные и субъективные концепты

Типология концептов в современной когнитивной лингвистике разнообразна и многопланова. Остановимся на важном подразделении концептов на социальные и субъективные.

Социальные – это концепты, содержание которых в значительной степени определено социумом и в более или менее единообразном виде существует в сознании всех или большинства носителей данной лингвокультуры.

Субъективные концепты – это концепты, содержание которых преимущественно образовано индивидуальными когнитивными признаками, присущими сознанию отдельных субъектов; единообразие содержания концепта невелико.

Подчеркнем, что во всех концептах есть как социально-закрепленные, так и индивидуальные, субъективные признаки, но их соотношение весьма различно, что и позволяет нам противопоставить социальные концепты, в которых доминируют «социально утвержденные», «согласованные» социумом признаки, и субъективные, в которых доминируют индивидуальные признаки, различающиеся в сознании отдельных субъектов-носителей языка.

Субъективный концепт отличается от индивидуального – первый есть в сознании всех носителей языка, последний – только в сознании одного человека (ср. Зурбаган у А. Грина, *непротивление* у Л. Толстого, Зарату-

стра у Ницше), клененочек, гиперболоид, индивидуально-авторские термины.

Социальный концепт можно было бы назвать объективным по характеру его содержания, но этот термин представляется неудачным, так как в любом концепте есть субъективные компоненты. Дело в доминировании, то есть существенном преобладании тех или иных признаков – социально-согласованных или субъективных. Термин социальный указывает на общественную обработку концепта, его представленность в сознании определенной социальной группы (которой может быть нация или ее часть – профессиональная, возрастная, гендерная, территориальная общность носителей языка и др.). Так что термин социальный представляется нам применительно к классификации концептов более точным (ср. Атланова 2009).

В качестве примеров социального и субъективного концепта противопоставим концепт ВОЛГА и концепт СЧАСТЬЕ.

Было проведено три эксперимента: свободный ассоциативный эксперимент (20 ИИ); направленный ассоциативный эксперимент 1 (завершить фразу X – это..., 20 ИИ); направленный ассоциативный эксперимент 2 (X – какой: 1....2...3...; 20 ИИ).

Всего в эксперименте приняло участие 60 человек (стимул ВОЛГА) и 60 человек (стимул СЧАСТЬЕ). Испытуемыми выступали жители Ярославля 18-50 лет, разного уровня образования и разной профессии. Примерно 40% ИИ составили мужчины, 60% – женщины.

Результаты экспериментов по каждому концепту обрабатывались отдельно, сходные реакции объединялись, а их частота суммировалась. Затем формулировались когнитивные признаки, образующие содержание каждого концепта (использовался метод когнитивной интерпретации: Попова, Стернин 2007) и вычислялся индекс яркости каждого выявленного признака как отношение частоты актуализации признака в эксперименте к числу ИИ.

На последнем этапе обработки данных результаты всех трех экспериментов суммировались и ранжировались по индексу яркости.

В результате когнитивной интерпретации и обобщения результатов трех экспериментов была получена следующая модель содержания и структуры исследуемых концептов.

ВОЛГА

Ядро

река 0,53

Ближняя периферия

широкая, большая 0,15
длинная, русская 0,12
глубокая 0,10

Дальняя периферия

в честь ее названа машина 0,06
могучая 0,05
голубая, красивая, величественная 0,03

Крайняя периферия

холодная вода, темная вода, пресная вода, грязная вода, полноводная, с высокими берегами, быстрая, моя родная река, известная река, древняя, есть песня Зыкиной о ней, похожа на реку Руфу, «Волга» – классическая машина, плохая машина 0,02.

В эксперименте выявлены когнитивные признаки концепта АВТОМОБИЛЬ, которые далее нами не рассматриваются: «Волга» – классическая машина, плохая машина.

Признак же *В честь ее названа машина* отражает концептуализацию Волги как реки, поэтому он не исключается из содержания исследуемого концепта ВОЛГА.

СЧАСТЬЕ

Ядро

радость 0,29
должно быть полным, большим 0,22
вызывает чувство радости 0,18

Ближняя периферия

это любовь 0,10
оно личное, у каждого свое 0,10
это семья 0,09
трудно достичь 0,08

Дальняя периферия

нужно всем 0,05
должно быть в повседневной жизни 0,04
недолго длится, это взаимопонимание людей 0,03

Крайняя периферия

это принадлежать к высшему свету, это семья и любовь для женщины, проявляется в дружбе, это деньги, это карьера, это когда все хорошо, его легко достичь, это беззаботность для ребенка, это быть ярким и привлекательным, его долго ждать, это уверенность в жизни, должно быть подлинным, настоящим 0,02.

Не интерпретирована реакция лодка, которую дал испытуемый-священнослужитель.

Сопоставим признаки социального и субъективного концептов:

Социальный концепт	Субъективный концепт
ВОЛГА	СЧАСТЬЕ
	Ядро
река 0,53	радость 0,29 должно быть полным, большим 0,22 вызывает чувство радости 0,18
	Ближняя периферия
широкая, 0,15	это любовь 0,10
большая 0,15	оно личное у каждого свое 0,10
длинная 0,12	это семья 0,09
русская 0,12	трудно достичь 0,08
глубокая 0,10	
	Дальняя периферия
в честь ее названа машина 0,06	нужно всем 0,05
могучая 0,05	должно быть в повседневной жизни 0,04
голубая 0,03	недолго длится 0,03
красивая 0,03	это взаимопонимание людей 0,03
величественная 0,03	
	Крайняя периферия
холодная вода 0,02	это принадлежать к высшему свету, 0,02
темная вода 0,02	это семья и любовь для женщины 0,02
пресная вода 0,02	проявляется в дружбе 0,02
грязная вода 0,02	это деньги 0,02
полноводная 0,02	это карьера 0,02
с высокими берегами 0,02	это когда все хорошо 0,02
быстрая 0,02	его легко достичь 0,02
моя родная река 0,02	это беззаботность для ребенка 0,02
известная река 0,02	это быть ярким и привлекательным 0,02
древняя 0,02	его долго ждать 0,02
есть песня Зыкиной о ней 0,02	это уверенность в жизни 0,02
похожа на реку Руфу 0,02	должно быть подлинным, настоящим 0,02

Таким образом, для социального концепта характерно более яркое и не-большое ядро, для субъективного концепта – менее яркое и более распространенное, размытое ядро.

В социальном концепте больше конкретных когнитивных признаков, в субъективном – больше абстрактных.

В субъективном концепте больше оценочных когнитивных признаков, чем в социальном, и есть противоречивые оценки.

Был также использован метод письменной рефлексии (метод минисочинений). Он показал свою применимость и для анализа социального концепта ВОЛГА, и для анализа субъективного концепта СЧАСТЬЕ.

Приведем пример минисочинений по исследуемым концептам и их когнитивную интерпретацию.

ВОЛГА

Что я думаю о Волге

Волга – величайшая река России. Ее необъятные просторы радуют нас. Потребуется немалое количество времени, чтобы пройти путь от недр

до завершения такой просторной реки. Ее глубина и величие всегда будут поражать наше воображение.

Также термин «Волга» используется в нашей терминологии как название марки отечественной машины, пользующейся ранее немалой популярностью. В наше время спрос на такой товар значительно упал, так что нет смысла продолжать мое повествование...

Вадим, 21 г.

Выделенные когнитивные признаки:

*река
русская
великая
необъятная
радует нас
просторная
глубокая
великая
поражает воображение
в ее честь назвали машину
машина популярная
спрос на машину упал*

СЧАСТЬЕ

Что я думаю о счастье

Что я думаю о счастье? Думать о нем не так приятно, как его испытывать. А лично для меня счастье – это уметь дарить людям радость. Умение «рисовать» (то есть пробуждать) улыбки на наших лицах – это главный талант человека, который я смело могу назвать самым главным счастьем! Семья, карьера, богатство, этот список можно продолжать бесконечно, так как понятие «счастье» различно для каждого человека, но суть остается одна – «быть счастливым всегда»...

Выделенные когнитивные признаки:

*приятно испытывать
думать о нем не очень приятно
это умение дарить людям радость
умение пробуждать улыбку людей
принести счастье – это талант
иметь талант дарить счастье – это счастье
это богатство
это карьера
признаки счастья бесконечны
счастье разные люди понимают по-разному
люди хотят быть счастливыми всегда*

Метод письменной рефлексии в целом подтвердил результаты ассоциативных исследований и выявил те же самые различия между социальным и субъективным концептом.

Таким образом, экспериментальные методы – наилучшие для анализа концептов, особенно субъективных, которые другими методами описать практически невозможно.

Может быть предложена типология концептов по степени известности носителям языка и по типу отражённого в концепте опыта; это существенно разные основания классификации концептов (Атланова 2009, с. 7-8):

Типология концептов по степени известности носителям языка

Национальные концепты	Групповые концепты	Индивидуальные концепты
известны всему народу, их знают все говорящие люди	известны отдельной группе носителей языка (возрастной, гендерной, профессиональной, территориальной, социальной)	создан отдельной личностью и известен только этой личности на момент создания
отец, мать, голова, работать, рука, школа, отдых	карбюратор, парадигма, материнская плата, андронный коллайдер	Зурбаган (А. Грин), гиперболоид (А. Толстой), авторские термины

Типология концептов по типу отраженного в концепте опыта

Социальные концепты	Субъективные концепты
в них концептуализирован преимущественно общественный опыт народа или группы, высокая согласованность реакций ИИ	в них концептуализирован преимущественно личный опыт индивида, отражают индивидуальное восприятие предмета концептуализации отдельной личностью, низкая согласованность реакций ИИ, большое число индивидуальных реакций ИИ
отражают сходное восприятие предмета концептуализации народом или группой Например: <i>мама, работать, рука, читать, голова</i>	их содержание сформировано конкретным индивидом Например: <i>новое слово, плохое слово, счастье, любовь порядок</i>

В социальных концептах преобладают (доминируют по количеству и яркости) когнитивные признаки, отражающие общественный и групповой опыт, в субъективных доминирует личный опыт носителя языка.

Диагностическими признаками субъективного концепта являются: преобладание субъективных признаков, наличие ярких оценочных признаков, входящих в ядро концепта, полярная оценочность, большой оценочный слой, преобладание идентификационной зоны в концепте, которая отражает преимущественно личный когнитивный опыт носителя языка, их вхождение в ядро и во все зоны периферии, отсутствие выраженных гендерных и возрастных особенностей содержания и зависимость преимущественно от опыта, получаемого в рамках доминирующего рода деятельности носителя языка.

Четких границ между типами концептов нет (как нет, например, четких границ между абстрактными и конкретными значениями), поскольку это ментальные единицы и во всех концептах есть когнитивные признаки всех типов, но по доминирующему типу концептуализируемого опыта и степени известности носителям языка они принципиально различаются.

Атланова, Е.О. Субъективный концепт как предмет лингвокогнитивного исследования (экспериментальное исследование): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.О. Атланова. – Воронеж, 2009. – 21 с.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 342 с.

О.А. Сычева

Концепт *убеждать* в англоязычном языковом сознании

Предметом нашего исследования является концепт *убеждать* в русском и англоязычном языковом сознании.

Нами было проведено экспериментальное исследование концепта *убеждать* в русском языковом сознании методом направленного ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 200 человек – из них 110 женщин и 90 мужчин в возрасте от 16 до 75 лет. Эксперимент проводился в письменной форме, время его проведения не ограничивалось. Он состоял из двух этапов. На первом этапе испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, любые синонимы к слову *убеждать*. Просим назвать не менее 5 слов». В результате от испытуемых было получено 615 реакций. 12 человек отказались участвовать в эксперименте. На втором этапе направленного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось завершить фразу «Убеждение – это...». Было получено 230 реакций. Отказов – 14.

Следует отметить, что эксперимент не вызвал трудностей у испытуемых. Его результаты были обработаны методом когнитивной интерпретации, что позволило представить полевую структуру исследуемого концепта.

В русском языковом сознании данный концепт представлен глаголом *убеждать*. В англоязычном языковом сознании данный концепт представлен рядом глаголов, основными из которых являются *convince* и *persuade*. Для того чтобы выяснить, который из этих глаголов является переводным соответствием глагола *убеждать*, был проведен эксперимент методом субъективной дефиниции. В нем приняли участие 6 человек в возрасте от 20 до 63 лет, американцы и англичане, временно пребывающие в городе Воронеже. Опрос проводился в письменной форме. Испытуемым предлагалось завершить фразы «*Convince means...*» (*Convince* значит...) и «*Persuade means...*» (*Persuade* значит...)

Были получены следующие результаты:

«*Convince means...*» (*Convince* значит...)

to bring arguments (Sam, 20, USA) – приводить доводы;

to get to believe, to bring argument you have on your mind (Sandra, 21, USA)

– заставить поверить, привести свои собственные доводы;

to get to believe, to get to understand (Susan, 24, USA) – заставить поверить, заставить понять;

to give reasons (Kathryn, 20, USA) – назвать причины;

to get to believe (Kate, 63, GB) – заставить поверить.

«*Persuade means...*» (*Persuade* значит...)

to bring arguments (Sam, 20, USA) – приводить доводы;

to get to do, to get to believe (Sandra, 21, USA) – заставить сделать, заставить поверить;

to make to believe (Susan, 24, USA) – заставить поверить;

to give arguments (Kathryn, 20, USA) – приводить доводы;

to get to act (Kate, 63, GB) – побуждать к действию.

Результаты данного эксперимента не продемонстрировали четкой разницы в значении данных глаголов. Очевидно, поставленный вопрос не стимулировал выявление этой разницы. Мы решили изменить вопрос эксперимента. Было предложено следующее: “What’s the difference between “to convince” and “to persuade”?» («В чем разница между глаголами “to convince” и “to persuade”?») Получив новые вопросы, испытуемые задумались. Они не сразу нашли ответы. Следует отметить, что испытуемым потребовалось больше времени, чтобы ответить на этот вопрос, по сравнению с предыдущим заданием.

Было получено следующее.

I think that native English speakers or at least the ones that speak American English, use persuade and convince like they mean the same thing most of the time. They both mean that you are trying to bring someone to share your point of view. (Sam, 20, USA) – Я думаю, что носители языка или, по крайней мере, те, кто говорит на Американском варианте английского языка, ис-

пользуют *persuade* и *convince*, подразумевая одно и то же значение. Оба этих глагола означают «попытаться убедить человека разделить Вашу точку зрения».

Convince is the word that you'd be more likely to use if you are talking about the argument or situation appealing to someone's mind or reason. *Persuade* is the word that you'd be more likely to use when describing something that appeals to a person's heart or emotion. (Sandra, 21, USA) – Слово *convince* используется, когда Вы приводите аргументы, называете причины или говорите о ситуации, призывая (обращаясь) к разуму слушающего. Слово *persuade* используется, когда Вы хотите воздействовать на эмоции или хотите обратиться к сердцу человека.

Convincing usually has more to do with logic. *Persuasion* usually has more to do with feelings. (Susan, 24, USA) – *Convince* имеет отношение к логике. *Persuade* имеет отношение к чувствам.

I think CONVINCING someone is about using more of a logical argument while PERSUADING someone, appeals to more than reason, like emotion, peer pressure, values, etc... (Kathryn, 20 USA) – Я думаю, *convince* значит использовать логические аргументы, а *persuade* значит обращаться к эмоциям, давить, влиять, подчеркивать важность, полезность и т.д.

If you want to persuade, you have to convince. (Kate, 63, GB) – Если Вы хотите *persuade*, Вы должны *convince*.

Результаты эксперимента позволяют сделать следующий вывод:

1. Глагол «*convince*» используется при убеждении, при котором говорящий апеллирует к логике и разуму.

2. Глагол «*persuade*» используется при убеждении, при котором говорящий апеллирует к эмоциям.

3. Оба глагола означают «убеждать».

Т.В. Тимошина

Индивидуально-авторская концептосфера С. Довлатова и Д. Рубиной (концепт *деньги*)

Концепт *деньги* неоднократно исследовался отечественными лингвистами (Н.Э. Агарковой из Иркутска, И.А. Майоренко из Краснодара, Л.И. Федягиной из Кемерово) в сопоставлении с английским, французским и другими европейскими языками. При этом на материале индивидуальной художественной концептосферы исследований до настоящего времени нет.

Нашей задачей является описание концепта *деньги* в индивидуальной художественной концептосфере С. Довлатова и Д. Рубиной в сопоставлении с содержанием этого концепта в национальной концептосфере. Таким образом, мы ставим задачу выявить специфику индивидуально-авторского

концепта в творчестве писателей относительно друг друга и относительно концептосферы в целом.

Материалом исследования индивидуальных концептов явились художественные и публицистические тексты С. Довлатова и Д. Рубиной; для описания концепта *деньги* в национальной концептосфере использовались данные толковых и энциклопедических словарей, словаря синонимов, частотных и ассоциативного словарей, а также анализ фразеологизмов и паремий. По данным «Частотного словаря» С.А. Шарова, в современных художественных, газетных и научно-популярных текстах частота употреблений составляет 493, что является высоким показателем (Шаров 2002).

Концепт *деньги* представлен в русском языке целостной (холистической) номинацией (когда обозначается концепт в целом) и признаковой номинацией (когда в тексте или словаре развернуто вербализуются (называются) отдельные признаки концепта).

Концепт *деньги* в индивидуальной художественной концептосфере анализировался также на материале художественных и публицистических текстов С. Довлатова и Д. Рубиной, во многом мировоззренчески близких, что определяет сходство в содержании ряда концептов; концепт *деньги* актуализируется в текстах обоих авторов.

Приведем примеры языковых объективаций исследуемого концепта.

Чего другого, а вот одиночества хватает. Деньги, скажем, у меня быстро кончаются, одиночество – никогда... (СД 1, 85); Чего-чего, а одиночества хватает! Деньги, скажем, у меня быстро кончаются, одиночество – никогда... (СД 1, 383); А ровно через месяц на последние деньги... Джон Смит арендовал помещение диетического буфета... (СД 2, 113); ...деньги все время куда-то уходят... (СД 2, 325) – деньги быстро кончатся 4.*

Но вот появилась газета... Чистого энтузиазма оказалось мало... И собранных денег было – мало, мало, мало... (СД 1, 255); Денег не хватало. Абсурд советского производства изматывал нервы (СД 1, 395); Я набрался мужества и остановил его: «Деньги не проблема. У нас все хорошо». Впервые редактор посмотрел на меня с интересом (СД 1, 56); Платят сущие гроши. Денег почти нет (СД 2, 135) – денег всегда не хватает 4.

Отсутствие денег порождало легкую нервозность. Мы начали ссориться (СД 1, 95); Деньги были нужны. Более того – необходимы (СД 3, 68) – деньги необходимы 2.

Мокер не смущился: «Деньги это тоже не фокус. Америка буквально набита деньгами. Миллионы американцев не знают, как их потратить» (СД 1, 64); Кстати, на американских дензнаках – восемь цифр... Я думаю, все очень просто. Просто в Америке гораздо больше денег. Денег как та-ковых... (СД 1, 214) – денег много в Америке 2.

* Сноски на источники даются с указанием номера произведения в списке, приводимом после статьи. СД – Сергей Довлатов, ДР – Дина Рубина.

...он легко одолживал деньги кому попало... (СД 2, 234); **Начинающим авторам деньги одолживаются** (СД 2, 275) – **деньги можно одолживать 2.**

Что движет миром? Любовь? Идеи? Деньги? Может быть, тяготение к счастью? Или неутихающая классовая борьба? (СД 1, 161) – **деньги – движущая сила.**

Деньги – это *свобода, пространство, капризы...*(СД 3, 336) – **деньги дают свободу.**

Видимо, деньги стали эквивалентом иных, более значительных по классу ценностей. Ферментом и витамином американского прогресса (СД 1, 140) – **деньги – эквивалент американского прогресса.**

В Америке успех и слава – не одно и то же. Успех и деньги – не синонимы (СД 2, 263) – **в Америке деньги не эквивалент успеха.**

Не к деньгам стремится умный бизнесмен. Он стремится к полному, гармоническому тождеству усилий и результата. Самым доступным показателем которого является цифра... (СД 1, 104) – **деньги – главный показатель налаженного бизнеса.**

Казалось бы, жизнь дала человеку все! Славу, деньги, общественное положение... (СД 2, 176) – **деньги – важная составляющая жизненного успеха.**

Маоист долго жал нам руки, повторяя: «Америка – плохая страна! Я живу здесь только ради денег!» (СД 1, 69) – **ради денег живут в Америке эмигранты.**

Я уверен, что деньги не могут быть самоцелью. Особено здесь, в Америке (СД 1, 104) – **деньги не могут быть самоцелью.**

И главные катаклизмы, что естественно, происходят внутри, а не снаружи. И дуракам по-прежнему везет. И счастья по-прежнему не купишь за деньги (СД 1, 402) – **за деньги нельзя купить счастье.**

С юности все деньги он тратил на книги (СД 1, 394) – **все деньги можно тратить на книги.**

Самое любопытное, что в последние год-полтора, несмотря на бесповоротное, бездонное безденежье, она, похоже, стала ...находить в тех или иных вокруг картинках нечто для себя занятное (ДР 8, 138); – *А вот скажи-ка, если человек каждое утро вытаскивает из материного кошелька пять шекелей, несмотря на скандалы..., это что – клептомания?* – Нет. Это молодость и отсутствие денег (ДР 8, 311) – **деньги может не хватать 2.**

Впервые она совершенно не думала ни о деньгах, ни о счетах, ни о будущем детей. Отличное сухое вино не дурманило, а действительно согревало сердце (ДР 8, 365-366); *Старухе нужны ботинки? Нужны. Следовательно, деньги раздобыть надо. Вот и все* (ДР 7, 63) – **деньги надо добывать 2.**

Он никогда не стал бы работать, если бы хоть раз он выиграл бы стоящие деньги (ДР 8, 249); – Я выиграл крупную сумму денег, – зыбким голосом сказал на иврите Шмулик, – когда я могу их получить? ... (ДР 8, 253) – **деньги можно выиграть 2.**

Во-вторых, он не выиграл ни копейки. И слава Богу... Всю оставшуюся жизнь он бы просаживал все деньги в разнообразных лотереях, на биржах и в казино (ДР 8, 249) – деньги можно проиграть.

Она получает большую пенсию... Но проследить, куда и когда испаряются эти деньги, совершенно невозможно... (ДР 7, 12) – деньги быстро кончаются.

– Вы едете в Россию... Вы должны выучить несколько жестких правил поведения. Деньги и документы носить на теле. Но несколько долларов в кошельке... (ДР 6, 111) – деньги надо хорошо хранить.

Незаметно выяснилось, что в жизни Любка разбирается лучше Ирины Михайловны и уж гораздо толковее обращается с деньгами: знает, на что и когда потратить, а когда и придержать (ДР 7, 214) – с деньгами надо уметь обращаться.

– Слушай, – сказал он, – не бери денег за эту срамоту. Тебе сразу полегчает (ДР 5, 42) – деньги надо брать за достойный труд.

Вслух она заговорила о том, что человек всю жизнь должен трудиться, что деньги, добывая пустой игрой – дурные деньги... (ДР 8, 252) – выигранные деньги – плохие деньги.

Да-да, вот в такие коробочки, на которых было написано «На выкуп Эрец Исраэль», евреи всего мира жертвовали деньги – не только медяки, разумеется, но и медяки тоже... (ДР 6, 90) – деньги можно жертвовать.

И эта чиновница... обратите внимание на прокол в версии: оказалась честной и вернула деньги (ДР 8, 158) – деньги можно вернуть владельцу.

– Тебя друзья повезут! – вдруг выпалил он. – Дай денег! Дай все деньги, что есть, Мустафа тебя отмолит. За тебя нужно много молиться, долго, тяжело... (ДР 8, 298) – деньги можно отдать.

Признаки, полученные в ходе когнитивной интерпретации значений целостных номинаций ассоциативного поля слова *деньги*, отражают национальную концептосферу; признаки, полученные путем интерпретации употреблений номинаций концепта в газетно-публицистической и художественной речи, отражают индивидуально-авторскую концептосферу.

Перечень когнитивных признаков концепта *деньги* в общенациональной концептосфере и в авторской концептосфере представлен в таблице. Для каждого признака вычислен индекс яркости как отношение количества объективаций данного когнитивного признака к общему количеству объективаций концепта. Содержание концепта «деньги» в рассмотренных источниках включает 97 когнитивных признаков.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная концептосфера и индивидуальные концептосфера С. Довлатова и Д. Рубиной имеют единичные сходства. Совпадают следующие когнитивные признаки концепта *деньги* (имея разную яркость):

общенац. / Довлатов / Рубина
всегда не хватает 0,11 / 0,10 / 0,05
всегда нужны 0,08 / 0,05 / 0,05
их можно одолжить 0,02 / 0,05

их можно украдь 0,01 / 0,03
деньги можно растратить 0,08 / 0,03
денег можно зарабатывать много 0,08 / 0,05
денег может не быть 0,08 / 0,03
денег может быть достаточно 0,08 / 0,05

Остальные признаки в национальной и индивидуальных исследуемых концептосферах различаются.

Примеры чисто национальных когнитивных признаков, не актуализируемых в индивидуальных концептосферах С. Довлатова и Д. Рубиной:

капитал, средства 0,33
всеобщий эквивалент 0,33
приносят зло 0,09
обеспечивают благополучие 0,09
требуют счета 0,12
деньги осложняют жизнь 0,11
деньги притягиваются к деньгам 0,09
без денег человека не ценят 0,09
денег можно тратить слишком много 0,08
деньги можно копить 0,08
деньги всегда можно заработать 0,05
деньги искушают человека 0,04
деньги во власти человека 0,04
деньги не всегда приносят радость 0,02

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах С. Довлатова составляют следующие чисто «довлатовские» когнитивные признаки:

денег в Америке много 0,05
деньги не всегда платят писателям 0,05
деньги – движущая сила общества 0,03
деньги дают свободу 0,03
деньги – эквивалент американского прогресса 0,03
в Америке деньги не эквивалент успеха 0,03
деньги – главный показатель налаженного бизнеса 0,03
деньги – важная составляющая жизненного успеха 0,03
ради денег живут в Америке эмигранты 0,03
деньги не могут быть самоцелью 0,03
за деньги нельзя купить счастье 0,03

Тем самым С. Довлатов обозначает специфику концепта «деньги» в условиях американской действительности: *деньги являются движущей силой и дают человеку свободу; деньги являются главным показателем финансового и жизненного успеха, эквивалентом американского прогресса;* в то же время автор делает выводы, касающиеся психологической сущности человека: *деньги не являются самоцелью; за деньги нельзя купить счастье.*

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах Д. Рубиной составляют следующие актуализируемые только в ее творчестве когнитивные признаки:

деньги надо добывать 0,10
с деньгами надо уметь обращаться 0,05
деньги надо брать за достойный труд 0,05
выигранные деньги – плохие деньги 0,05
деньги можно проиграть 0,05
деньги можно жертвовать 0,05
деньги можно отдать 0,05
деньги можно вернуть владельцу 0,05

Тем самым Д. Рубина обозначает непростые взаимоотношения человека с деньгами, требующими затрат сил и времени (*деньги надо добывать, с деньгами надо уметь обращаться*), диктующих моральные нормы (*деньги надо брать за достойный труд, выигранные деньги – плохие деньги*). В авторских текстах активно вербализуются ситуации уменьшения денежных сумм (*деньги можно проиграть, деньги можно жертвовать, деньги можно отдать, деньги можно вернуть владельцу*).

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная и индивидуальные концептосфера для концепта *деньги* имеют единичные сходства. Совпадают лишь отдельные когнитивные признаки: всегда не хватает, всегда нужны. Индивидуально-авторскими (не зафиксированными в общенациональной концептосфере) оказались 44 (из 97) когнитивных признаков концепта *деньги*.

Может быть вычислен индекс индивидуальной маркированности концепта как отношение количества индивидуально-авторских признаков в содержании концепта к общему количеству когнитивных признаков концепта.

Индекс индивидуальной маркированности для концепта *деньги* у С. Довлатова составляет 0,39, что свидетельствует о высокой степени индивидуализации концепта в сознании автора, которого интересует сущность этого явления в условиях жизни в США, где *деньги являются движущей силой и дают человеку свободу; деньги являются главным показателем финансового и жизненного успеха, эквивалентом американского прогресса*. В то же время автор акцентирует внимание на психологической составляющей этого понятия: *деньги не являются самоцелью; за деньги нельзя купить счастье*.

В творчестве Д. Рубиной концепт *деньги* актуализируется менее активно. Автор обозначает непростые взаимоотношения человека с деньгами, требующими затрат сил и времени (*деньги надо добывать, с деньгами надо уметь обращаться*), диктующих моральные нормы (*деньги надо брать за достойный труд, выигранные деньги – плохие деньги*); в авторских текстах активно вербализуются ситуации уменьшения денежных сумм (*деньги можно проиграть, деньги можно жертвовать, деньги можно отдать, деньги можно вернуть владельцу*). Индекс индивидуальной маркированности для концепта *деньги* у Д. Рубиной составляет 0,16, что является более низким показателем по сравнению с соответствующим показателем в

текстах С. Довлатова и свидетельствует о большей близости авторского концепта Д. Рубиной к общенациональному концепту.

Источники

1. Довлатов, С. Речь без повода... или Колонки редактора. (Ранее неизданные материалы) / С. Довлатов. – М., 2006. – 432 с.
2. Довлатов, С. Малоизвестный Довлатов. Сборник / С. Довлатов. – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда»», 1999. – 512 с.
3. Довлатов, С. Собрание прозы: В 3 т. / С. Довлатов. – Т.1. – СПб.: Лимбус-пресс, 1995. – 416 с.
4. Довлатов, С. Собрание прозы: В 3 т. / С. Довлатов. – Т. 2. – СПб.: Лимбус-пресс, 1995. – 384 с.
5. Рубина, Д. Больно только когда смеюсь / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2008. – 336 с.
6. Рубина, Д. «Их бин нервосо...»! / Д. Рубина. – М: Эксмо, 2005. – 256 с.
7. Рубина, Д. На Верхней Масловке: Повести и рассказы / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2004. – 336 с.
8. Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2004. – 336 с.
9. Рубина Д. Холодная весна в Провансе / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2005. – 496 с.

Словари

- Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практ. справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. / З.Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 2001.
- Большой Российской энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
- Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М., 1989.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика; под ред. Г.Н. Склеревской. – М.: Эксмо, 2007.
- Пословицы русского народа: сб. В. Даля. – М., 1957. – 992 с.
- Русские народные пословицы и поговорки; сост. А.М. Жигулов. – М., 1965.
- Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Карапулов, Т.А. Черкасова и др. – М., 1986.
- Словарь образных выражений русского языка; под. ред. В.Н. Телии. – М., 1995.
- Словарь синонимов; под ред. И. Писарева. – М.: ТОМ, 1997.
- Словарь синонимов русского языка; под ред. Л.А. Чешко. – М., 1968.
- Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – М.: Рус. яз., 1988.
- Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001.
- Фразеологический словарь русского языка; под ред. А.И. Молоткова. – М., 1967.
- Частотный словарь русского языка; под ред. Л.Н. Засориной. – М., 1977.
- Шаров С.А. Частотный словарь / С.А. Шаров. – М., 2002 (<http://www.gramota.ru>).

Номинативное поле концепта «берёза» в русском языке

Идея номинативного поля особенно часто связывается с изучением концептов, поэтому его чаще всего называют номинативным полем концепта (НПК).

Под номинативным полем концепта понимается «совокупность языковых средств, объективирующих, вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих концепт в определенный период развития общества» (Попова 2007, с. 66). По мнению исследователей, в номинативное поле концепта могут быть включены различные полевые структуры, например, лексико-семантическое поле имени концепта, ассоциативное поле и другие полевые структуры. В максимально широкой трактовке НПК содержит все, что может не только называть, описывать, но и любым другим способом представлять концепт даже в мельчайших его проявлениях и связях (Стернин 2006).

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента.

Исходя из этой концепции, в данной работе мы попытаемся описать фрагменты номинативного поля концепта «берёза» на материале лексико-семантического поля и ассоциативного поля. Для описания структуры лексико-семантического поля «берёза» в русском языке мы опирались на материалы следующих словарей русского языка: Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка»; «Словарь современного русского литературного языка» в 20-х томах; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка»; «Толковый словарь (русский семантический словарь)» под общей ред. Н.Ю. Шведовой; Склеревская Г.Н. «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения»; Караулов Ю.Н. «Русский ассоциативный словарь».

Анализ лексемы «береза» в толковых словарях позволил выделить некоторые лексико-семантические группы, составляющие в совокупности лексико-семантическое поле «берёза»:

1) лексико-семантическая группа наименований видов березы (*кудрявая, плакучая, карельская, карликовая*). Виды берёзы в лингвистическом аспекте представлены в форме атрибутивных словосочетаний, где существительное обозначает род, а прилагательное – вид. Например, *берёза бородавчатая, берёза приземистая, берёза плакучая* (трад.-поэт.), *берёза пушистая, берёза кудрявая, кустарниковая, круглолистная берёза, березовая свиль, каменная, железная береза, белая, чёрная береза, карликовая берёза*;

2) лексико-семантическая группа наименований размера дерева (*высокая, стройная, тонкая*);

- 3) лексико-семантическая группа наименований возраста дерева (*молодая, ветхая*);
- 4) лексико-семантические группы наименований цвета дерева (*белая, зеленая, белоствольная; зелень, белизна*);
- 5) лексико-семантическая группа наименований частей дерева (*почки, кора, сережки, ствол, листочки*);
- 6) лексико-семантическая группа наименований природных явлений (предметов), связанных с берёзой (*берёзняк (березовая роща), берёзовый сок, подберёзовик (гриб)* и др.);
- 7) лексико-семантическая группа наименований бытовых реалий, сделанных из берёзы (*березовые веники, берёзовка (водка, настоянная на берёзовых почках)*);
- 8) лексико-семантическая группа наименований места произрастания берёзы (*роща, поле, лес, аллея*);
- 9) лексико-семантическая группа различных наименований берёзы, включающих эмоциональные оценки и традиционно-поэтические характеристики (*берёзка, берёзонька (уменьш. ласк.)*).

Опираясь на результаты материалов ассоциативного словаря Ю.Н. Каравудина, отметим, что самые частотные реакции на стимул «берёза» можно разделить на следующие группы:

- 1) собственно наименования дерева: *дерево*;
- 2) реакции, связанные с образом девушки: *стройная, красивая*;
- 3) реакции, связанные с образом родины: *Россия, Русь, родина*;
- 4) реакции, связанные с различными видами берёзы: *кудрявая, плакучая*;
- 5) реакции, связанные с природными свойствами берёзы: *белая, высокая; зеленая, белоствольная, тонкая*;
- 6) реакции-наименования частей берёзы: *ствол, белый сок, веник*;
- 7) свойства берёзы, имеющие процессуальный характер: *растет, стоит, горит* и т.д.;
- 8) реакции, связанные с миром, окружающим березу: *роща, дуб, клен, лес, сосна, тополь, поле, парк, овраг* и др.;
- 9) реакции, обусловленные особенностями быта, связанными с применением берёзы: *баня, веник, лучина* и др.;
- 10) реакции, обусловленные впечатлением, которое производит берёза на человека: *одинокая, страдать (страдание), хорошенская, любимый* и др.

Важно отметить, что понятие «берёза» связано в сознании носителей русского языка, прежде всего, с природой, с Родиной (Россией), а также с женским образом. В сознании русского народа берёза представляет прекрасный женский образ (образ красоты, стройности, нежности). Следует отметить, что ассоциативное поле «береза», представленное в Русском ассоциативном словаре, значительно шире, чем лексико-семантическое поле, выявленное по данным тематических и толковых словарей. Однако перечисленные слова-реакции, связанные с образом берёзы, свидетельствуют и о том, что понятие «берёза» приближено в сознании носителей русского языка и к повседневной жизни человека.

Таким образом, номинативное поле концепта является языковым материалом, выступающим объектом лингвокогнитивного исследования, а предметом выступает семантика единиц номинативного поля концепта, которая отражает исследуемый концепт в языковом сознании носителя языка (Стернин 2007, с. 77). Концепт «берёза» имеет как универсальный характер, так и национально-культурную специфику, поскольку номинативное поле концепта «берёза» включает в себя фрагменты, связанные с бытовыми, природными, символическими и другими аспектами национальной культуры.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2007.

Стернин, И.А. Структура номинативного поля концепта / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2009. – Вып.12. – С. 24-27.

Е.Б. Чернышова

Метод графической объективации в исследовании концепта *школа*

В процессе развития той или иной науки формируется комплекс определенных способов и средств исследования или ее методология. Методология – это учение о принципах, методах и приемах исследования в науке.

Выделяют три уровня методологии:

- 1) общефилософскую методологию;
- 2) общенаучную методологию (принципы и методы общие для какой-либо группы наук);
- 3) частную методологию той или иной науки.

К методологии лингвистики относятся как общенаучные методы (методы наблюдения, эксперимента, моделирования и т.п.), так и общелингвистические методы (сравнительно-исторический, структурный, конструктивный и др.). Кроме этого, в различных лингвистических направлениях используются свои методы и приемы, отвечающие объекту и целям исследования. Например, в когнитивной лингвистике при исследовании содержания концепта применяется метод графической объективации.

Данный метод является модификацией проективного (проекционного) метода, разработанного в психологии. В классификации проективных методов метод графической объективации близок к группе методов изучения продуктов творчества испытуемых.

На наш взгляд, метод графической объективации позволяет получить дополнительную информацию об образе концепта, не выявляемую лингвистическими и психолингвистическими методами.

Покажем методику проведения графического эксперимента на примере концепта *школа*.

Испытуемые (школьники 11-14 лет, 88 человек) получили по чистому листу формата А4 и инструкцию: «Нарисуйте школу». На рисунок отводилось около 10 минут. Получено 88 рисунков, отказов не было.

Анализ полученных рисунков показал, что 97% школьников нарисовали здание школы, ее экстерьер (внешний вид) и 3% учащихся – интерьер (отдельные помещения школьного здания). Если рассматривать рисунки первой (самой многочисленной) группы, то их можно разделить на две части: 1) рисунки, изображающие отдельное здание (49 рис.); 2) рисунки, изображающие школьное здание в окружении других предметов (деревья, клумбы, газоны, школьный забор и человеческие фигуры) (36 рис.).

Обработка графических объективаций состояла в следующем: в рисунках ИИ выделялись и описывались значимые графические элементы (объекты и их части, а также их количество, форма, размер, цвет, расположение). Далее был составлен список дифференциальных графических элементов:

Школа 88 ИИ: в центре входная дверь 44; у входа ступеньки 42; на втором этаже балкон 23; большое желтое двухэтажное здание с окнами 18; большое двухэтажное здание с окнами 14; школьный участок огорожен забором 12; большое желтое трехэтажное здание с окнами, на балконе второго этажа развевается государственный флаг 10; над дверью надпись: «МОУ СОШ № 4» 9; около входа растет дерево 8; над дверью надпись: «Школа № 4» 5; большое зеленое двухэтажное здание с окнами, двухэтажное здание с окнами, к школе ведет дорожка, около входа растет береза, рядом растет дерево 4; большое желтое двухэтажное здание с многочисленными окнами, вокруг растут цветы, над дверью надпись: «Школа» 3; большое коричневое двухэтажное здание с окнами, большое красное трехэтажное здание с многочисленными окнами, вдоль забора растут деревья, вокруг растут деревья, к входной двери ведет длинная дорожка, на окнах шторы, на фронтоне надпись: «Школа № 4», на фронтоне надпись: «Школа», над дверью надпись: «№ 4», над дверью табличка, над школой плавают облака, над школой светит солнце, около ступенек бак для мусора, рядом разбиты клумбы с цветами, рядом растет береза, рядом с дверью надпись: ««МОУ СОШ № 4», часть большого коричневого двухэтажного здания с окнами, часть школьного здания с тремя окнами над входной дверью 2 и другие единичные графические элементы (Общее число элементов – 360, разных – 137, единичных – 100).

Далее выполнялась процедура когнитивной интерпретации полученных элементов, по результатам которой был составлен список когнитивных признаков. После признака указан индекс яркости (соотношение количества объективаций данного признака к общему числу участников эксперимента).

Когнитивные признаки концепта **школа**

Здание 0,97; большая; с окнами 0,80; двухэтажная 0,68; с входной дверью 0,52; у входа ступеньки 0,45; желтая 0,42; рядом с ней растут деревья 0,30; с балконом; МОУ СОШ № 4 0,27; трехэтажная 0,16; с забором вокруг 0,13; на ней государственный флаг 0,12; много окон; около нее растут цветы 0,10; красная 0,09; с названием на табличке у входной двери; к ней ве-

дет дорожка 0,08; зеленая; коричневая; с урной для мусора у входа 0,05; класс; многоэтажная; над ней плывут облака; со шторами на окнах 0,03; вокруг пришкольный участок; есть столовая; есть ученические столы; есть доска; с письменными принадлежностями; над ней светит солнце; разноцветная; с трубой на крыше 0,02; есть телевизор; есть учительский стол; с цветами на окнах; в классе стоят стулья; в школьной столовой есть окно для выдачи пищи; в школьной столовой работает повар; в школьной столовой есть обеденные столы; ее вход освещается лампой; с колоннами у входа; с табличкой «Выход»; голубая; есть двери в класс; с видеокамерами на фасаде; есть кодовый замок; есть площадка перед входом; есть подвал; есть пристройка; есть решетка для чистки обуви; есть ученики; маленькая; с террасой и садом на втором этаже; с открытым бассейном на крыше; со стендами на стенах класса; на учительском столе лежит книга; с граффити на школьном; с нарисованной на школьном участке звездой в память о выпускниках; с надписью над дверью: «С днем рождения школа»; над ней летят птицы; над ней светит месяц; одноэтажная; у входа грязно; оранжевая; со светом в окнах; там пол покрыт ламинатом; похожа на замок; с большими окнами; с высокими окнами; с двумя входными дверями; с красными окнами; с маленькой входной дверью; с окнами в виде арки; там учатся мальчики; у учеников книги; учебные кабинеты пронумерованы; ученики рисуют на заборе граффити; хорошая; часть классного помещения; школа № 5; является памятником архитектуры 0,01.

Качественный анализ содержания когнитивных признаков концепта *школа*, показал, что образ предмета концептуализации в сознании школьников 11-14 лет в основном представлен в виде экsterьера школьного здания. Только в сознании 3% ИИ школа связана не с внешним видом здания, а с его внутренними помещениями (школьным коридором, классными помещениями, столовой). Кроме того, сознанием 41% школьников школа мыслится как совокупность элементов, где здание школы – центральный элемент – окружен дополнительными предметами (деревья, клумбы, газоны, школьный забор, солнце, облака). Тем самым, сфера покрываемая концептом, в сознании данных ИИ больше.

Интересно, что только в сознании 3% учащихся школа связана не только с предметами неживого мира, но и с людьми (преимущественно с учениками). Небольшое количество изображенных людей на рисунках подростков можно объяснить тем, что школьники в своем сознании не мыслят себя как часть школы, хотя в других экспериментах с этой возрастной группой выявлены реакции: *ученики, дети, школьники* и т.п. Возможно, ИИ 11-14 лет представляют себя внутри школы, и поэтому не рисуют фигуры людей рядом со школой. Вместе с тем, информанты других возрастных групп, желая показать детей внутри школы, рисуют их лица в окнах.

Важным является то, что концепт *школа* в сознании учащихся связан именно с родной школой. 98% детей нарисовали свою школу, один ученик данной возрастной группы изобразил школу в виде фантастического замка, а второй – школу-мечту, в которой он хотел бы учиться.

Содержательный анализ когнитивных признаков показал, что большая их часть содержит информацию о конкретном образе концепта школа (73%). Вместе с тем, выявлены когнитивные признаки, пусть не занимающие большого места в сознании ИИ, но содержащие информацию другого характера:

- знания энциклопедического характера (МОУ СОШ № 4 0,27; там учатся мальчики 0,01; в школьной столовой работает повар 0,01 и т.п.);
- знания, отражающие связь концепта с культурой народа (является памятником архитектуры 0,01);
- отношение к предмету концептуализации и его оценку (над ней плывут облака 0,03; над ней светит солнце 0,02; над ней светит месяц 0,01; хорошая 0,01 и т.п.);
- мифологические представления о концептуализируемом предмете (похожа на замок 0,01).

Таким образом, метод графической объективации как один из экспериментальных методов исследования позволяет получить не только дополнительную информацию об образе концепта, не выявляемую лингвистическими и психолингвистическими методами, но и открывает доступ к информации другого типа (отношение к изображаемой реалии, мифологические представления и энциклопедические знания о ней).

М.В. Шаманова

Концепты *общение* и *коммуникация* в научном сознании

Содержание концепта существенно различается в том или ином типе сознания, о чем свидетельствуют, например, исследования: концепт *закон* в обыденном и правовом сознании (Палашевская 2005), концепт *свобода* в обыденном и философском сознании (Солохина 2004), концепт *удивление* в обыденном, научном и религиозном сознании (Дорофеева 2002), концепт *язык* в обыденном и научном сознании (Полиниченко 2005), концепт *гроза* в обыденном и научном сознании (Фисенко 2005) и др.

Общение во всем многообразии видов, форм, типов на протяжении многих десятилетий являлось предметом изучения различных наук. Как справедливо отмечает Е.В. Харченко, благодаря такому разностороннему и постоянному вниманию появилось огромное количество подходов, точек зрения, что породило множество определений понятия общения: по разным источникам их насчитывается несколько десятков в отечественной литературе, а в зарубежной – более сотни (Харченко 2004, с. 11).

Общение является одной из основных категорий психологии, социологии.

В психологии под общением понимается процесс установления и развития контактов между людьми в условиях совместной деятельности с целью обмена информацией.

В «Новейшем психологическом словаре» дается следующее определение:

Общение – 1) сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности; включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание партнера; 2) осуществляющееся знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызываемое потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысовых образованиях партнера (Шапарь 2005, с. 326).

«Большой психологический словарь» трактует общение следующим образом:

Общение – взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного и / или аффективно-оценочного характера. Обычно общение включено в практическое взаимодействие людей (совместный труд, учение, игра и т.п.). Общение удовлетворяет особую потребность человека в контакте с другими людьми (Большой психологический словарь 2004, с. 345).

Социологи рассматривают общение прежде всего как социально обусловленный вид деятельности людей: социально обусловленный процесс обмена мыслями и чувствами между людьми в различных сферах их познавательно-трудовой и творческой деятельности, реализуемый главным образом при помощи верbalных средств коммуникации (Конецкая 1997, с. 170).

Монография А.А. Леонтьева «Психология общения» положила начало разработке концепции речевого общения (Леонтьев 1997). Как справедливо отмечает Т.А. Чеботникова, за последнюю четверть XX века «наметилось четкое смещение научных исследовательских интересов лингвистов в сторону изучения речевого общения как такового, т.е. в сферу изучения попали не только и не столько средства речевого общения, сколько непосредственные участники общения, обстоятельства общения и т.п. Таким образом, во главу угла поставлен человек говорящий (*homo communicans*, *homo eloquens*), и лингвистика ... стала антропологической или, точнее, антропоцентрической» (Чеботникова 2005, с. 75). Под речевым общением понимается целенаправленная активность людей, подчиненная целям деятельности, которые коммуниканты осуществляют совместно (Там же, с. 75-76). В.А. Конецкая указывает, что мотивом общения является настоящая потребность индивидов в объеме смысловой и оценочной информации, а целью общения – взаимодействие участников общения в различных сферах своего существования и воздействие друг на друга в условиях коммуникации различного типа (Конецкая 1997, с. 169). Передача информации – это не главное в общении. «Люди, общаясь друг с другом, – отмечает Е.Ф. Тарасов, – никогда не передавали информацию ради информации, ради того, чтобы сообщить нечто своему собеседнику. Всегда за нашей речью, за каждым речевым сообщением стоит иная неречевая задача... Передача информации есть только средство достижения других целей, конечная из которых – управление деятельностью собеседника» (Тарасов 1998, с. 30).

Анализ определений позволяет выявить содержание категории *общение* в научном сознании. Содержание исследуемой категории составляют следующие когнитивные признаки:

характеризуется наличием контактов между людьми;
предполагает взаимодействие коммуникантов;
протекает в условиях совместной деятельности;
предназначено для обмена информацией и чувствами;
предполагает восприятие и понимание партнера;
вызвано потребностями личности;
осуществляется с помощью знаковых средств, преимущественно вербальных;
предполагает оказание влияния на партнера.

Понятия «общение» и «коммуникация» в научной литературе определяются по-разному.

В «Философском словаре» даны следующие статьи:

Общение – специфический для субъектов способ взаимных отношений, способ бытия человека во взаимодействиях с другими людьми. В философском смысле общение не сводится к намеренно выполняемым актам общения, к обмену информацией и социально-психологическим контактам, но включает всю сознаваемую и несознаваемую глубину взаимной со-причастности людей, претворяемой через обогащение субъектом своей жизнью всех других субъектов (Философский словарь 2001, с. 387).

Коммуникация – 1. Информационное взаимодействие между объектами, в котором различают источник информации, генерирующий сообщение для передачи; передатчик, преобразующий сообщение в сигналы, передаваемые по каналам связи; канал связи; приемник информации, декодирующий сигналы и переводящий их в сообщение, и адресат, которому предназначена информация. Такая общая модель коммуникации, построенная К. Шенноном и У. Уивером, охватывает самые различные информационные устройства, начиная с чисто технических средств и кончая животными и людьми. В схемах и моделях, учитывающих особенности коммуникации между людьми, главное внимание обращается на деятельность, связанную с содержательным анализом информации, с интенциями, которые стремится реализовать, с одной стороны, источник, а с другой – получатель информации. 2. Философское понятие, обозначающее «общение» (Там же, с. 256).

М.С. Каган, определяя коммуникацию и общение, подчеркивает, что в общении собеседники являются партнерами, информация в этом случае циркулирует между партнерами и увеличивается, обогащается. Общение – это «процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)» (Каган 1988, с. 149). В коммуникации участвуют отправитель и получатель, «информация течет только в одну сторону, и – по законам, установленным теорией коммуникации, – количество информации уменьшается в ходе ее движения от отправителя к получателю» (Каган 1988: 146). Процесс общения является двусторонним, коммуникация – односторонней.

ленный процесс. «...Акт общения, – пишет, например, М.С. Каган, – имеет место тогда, когда человек, вступающий в контакт с другим человеком, видит в нем себе подобного и себе равного, т.е. субъекта же, и рассчитывает поэтому на активную обратную связь, на обмен информацией, а не на одностороннее ее отправление или снятие ее с объекта» (Каган 1974, с. 82).

Б.Д. Парыгин расширяет понятие общения. Он определяет общение следующим образом: «Общение представляет собой сложный и многогранный процесс взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга. Оно может рассматриваться не только как акт осознанного, рационально оформленного речевого обмена информацией, но и в качестве непосредственного эмоционального контакта между людьми.

Это человеческое взаимодействие может быть весьма многообразным как по содержанию, так и по форме проявления. Оно может варьировать от высоких уровней духовного взаимопроникновения и взаимопонимания партнеров до самых свернутых и фрагментарных контактов, причем последние могут носить характер смутно осознаваемых или вовсе не осознаваемых процессов» (Парыгин 1999, с. 28). Общение – это и отношение людей друг к другу, и их взаимодействие, и обмен информацией между ними, их духовное взаимопроникновение.

Коммуникация, коммуникативный процесс, по Б.Д. Парыгину, – это содержательная сторона общения: «...с содержательной, внутренней стороны общение могло бы рассматриваться как коммуникативный процесс взаимного выражения психического состояния и обмена информацией, между тем как со стороны формы можно было бы говорить о поведенческом аспекте общения, реализуемом в процессе интеракции, то есть взаимодействия людей, их поведения по отношению друг к другу» (Парыгин 1999, с. 50).

В монографии Т.Н. Астафуровой «Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации» сопоставляются общение и коммуникация с опорой на некоторые научные работы, на данные энциклопедических словарей и словарей-справочников по философии, политологии, социологии, психологии. В результате она приходит к выводу, что общение – это социальная коммуникация (Астафурова 1997).

Представители различных наук определяют основные функции общения: фатическая (установление контакта); информационная (обмен информацией); воздейственная (оказание влияния).

Фатическая и информационная функция подчеркиваются, к примеру, в определении В.Н. Панферова: общение есть взаимодействие людей, содержанием которого является взаимный обмен информацией на уровнях чувственного и логического отражения с помощью различных средств коммуникаций (технических и антропологических) для установления взаимоотношений между людьми в процессе их совместной деятельности (Панферов 1970, с. 122).

О воздейственной функции общения говорил А.А. Леонтьев при взаимодействии с носителями другого языка и другой культуры: «Общение, коммуникация – это в первую очередь не что иное, как способ внесения

той или иной коррекции в образ мира собеседника (ситуативный, фрагментарный и в то же время непосредственный, то есть образ «большого» мира, или глобальный, но выключенный из реальной деятельности и реального переживания этого мира, то есть образ «малого» мира, мира абстракций). Соответственно усвоение нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры. Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения» (Леонтьев 1997, с. 72).

И.В. Пешков при разграничении понятий *общение* и *коммуникация* подчеркивает эмоциональный аспект, в общении прежде всего важна не информация, а человек, общающийся с помощью информации: «Термины «общение» и «коммуникация» в современном русском языке разошлись по полюсам. Коммуникативное информирование – это вовсе не живое человеческое общение. И если первое занимает место второго, то что-то в обществе неладно. Мы долгое время подходили к человеку как к субъекту информации, ее передатчику, приемнику. Ведь передатчик можно глушить, а приемник заставить воспринимать только то, что вещается. Как только информация становится массовой, истина единой, отдельный человек уже не вычленяется как ценность. Ценность – исходящая или входящая информация сама по себе. Гуманитарная наука не может заниматься только информацией, только знаниями, только текстами в себе. Она должна видеть человека, общающегося с помощью информации, живущим в ней, преодолевающим ее самозванность великим постинформационным феноменом взаимопонимания. Как человек общается – вот главная проблема!» (Пешков 1998, с. 8).

Выделим когнитивные признаки концепта *коммуникация*, характеризующие его содержание в научном сознании, сопоставив их с когнитивными признаками, составляющими содержание категории *общение*.

Когнитивные признаки	Категория <i>общение</i>	Концепт <i>коммуникация</i>
характеризуется наличием контактов между людьми	+	
предполагает взаимодействие коммуникантов	+	
протекает в условиях совместной деятельности	+	
предназначено для обмена информацией	+	+
предназначено для обмена эмоциями	+	
предполагает восприятие и понимание партнера	+	
вызвано потребностями личности		
осуществляется с помощью знаковых средств, преимущественно вербальных	+	
предполагает оказание влияния на партнера	+	
взаимодействие между объектами	+	+
характеризуется наличием передатчика, приемника информации и каналов связи	+	+
предполагает выработку новой информации	+	

<i>предполагает наличие общности между коммуникантами</i>	+	
<i>возможно использование технических средств передачи информации</i>	+	+

Анализ данных таблицы показывает, что исследуемые ментальные единицы взаимосвязаны между собой посредством общих когнитивных признаков, однако категория *общение* в научном сознании имеет ряд специфических смысловых признаков и несравненно более богатое содержание.

- Астафурова, Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации / Т.Н. Астафурова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. – 107 с.
- Большой психологический словарь; сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
- Дорофеева, Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Дорофеева. – Волгоград, 2002. – 19 с.
- Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
- Каган, М.С. Человеческая деятельность / М.С. Каган. – М., 1974. – С. 82.
- Конецкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М., 1997.
- Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 312 с.
- Палашевская, И.В. Закон / И.В. Палашевская // Антология концептов; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 92-110.
- Панферов, В.Н. К вопросу о психологии общения / В.Н. Панферов // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми: Тезисы Всесоюзного симпозиума. – Ленинград, 1970. – С. 122.
- Парыгин, Б.Д. АнATOMия общения: учебное пособие / Б.Д. Парыгин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 301 с.
- Пешков, И.В. Введение в риторику поступка / И.В. Пешков. – М.: Лабиринт, 1998. – 228 с.
- Полиниченко, Д.Ю. Язык / Д.Ю. Полиниченко // Антология концептов; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 333-347.
- Солохина, А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Солохина. – Волгоград, 2004. – 24 с.
- Тарасов, Е.Ф. К построению теории межкультурного общения / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание. Формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 30-34.
- Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
- Фисенко, О.С. Концепт «гроза» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С. Фисенко. – Воронеж, 2005. – 23 с.
- Харченко, Е.В. Межличностное общение: модели верbalного поведения в профессиональных стратах: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Харченко. – М., 2004.
- Чеботникова, Т.А. Речевое общение как объект и предмет изучения / Т.А. Чеботникова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – <http://www.osu.ru>.
- Шапарь, В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Рoccoха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 808 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф.Г. Брулёва, Чан Динь Лам

Пословицы на нравственную тему как вид русской афористики в лингвокультурологическом аспекте

В Казахском национальном педагогическом университете им. Абая в обучении русскому языку иностранных студентов из стран Южной Азии широко используется на продвинутом этапе материал, связанный с фразеологической семантикой. Так, например, русские пословицы на нравственную тему как один из видов языковой афористики рассматривались на практических занятиях с корейскими студентами. Рассмотрение пословиц в лингвокультурологическом аспекте позволило раскрыть не только их смысловое содержание, но и показать национально-культурный компонент изучаемого материала. Важно было, чтобы студенты не только получили нужные теоретические сведения, но и могли оперировать материалом: самостоятельно выбрать пословицы из фразеологических словарей, сопоставить русские пословицы с национальными корейскими, подготовить классификационные таблицы, сделать выводы, привлечь иллюстративный материал (рисунки).

В определении пословиц с нравственным содержанием мы исходили из понятия нравственность (мораль), которое даётся в «Новейшем философском словаре».

«Мораль (нравственность) – специфический тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию; совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения, взаимоотношений» (Новейший философский словарь 1999, с. 347).

В отличие от правовых норм, мораль выступает в качестве «неписаного закона». Мораль (нравственность) восходит к понятию обычая.

Все отношения людей подвержены моральной оценке и проходят проверку на жизненную целесообразность. У морали есть два уровня: общечеловеческий и личностный, мораль – один из способов разрешения противоречий между всеобщим и индивидуальным.

Мораль предлагает образцы должного, разумного, общечеловеческого. Чем нравственно воспитаннее человек, тем добровольнее он соблюдает моральные предписания общества и семьи.

Люди ориентируются на гуманные, добрые, честные, благородные, справедливые отношения, т.е. на то, что принято называть моральными ценностями. Структура морали включает в себя нравственные взгляды,

смысложизненные ориентации и идеалы, нравственные чувства, традиции, нормы, принципы, заповеди, мотивы, цели, поступки, оценки, категории добра, совести, чести, справедливости, счастья.

Сюда же относятся и такие качества, как милосердие, добродетель, благотворительность, каждый из перечисленных элементов имеет парную категорию: добро – зло, честь – бесчестие, трудолюбие – леность и т.д.

В исследованиях учёных конца XX века есть такой постулат: язык не только связан с культурой: он растёт из неё и выражает её. Существует связь между языком и духовной культурой, языком и народным менталитетом, языком и народным творчеством.

Присутствие в языке «человеческого фактора» неотделимо в современных лингвистических исследованиях от понятия «языковая картина мира». Структура языка и языковая семантика тесно связаны со способом познания того или иного народа.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий лингвокультурологии, выражает национальную специфику человека и его бытия.

В пословицах на нравственную тему отразился национально-культурный опыт народа, его взгляд на нормы жизни и поведения.

Однако тематическая многоликость не главное, хотя и важное их достоинство. Многое существеннее – как они воспроизводят жизнь, какую оценку ей дают. В своё время Н.В. Гоголь, пленённый полнотой смысла пословиц, отметил их особенный «образ выражения»: писатель увидел в нём отражение многих «народных свойств наших». «В них все есть, – сказал Гоголь о пословицах, – издёвка, насмешка, упрёк, – словом, все шевелящее и задирающее за живое» (Гоголь 1953, с. 166). И действительно, ни одна из пословиц не лишена всепоглощающего страстного интереса ко всему, чего касается. За каждой из них видишь тех, кто судит, спорит, выслушивает, насмехается, печалится, бранится – предстает множественность случаев и жизненных сцен. Обычно пословицы несут в себе познавательную ценность. По этому поводу А.М. Горький писал: «Именно пословицы и поговорки выражают мнение народной массы в полноте особенно поучительной. Они образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа» (Горький 1953, с. 453). Наряду с поучением, он также говорит о праздности, крикливи, неумении, поспешности, щегольстве, угодливости, обмане, воровстве, болтливости, гордыне, соблазне, лжи, клевете, трусости – это обширная энциклопедия человеческих пороков и недостатков.

Пословицы живут и развиваются вместе с народом, породившим их. Одни устаревают со временем и исчезают, другие обновляются и видоизменяются. И в результате отбора и отшлифовки становятся достоянием народа. Жизнестойкость и долговечность этих жанров обусловлены изяществом выражения и истинностью содержания их, способностью в краткой форме передать мысль. Пословичные изречения являются как бы формулами закона, созданного самим народом, правилами, объясняющими и

определенными жизненными различные ситуации. В них в большинстве случаев выражаются в прямой или в переносной форме, в синтезированном виде общие суждения. Четкость композиции и яркость фонетического оформления этих художественных миниатюр делают их легко запоминающимися. Художники слова, наряду с использованием пословиц – народной мудрости – сами создавали изречения, вошедшие, в свою очередь, в фонд фольклора. Но не только поэты и писатели, но и каждый человек, говорящий и пишущий, применяет пословицы, варьируя их в соответствии с конкретной ситуацией, стремясь «отделать» образец, создать новый вариант; фонд «мудрых слов» постоянно обогащается. И на самом деле, пословицы и поговорки относятся к фонду «мудрых слов» в области языковой афористики. С помощью единственной фразы иногда можно подсказать решение, требующее пространной и долгой аргументации.

Студентам было предложено выбрать из словарей определенное количество русских пословиц с национально-культурными компонентами, познакомиться с фактами русской культуры, языка, истории, определить их смысловое содержание. Было выбрано более 130 пословиц на нравственную тему. В соответствии с философскими парными понятиями добро – зло, честность – бесчестие, трудолюбие – леность и т.д. студенты разделили пословицы на два типа: 1) пословицы позитивно-назидательного характера (тип А) и 2) пословицы, осуждающие пороки, отрицательные качества людей (тип Б). Пословицы и того и другого типа содержат лингвокультурологическую информацию о моральных ценностях, традициях, обычаях народа. Узнаваемы и топонимы – Москва, Тула; животные – лошадь, заяц, волк; предметы народного быта – самовар, конская упряжь, сани, кормысло; традиционная кухня – каша, соль, хлеб, мука, грузди; ремесла и средства вооружения – стрела, меч, сапоги; денежные единицы – рубль, копейка, алтын, серебро, золото и многое другое. Приведем примеры.

Хлеб-соль ешь, а правду режь.

Хлеб-соль, хлеба-соли – угождение, предлагаемое гостю. Это сочетание образовано из двух слов, обозначающих необходимые продукты питания. Хлеб является не только основным продуктом питания, но и наиболее уважаемым – символом затраченного труда. К хлебу в народе сохраняется самое почтительное отношение. От сочетания *хлеб-соль* образованы слова *хлебосольство* – радушне и щедрость при угождении, *хлебосольный* – гостеприимный, любящий хорошо угостить гостя (напр., *хлебосольный хозяин*), *хлебосол* – хлебосольный хозяин, тот, кто радушно принимает гостей и от души их угощает.

Резать правду (разг.) – говорить прямо, открыто то, что думаешь.

Говорится как совет смело говорить правду, невзирая на то, в каких отношениях ты находишься с тем, кому должен её сказать.

Назвался груздем, полезай в кузов.

Груздь, -я, м. – съедобный гриб с широкой белой вогнутой шляпкой, короткой ножкой. В лесах СССР растет много различных видов грибов. Рус-

ские люди любят грибы, охотно ходят в лес и собирают их. С грибами вариат суп, их жарят, солят и маринуют.

Кузов – здесь: короб (разновидность корзины) для грибов ягод и т.п., плетеный из лыка (см. *не всякое лыко в строку*) или согнутый, обычно из берёзовой коры.

Если сам добровольно взялся за какое-либо дело, выполняя свои обязательства.

Говорится, когда кто-либо пытается уклониться от выполнения добровольных обязанностей, увидев трудности или неприятные последствия, которых он не подозревал.

Скоро сказка сказывается, да (а) не скоро дело делается.

Сказывается – 3 л. ед. ч. от гл. *сказываться*, несов., (устар.) говориться, излагаться.

Традиционный повтор в народных сказках, когда рассказчик словесной вставкой «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» обращал внимание слушателей на то, что события, о которых он рассказывает, заняли в действительности очень много времени. Герои сказок действовали, совершали подвиги, много пережили, но рассказчик считает, что о них из-за недостатка времени не стоит говорить: сказать в сказке можно скоро, быстро, это не займёт много времени, но всё равно не передаст длительности времени и тех трудностей, которые испытали герои.

Говорится в ответ, когда торопят с выполнением какой-нибудь работы, а тот, кто исполняет её, считает, что он делает всё от него зависящее и быстрее сделать нельзя.

Повинную голову меч не сечёт.

Если человек признается в своих ошибках, раскается, тот он может избежать большого наказания, ему могут простить вину. Меч – оружие воина. Повинный – повиниться, извиниться – вина.

Москва не сразу (не вдруг) строилась.

Москва – один из древнейших городов. В XVII веке Москва – столица огромного русского государства. Архитектурный облик Москвы формировался постепенно на протяжении многовековой истории.

Смысл пословицы: большое дело начинается с малого, постепенно приобретая размах.

В Тулу со своим самоваром не ездят.

Тула – город в России недалеко от Москвы. В старину славился производством оружия и металлических изделий, в частности самоваров.

Самовар – металлический сосуд для кипячения воды. Внутри есть топка в виде трубы, куда закладываются угли.

Смысл пословицы: с собой не следует брать то, чем славится то место, куда направляются.

Не красна изба углами, а красна пирогами.

Пироги издавна являются одним из любимых кушаний русских людей. Пирог – изделие из теста с начинкой: с капустой, с яблоками, с мясом.

Говорится пословица, когда придают большое значение гостеприимству.

Выделяются следующие группы пословиц нравственного содержания (всего 130 единиц):

Тип А Пословицы нравственно-этического характера	Количество	Тип Б Пословицы осуждающе-негативного характера	Количество
1. Добро, добродетель	10	1. Зло	7
2. Дружба	7	2. Корысть, жадность	5
3. Правда, честность	21	3. Упрямство	2
4. Трудолюбие	5	4. Глупость	9
5. Счастье	5	5. Лень	4
6. Поучительное назидание	И	6. Нечестность, неуважение	11
7. Гостеприимство	4	7. Неблагодарность, несправедливость	5
8. Мудрость	4	8. Нескромность	2
9. Смелость	2	9. Утрата чего-либо	3
10. Обычай, традиции	13		
Итого	82	Итого	48

Анализ пословиц позволил сделать выводы.

1. В пословицах нравственно-этического характера отмечен широкий круг языковых афоризмов, выражающих менталитет, нравственные ориентиры народа. Приоритетны пословицы на темы «Правда, честность», «Традиции, обычаи», «Добро», «Дружба», «Мудрые поучительные назидания».

2. Среди пословиц осуждающе-негативного характера выделяются единицы, осуждающие такие пороки в человеке, как нечестность, неуважение к человеку, глупость, корысть, зло, неблагодарность.

Через язык, в данном случае через фразеологию, мы познакомились с духовной культурой народа, с теми нравственными ценностями, которые составляют национально-культурный компонент единиц языка, а также с яркой афористичностью, образностью пословиц.

Сравнивая корейские и русские пословицы, можно отметить, что они совпадают семантически, хотя их предметное содержание может отличаться. Корейские пословицы также имеют национально-культурный колорит, который выражен через наименования предметов народного быта, уклада жизни, нравственных оценок, традиционных орудий труда, распространенных растений.

Кореец говорит: *«Куда посеешь бобы, там уродятся бобы, а куда посеешь фасоль, там уродится фасоль»*. В пословице говорится о том, что результат возникает по делу, речь идет о разумных основаниях. По смыслу в данном случае соответствует этой пословице русская пословица *«Что посеешь, то и пожнёшь»*. И та и другая пословицы заключают мудрый смысл: чуда не бывает, в любом деле результат зависит от вложенного труда.

Глубокий нравственный смысл заключает в себе корейская пословица *«Шедшая дубинка, пришедшая скалка для белья»*. Смысл: если ударить ду-

бинкой – по тебе ударят скалкой для белья. Скалка для белья в быту представляет собой увесистый предмет, больший, чем дубинка. Вывод один: будь осмотрителен и не агрессивен, иначе можешь получить удар. Говорит пословица о том, что, если кто-то провинится, к нему вернется больше вреда. Русская аналогичная пословица гласит: «*Как аукнется – так и откликнется*». Есть аналог и в китайском языке: «*Кто сеет ветер – пожнет бурю*». Даётся нравственная оценка вероломству и агрессии.

Корейская пословица: «*Близкий сосед (чужой) лучше дальнего родственника*». Если кто-то дружит с соседом, который рядом, то это гораздо лучше, чем общение с дальним родственником. Русские тоже считают так же, придавая большое значение хорошим отношениям с ближайшим соседом: «*Прежде чем купить дом, приобрести хорошего соседа*», – так говорят в России.

Русской пословице поучительного характера «*За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*» соответствует корейская точно в такой же формулировке. Если кто-то старается делать одновременно несколько дел, может испортить успешную работу. Мудрая пословица отражает народную точку зрения на нормы поведения.

В этом же ряду стоит и такая корейская пословица: «*Ленивый учёный только перелистывает книгу*». Понимать её надо так: нельзя перелистывать книгу без понимания книги, нельзя добиться успеха без усилий, без приложения собственных сил. Есть и русская поговорка: «*Чужими руками жар загребать*» или «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*».

В иронической корейской пословице «*И ежу нравится, когда говорят, что ежата гладкие*» говорится о родителях, которые не замечают ошибок и недостатков своих детей, слепы в оценке поступков детей. Аналогична русская пословица: «*Своя рубашка ближе к телу*» или «*Своя ноша не тянет*».

Таким образом, выявление семантики русских пословиц, их лингвокультурологического содержания на занятиях с иностранными студентами обогащает их речь и лингвистический кругозор, вызывает познавательный интерес к изучению русского языка.

Новейший фразеологический словарь. – Минск, 1999.

Гоголь, Н.В. Собрание сочинений: В 6-ти томах / Н.В. Гоголь. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 6. – С. 166.

Горький, М. Собрание сочинений: В 30-ти томах / М. Горький. – М., 1953. – Т. 24. – С. 493.

Зимин, В. Пословицы и поговорки русского народа / В. Зимин, А. Спирина // Большой объяснительный словарь. – М.: Феникс, 2008.

Русско-корейский словарь. – Сеул: Ил Нём, 2007.

Фелицина, В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения (лингвокультурологический аспект) / В.П. Фелицина, Ю.Е. Прохоров. – М., 1979.

Культурная составляющая ономастикона и способы его комментирования в учебнике русского языка как иностранного

Потребность в изучении русского языка возникла ещё давно, в эпоху становления многонационального Российского государства. В настоящее время спрос на качественное образование на русском языке значительно возрос. Это связано со стремительным развитием России как промышленного, культурного и туристического партнёра и, как следствие, более тесной интеграции её в мировое сообщество.

История преподавания русского языка как иностранного в России насчитывает более 1000 лет. В наши дни развиваются исследования, ориентирующие преподавателя на обучение межкультурному общению и отражающие интерес учащихся к культуре и образу жизни носителя языка.

Особенно интенсивное развитие получило лингвокультурологическое направление исследований языковых единиц и лингвострановедческий подход в методике, ориентирующий преподавателя на обучение межкультурному общению и удовлетворяющий интерес учащихся к культуре и образу жизни носителя языка.

В рамках лингвострановедения был разработан такой тип знакомства иноязычных учащихся с русской культурой, когда преподаватель идет от фактов языка к фактам культуры. При этом культуроведческая информация извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения на занятиях становятся особенности отражения в языке культуры его носителей.

Вторая тенденция в изучении взаимосвязи языка и культуры предполагает путь от фактов культуры к явлениям языка. Взаимодействие языка и культуры в рамках этого направления изучается в новой области языкоznания – лингвокультурологии (Пассов 2000, с. 20).

С лингвокультурологической точки зрения информативным является ономастический материал. По мнению В.А. Ражиной, как языковые знаки, неотделимые от соответствующей лингвокультуры и процессов коммуникации, онимы приобретают прагматическую значимость – способность передавать различные типы эмоциональных и интеллектуальных оценок (Ражина 2006, с. 65). Значит, огромный культуроведческий потенциал ономастикона должен в полной мере раскрываться на занятиях языком, в учебниках и словарях русского языка, ориентированных на иноязычных учащихся.

Отсюда следует, что учебники русского языка как иностранного (РКИ) должны включать значительное количество онимов, обладающих этно-культурным фоном. Рассмотрим два учебника, которые относятся к наиболее востребованным при изучении РКИ на базовом этапе (1 сертификационный уровень) – Ю.Г. Овсиенко (Овсиенко 2006, кн. 1, 2) и А.П. Шумилиной (Шумилина 2006).

Проанализировав культурно детерминированные онимы, употреблённые авторами учебников, мы получили следующие результаты.

1. В учебнике Ю.Г. Овсиенко представлены 133 ономастические единицы, включающие фоновую информацию о культуре России, что составляет 88% от общего числа употреблённых онимов (152).

2. В учебнике А.П. Шумилиной мы обнаружили 106 онимов, несущих фоновое культурное знание. Это составляет 82% от общего количества употреблённых автором имён собственных (всего – 129 онимов).

Культурологическая информация, которую содержат онимы, представленные в учебниках РКИ указанных авторов, сосредоточена в сферах духовной и материальной культуры, русской природы, истории России, ее государственности, экономики, научно-технических достижений. Онимы способны воссоздать своеобразную ономастическую «картину русского мира». Объём культурологической информации, отраженной в оимах, огромен, но не вся она раскрывается авторами.

Как отмечает А.В. Суперанская, оним обладает способностью передавать значимую для реципиента информацию, однако он способен сделать ту же информацию закрытой для «непосвященных» или инокультурных восприемников, поскольку имена собственные – это всегда специфические реалии, относящиеся к фоновой лексике (Ономастика 1969, с. 4).

Значит, только лишь само употребление имён собственных в текстах и упражнениях не даёт возможности обогащения культурного опыта иностранца, изучающего русский язык. Для этого каждый оним должен так или иначе комментироваться в лингвострановедческом / лингвокультурологическом плане.

Однако анализ учебников показывает, что онимы здесь в большинстве случаев лишь сопутствует другому языковому материалу и крайне редко их культурный фон раскрывается в ходе комментирования.

Основным способом репрезентации онимов в учебнике Ю.Г. Овсиенко является лексикографический метод: в конце страницы даются сноски, на родном языке учащихся поясняющие встретившиеся в текстах упражнений онимы. Подобных сносок в данном учебнике 39, например: *Санкт-Петербург, a city on the Neva river, founded in 1703 by Peter I*). В учебнике же А.П. Шумилиной данный вид комментирования не представлен.

Ещё одним популярным методом изъяснения национально-культурной семантики онима является текстовое описание обозначаемой реалии, построенное по типу лингвострановедческого комментария. Например, «...В сибирской части России есть озеро Байкал. В его чистейшей воде живут удивительные животные...» (Шумилина 2006, с. 321). Подобным образом комментируется 21 оним в учебнике Ю.Г. Овсиенко (*Н.И. Пирогов, П.И. Чайковский, Сибирь* и т.д.) и 10 онимов в учебнике А.П. Шумилиной (*М.Ю. Ломоносов, А. Бородин, Кремль* и проч.). Данный метод информативен и позволяет подробно описать культурную реалию, но, вероятно, формат учебника не позволяет использовать его широко.

Не менее популярным оказался метод остеосивного (с непосредственной демонстрацией объекта) комментирования. Рассматриваемый метод комментирования используется Ю.Г. Овсиенко для 39 единиц (*Е.Р. Дашикова, Третьяковская галерея, Красная Площадь и т.д.*), а в учебнике А.П. Шумилиной – для 63 единиц (*Санкт-Петербург, Кремль, М.Ю. Ломоносов и т.п.*).

В заключение заметим, что основная задача лингвокультурологии применительно к ономастикону состоит в исследовании и описании механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие онимов как единиц естественного языка с народной культурой. Результатом действия этого механизма является презентация онимами культурной семантики и тем самым – выполнение ими функции вербализованных знаков культуры. В большинстве же случаев упражнения, включающие онимы, не предусматривают работы ни над их этимологией, ни над раскрытием культурного фона. Таким образом, культурная составляющая семантики имён собственных в рассмотренных учебниках остаётся востребованной не в полной мере, что позволяет говорить о необходимости совершенствования приемов лингвокультурологического комментирования ономастического материала в учебнике РКИ.

Овсиенко, Ю.Г. Русский язык. Средний этап обучения: учебник (для говорящих на английском языке). Кн. 1 / Ю.Г. Овсиенко. – М.: Русский язык, 2006.

Овсиенко, Ю. Г. Русский язык. Средний этап обучения: учебник (для говорящих на английском языке). Кн. 2. / Ю.Г. Овсиенко. – М.: Русский язык, 2006.

Ономастика: сб. статей Института языкоznания Академии наук СССР; под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1969. – 260 с.

Пассов, Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур / Е.И. Пассов. – Липецк, 2000. – 147 с.

Ражина, В.А. Ономастические реалии в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах / В.А. Ражина // Язык в контексте социально-правовых отношений современной России. – Ростов-на-Дону: РГЭУ "РИНХ", 2006. – С. 317-320.

Шумилина, А.П. Русский язык для работы с иностранцами: учеб. пособие / А.П. Шумилина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 456 с.

М.А. Сердюк

Традиционные культурные смыслы лексемы «дурак» (на материале русской народной волшебной сказки)

Семантические исследования языка фольклора привели ученых к выводу, что фольклорное слово является не только знаком понятия или реалии, но и знаком традиционного смысла, что многие фольклорные лексемы содержат смыслы, зависящие от отношений и свойств традиции (Червинский 1989), живут двойной жизнью: как обозначение вещного мира и как символы, знаки традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений (Никитина 1993). Исследование спо-

собов репрезентации картины мира в фольклоре позволило ввести в терминологический аппарат лингвофольклористов понятие «культурных смыслов» – носителей вторичной символической семантики (понятие разработано основателем Воронежской школы лингвофольклористов профессором Е.Б. Артеменко (Артеменко 2004)). Традиционные культурные смыслы составляют содержательную основу фольклорной картины мира. Они имеют сложную, иерархически организованную структуру. Их структурная организация находит отражение в вербальной субстанции фольклора, задает специфические отношения между вербальными единицами фольклорного текста и является системообразующим фактором фольклорно-языковой картины мира (Черванева 2009, с. 192).

Между словом и смыслом в фольклоре нет прямых соответствий. Как отмечает П.П. Червинский, «традиционный смысл – член не одной парадигмы и носитель не одного грамматического значения» (Червинский 1989). Е.Б. Артеменко подчеркивает: «...один смысл получает выражение в нескольких языковых единицах, а один языковой факт репрезентирует различные смыслы» (Артеменко 2003, с. 13).

Таким образом, один и тот же культурный смысл в фольклорном тексте способен передаваться различными лексемами. Например, традиционный смысл «свой» может передаваться в народной лирике лексемами «дом», «сад», а в сказке на микрокосмическом уровне лексемами «дом», «изба»; смысл «чужой» соответственно лексемами «роща», «лес», «поле» в лирической песне и «лес», «море» в сказке.

Становясь носителем традиционного культурного смысла, фольклорное слово существенно трансформирует свою семантическую структуру. Развитие у слова вторичных культурных смыслов «сопровождается подавлением, деактуализацией его собственного лексического значения» (Артеменко 2004, с. 6). И.С. Клиmas считает, что «традиционные культурные смыслы образуют в семантической сфере вербальной единицы второй, иерархически более высокий семиотический слой, подавляющий ее собственно лексическое (денотативное) значение» (Клиmas 2009, с. 77).

В настоящей статье мы ставим целью описать своеобразие семантики лексемы «дурак» в текстах русской волшебной сказки посредством выявления репрезентируемых данной лексемой традиционных культурных смыслов. Материалом для анализа послужили авторитетные с научной точки зрения собрания сказочного фольклора: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева (подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа); Русские народные сказки (составитель Т.А. Ведехина); Русские народные сказки (составитель Э.В. Померанцева). Примеры приводятся с сохранением орографических и пунктуационных особенностей цитируемого текста.

Сказки о дураках представляют собой особую категорию сказочных сюжетов, а образ дурака (Ивана, Емели, Ванюшки и др.) является в русской народной волшебной сказке одним из ключевых. Он глубоко и разносторонне разработан в отечественной фольклористике (работы Д.С. Лихачева, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, А.Д. Синявского и др.). В сказочном

тексте образ дурака получает языковую объективацию посредством субстантивов *дурак*, *дурачок*, *дурень*, *урод*, *олух*, *балда*, *простота*, *неуч*. Лексемы «*дурачок*» и «*дурень*» являются морфологическими вариантами лексемы «*дурак*», так как не имеют семантических различий и реализуют те же значения (в том числе и традиционные культурные смыслы), что и слово «*дурак*». Остальные номинации образа сказочного дурака являются текстовыми синонимами лексемы «*дурак*» и позволяют детализировать оттенки значения анализируемой вербальной единицы в том или ином контексте. Говоря о своеобразии языковой объективации образа дурака в текстах волшебной сказки, нельзя не акцентировать внимание на именах собственных, поскольку в волшебной сказке имя персонажа семантически чрезвычайно значимо. По мнению С.Ю. Неклюдова, «природа персонажа в ее этически неоднозначных проявлениях определяет его имя, заменяющее внешнее описание» (Неклюдов 1972, с. 200). По справедливому замечанию О. Фрейденберг, «герой делает только то, что семантически сам означает» (Фрейденберг 1936, с. 249). Лексема «*дурак*» часто фиксируется в имени персонажа в качестве приложения, например *Иван-дурак*, *Емеля-дурак*, что отражено и в названии сказки (*Про Емелью-дурака*, *Про Ванюшку-дурака* и др.). Таким образом, лексема «*дурак*» является основным репрезентантом образа дурака в волшебной сказке и потому представляет особый интерес для исследования.

Материал исследования показал, что лексема «*дурак*» реализует в волшебной сказке свое общеязыковое значение «глупый, тупой человек» (МАС 1981), например:

«А его увезли к царю. И мы думаем, что он оттудова убежал, и, наверно, запутался в этом темном лесу, потому что он был дурак и не имеет никакого понятия». – «Так зачем же дурака вам разыскивать?» «Как же нам его не разыскивать? Ведь он нам родной брат, и мы его жалеем пуще, как сами себя, потому что он убогий, глупый человек» (Вендина. Про Емелью-дурака, с. 139).

В данном примере семантика лексемы «*дурак*» выявляется посредством анализа лексического окружения – «не имеет никакого понятия», «глупый человек». В следующем примере сема «глупый, недалекий, ограниченного ума человек» в семантической структуре лексемы «*дурак*» выявляется в результате противопоставления: на это указывает антоним «умные»:

Жил старик со старухою; у них было три сына: двое умных, третий дурак (Афанасьев. № 182).

Отсутствие интеллектуальных способностей у дурака поддерживается употреблением лексемы «неуч», что также свидетельствует о наличии в тексте волшебной сказки у лексемы «*дурак*» значения «глупый человек»:

А царь закричал на дурака: «Это что за неуч!» (Афанасьев. № 183).

Однако данное значение не является для лексемы «*дурак*» в сказочном тексте основным. Анализ языкового материала привел нас к выводу о том, что она несет на себе большую семиотическую «нагрузку», являясь репрезентантом правого – отрицательного – члена универсальной семиотической оппозиции «свой – чужой». Аргументируем выдвинутое положение.

Фундаментальная оппозиция «свой – чужой» составляет центральную ось взаимодействия человека с миром и составляет основу всех типов моделей культуры. Согласно исследованиям отечественных ученых, в русской традиционной культуре она находит выражение в трех основных аспектах: в мифологическом, в религиозно-этическом, в социальном. Для волшебной сказки рассматриваемая оппозиция является магистральной, «потому что она моделирует соотношение героя с его врагами» и проецируется в мифическом плане как «человеческий – нечеловеческий», а в социальном плане как «родной – неродной» (Мелетинский 2001, с. 36-37). Применительно к анализу семантики лексемы «дурак» на материале волшебной сказки особый интерес для нас представляют проекции оппозиции «свой – чужой» в мифологическом и социальном планах. Рассмотрим примеры:

Экой ты дурак! Ведь ты жил у брата моего, и взял племянницу мою. И она вчера была у меня на совете. На что ты надел на нее самоцветное платье? Она бы жила-жила у тебя, не надевал бы – говорит – на нее! (Вендина. Портупей – Прапорщик, с.119). Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Сел он к лошадиной голове задом, а к лошадиному заду передом. Взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятия над ним смеются (Афанасьев. № 182).

В приведенных контекстах слово «дурак» не содержит значения оценки интеллектуальных способностей сказочного героя, оно используется для номинации лица, которое ведет себя не так, как принято в социуме, чье поведение не вписывается в некий известный обществу стандарт, то есть реализует сему «чужой». Настоящее значение не является прерогативой сказочного текста, оно реализуется и в просторечии, что убедительно показала в своих исследованиях Ф. Фархутдинова (Фархутдинова 2000, с. 142). Однако в сказочном тексте оно актуализируется и модифицируется: сказочный дурак отмечен связью со сферой сакрального: он, в отличие от умных братьев, вступает в той или иной форме в контакт с «иным» миром, совершает необъяснимые с практической, профанной точки зрения поступки:

Ты прямо, Емеля,творишь у нас какие-то чудеса. Почему у тебя все двигается, и сани ездят сами, и печь сама летает? А почему у людей этого нет?» – «Да, нет и не будет. А меня все слушаются» (Вендина. Про Емелю-дурака, с.137). Но невестки ему говорят: «Что ты, дурак, думаешь и делаешь? Где слыхано, чтоб люди ездили на печи?» – «То люди, а то я. Я поеду» (Вендина. Про Емелю-дурака, с.136).

Доминирующими для сказочного «чужого» («иного») мира выступают определения «сверхъестественный», «необычный»: «Сказочная композиция в значительной степени построена на наличии двух миров: одного реального, здешнего, другого волшебного, сказочного, то есть нереального мира, в котором сняты все земные и царят иные законы» (Пропп 2000, с. 216). Следовательно, в русской волшебной сказке мифологическая оппозиция «человеческий – нечеловеческий» трансформируется в собственно сказочную оппозицию «реальный – волшебный», и если первая оппозиция характерна для традиционной картины мира в целом и является общефоль-

клорной, то вторая рождается в тексте сказки и имеет статус собственно сказочной оппозиции.

Связь дурака с миром сакрального (в данном случае волшебного) подчеркивается лексемой «чудеса», противопоставлением «то люди, а то я». Напомним, что умственные аномалии (отклонения от человеческой нормы) воспринимались на Руси как знак сакрального, свидетельство избранничества, признак сверхъестественного существа, что также находит отражение в образе дурака.

Итак, лексема «дурак» в волшебной сказке характеризуется наличием значения «сакральный» и может рассматриваться как один из репрезентантов оппозиции «профанный – сакральный», являющейся дериватом мифологической оппозиции «человеческий – нечеловеческий».

В сознании русского человека всегда доминировала ценность кровнородственных связей и ценность «своего» демографического пространства, архетипически противопоставленного «чужому». Инициальные сказочные формулы ярко свидетельствуют о том, что сказочный дурак в родной семье – самое отверженное существо:

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо – в черной сорочке ходил (Афанасьев. № 184).

Все это дает основание сделать вывод, что лексема «дурак» в сказочном тексте реализует значение «неродной». Подобный вывод подтверждается использованием лексемы «урод» в качестве синонимической замены слова «дурак» (этимологический анализ лексемы «урод» свидетельствует о наличии приставки *у-* (*вы*), которая передает идею отрицания, буквально: «вне рода»), например:

Царь опять собирает народ. Да. Значит, опять эти братья собираются глядеть.

Дурак просится:

– Я поеду посмотреть.

– Куда тебе, урод! (Померанцева. Про Ванюшку-дурака, с. 125).

Наши мужья привезли свинку золотую щетинку, а твой-то дурак, посмотри-ка, посмотри, каким уродом нарядился! (Афанасьев. № 183).

Показательно, что лексема «урод» используется только в речи персонажей (членов семьи – братьев и их жен) и не используется в речи повествователя. Этот факт также подчеркивает «неприятие» дурака в семье, а следовательно, наличие в семантической структуре лексемы «дурак» семы «неродной» («чужой»).

Таким образом, лексема «дурак» в волшебной сказке, помимо общеязыкового значения «глупый человек», реализует традиционный культурный смысл «чужой», конкретизирующийся как «сакральный» и «неродной».

мир: сб. материалов науч. конф. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2003. – Вып. 5. – С. 7-21.

Артеменко, Е.Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление / Е.Б. Артеменко // Традиционная культура. – 2004. – № 3. – С. 3-12.

Клиmas, И.С. К проблеме фольклорной синонимии / И.С. Клиmas // Дело всей жизни: сборник научных трудов; ред. кол. С.И. Доброда (отв. ред.), В.А. Черванева. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 74-82.

Мелетинский, Е.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал // Структура волшебной сказки. – М.: РГГУ, 2001. – С. 11-121.

Неклюдов, С.Ю. Особенности изобразительной системы в долитеатурном повествовательном искусстве / С.Ю. Неклюдов // Ранние формы искусства: сборник статей. – М., 1972. – С. 191-220.

Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М: Наука, 1993. – 385 с.

Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп // Собрание трудов В.Я. Проппа; научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 2000. – 333 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981. – 696 с.

Фархутдинова, Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа russкости / Ф. Фархутдинова. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. – 204 с.

Фрейденберг, О. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы / О. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997.

Черванева, В.А. Традиционный культурный смысл как системообразующий фактор фольклорно-языковой картины мира / В.А. Черванева // Дело всей жизни: сборник научных трудов; ред. кол. С.И. Доброда (отв. ред.), В.А. Черванева. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 191-198.

Червинский, П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 224 с.

О.В. Ускова

Гендерно маркированные паремии и их динамика в лингвокультурологическом аспекте

Изучение пословиц и поговорок русского народа всегда было чрезвычайно важным как для литературоведов, так и для культурологов и лингвистов. Являясь своеобразными накопителями и трансляторами народной мудрости, опыта и знания русских людей, паремии несут в себе богатейшую информацию об особенностях мировосприятия русского народа, особенностях его отношения к жизни. В настоящее время эти этнокультурно маркированные единицы активно изучаются в лингвокультурологическом аспекте. На основе их анализа воссоздается представление русского человека о мире и о самом себе. Пословицы воплощают жизненную мудрость: через четкость и лаконичность формы в них раскрывается важный смысл, который пришлось бы долго расшифровывать в свободной текстовой форме.

Большой интерес в лингвокультурологическом плане представляет динамика гендерно маркированных паремий. Их исследование позволит выявить важные аспекты этнокультурного содержания старинных русских пословиц, отражающих «женский» и «мужской» мир, и гендерную специфику современных пословичных трансформов.

Гендерный подход основан на идеи о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям. Основой гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ доминирования, утверждаемого в обществе через гендерные роли и отношения. Особый интерес представляют динамические процессы в сфере гендерно маркированных паремий, касающихся молодых девушек и юношей, еще не вступивших в брак.

В соответствии с народными гендерными стереотипами, девушка должна держать себя на людях скромно и смиленно, избегать смеха, болтовни, кокетства, но пословицы зачастую описывают и другой тип поведения девушки, предоставляя ей некоторую свободу: в отличие от замужней женщины или от юноши девушке можно погулять, поспать, поплясать: *Девкою полна улица, женою полна печь* (Даль 1995, с. 532); *Девка пляшет, сама себя красит* (Даль 1995, с. 133). Конечно, поведение современных девушек изменилось на порядок, и у родителей уже другие проблемы: *Девушка не воробей: залетит – мало не покажется!; На позиции – девушка, а с позиции – мать* (Вальтер 2005, с. 123).

Обнаруживается некоторый, говоря условно, кодекс правил для мужчины, в котором жестко осуждается мужская безнравственность, сексуальная распущенность. Отрицательно оцениваются такие черты характера у молодых людей, как отсутствие интеллекта, хвастовство, неумеренная погоня за модой, лень, пьянство, неудачливость: *Молодец гуляй, да сам себя знай* (Даль 1995, с. 407). Отметим, что в настоящее время пословицы фиксируют иное отношение к пьянству: *Не перепились еще на Руси богатыри – добры молодцы* (Вальтер 2005, с. 268).

Особая тема – общение девушек с молодыми людьми. Здесь подчеркивается непостоянство девушек: *Гонят девка молодца, а сама прочь нейдет* (Даль 1995, с. 332); кокетство и некоторая навязчивость молодых особ: *Девушка что тень: ты за ней – она от тебя, ты от нее – она за тобой* (Спирин 1985, с. 114). Мало что изменилось и в настоящее время: *Если женщина сказала «Нет», не торопитесь с выводами: это может означать «Да»* (Вальтер 2005, с. 165); *Девушка как пачка сигарет: один открывает, а другие пользуются* (Вальтер 2005, с. 122). Сегодня девушки знают себе цену: если раньше говорили: *Девичий стыд до порога: как переступила, так и забыла* (edu.rin.ru), то сейчас: *Я девушка порядочная, потому и дорогая* (Вальтер 2005, с. 123); *Почем вы, девушки, красивых любите?* (Вальтер 2005, с. 122). Как правило, поведение молодых людей заметно менялось перед свадьбой: *Стройно молодец ходит, женится хочет*

(Спирин 1985, с. 141); *На молодой жениться – с молодцами не водиться* (Даль 1995, с. 284).

Представлены в пословицах и «педагогические рекомендации» – советы родителям, воспитывающим девушку: *Девушка – не береженый товар, скорей сбывай* (Спирин 1985, с. 180). В свою очередь, девушка должна была осознавать свою полную зависимость от воли родителей, и в первую очередь, от строгих отцов: *Покрасуйся, девушка, до святой воли батюшкой* (Даль 1995, с. 239). Сегодня воспитание уже не играет такой роли, как раньше: *Девушке труднее всего вспомнить, что она хорошо воспитана* (Вальтер 2005, с. 12).

Таким образом, можно сделать вывод, что материал пословиц позволяет реконструировать гендерные стереотипы, сложившиеся в русской лингвокультуре, и проследить их динамику в настоящее время.

Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб., 2005.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Т. 1-4. – М., 1995.

Спирин, А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения / А.С. Спирин. – Ростов-на-Дону, 1985.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Н. Коннова

Аксиология дня как основы восприятия повседневности в русской и английской языковых картинах мира

Повседневность представляет собой одно из базовых проявлений категории времени как «творение тех жизненно-бытийных универсалий, которыми наполняется любое, отдельно взятое человеческое существование» (Марковцева 2008, с. 111). Целью настоящей статьи является исследование языковых особенностей выражения аксиологической семантики *дня* в русском и английском языках в диахронии.

Рассмотрим семантические особенности ключевых лексем-номинаций исследуемой категории. Для древнерусских прилагательных со значением “повседневный” была характерна нейтральная коннотация: ср. *повседен-ный* («ежедневный, повседневный», напр.: *Сън [сон] бо ничтоже ино есть, разве смерть временьна и повсденная кончина*, XV век), *повсе(я)дневный* («ежедневный; обычный, будничный, непраздничный», напр.: *И оболочися в платье повседневное*, XVI век) (СлРЯ 1989, с. 175). В английском языке существительное *everyday* (вторая половина XIV века) и образованное от него путем конверсии прилагательное *everyday* (XVII век) имели нейтрально-маркированные значения «каждый очередной день», «относящийся к каждому дню, каждодневный; относящийся равно к воскресным и будним дням», напр.: “*An every-day care for the drying up the great fountain of leprosie in the heart*” / «Каждодневный труд очищения нашего сердца от скверны» R. Hammond, 1648) (Oxford English Dictionary 2009).

Нейтрально-маркированные лексемы-маркеры повседневности приобретают качественные характеристики в зависимости от деятельности, наполняющей время, причем смыслообразующим началом в структурировании разнородного содержания повседневности являются ценности (Шевцова 2004, с. 37-38, 41): «Ценностное видение обладает способностью определять качество. В ценностном зерне заключена воля, как непреодолимая жизненная энергия, направленная на культурное творчество. Вне духовности творчество ценностей культуры невозможно» (Шевцова 2004, с. 103). Ценности, по М. Веберу, имеют исторический характер: человек в своей деятельности руководствуется тем, что в данную эпоху воспринимается как ценность (Найденова 2003, с. 13-14).

Система морально-этических ценностей, сложившаяся в странах Европы, основана на христианском вероучении. По словам Ф. Броделя, «христианство Запада было и остается важнейшей составной частью европейской мысли... В течение всего исторического развития Запада христианство оставалось в центре цивилизации, было его движущей силой» (Бро-

дель 2008, с. 328). В православной России, по мысли И.А. Ильина, все бытие и вся история народа осмыслялись как «самостоятельное и своеобразное служение Богу: приятие даров Святого Духа и введение их в национальную культуру» (Ильин 1996, с. 18).

Аксиологическая насыщенность каждого мгновения бытия как *дара Божия* обуславливает неповторимую ценность каждого *дня* и предотвращает обезличивание повседневности: «*На этом дне – Божие благословение, он – Божий собственный день...* Ты поставлен в этом дне, чтобы быть присутствием Господа, присутствием Христа, присутствием Святого Духа... – вот твоя функция в этом дне... и если ты во имя Божие идешь через весь день, который ты принял свежим и новым из Его собственных рук, с Божиим благословением на то, чтобы прожить его, то тем самым молитву и жизнь можно подлинно обратить в две стороны одной монеты» (Митрополит Антоний 2003, с. 103-106). Непреходящее ценностное начало христианской веры направляет все многообразие проявлений повседневности, придает положительный смысл человеческому существованию и является той «вертикальной» осью координат, которое соединяет земную «горизонтальную» направленность повседневности с вечностью.

Основы аксиологии христианского восприятия времени жизни раскрываются в текстах Священного Писания. Как отмечает Н.М. Орлова, «количества обращений к прецедентным феноменам библейского истока на протяжении длительного времени практически не поддается исчислению, Библия представляет собой сверхтекст, оказавший влияние на формирование когнитивной и художественной картины мира носителей многих языков» (Орлова 2008, с. 126).

Ярким примером языкового выражения категориальной взаимосвязи повседневности и вечности через труд и молитву является русская лексема *будень*, значение которой восходит к когнитивной матрице (термин Н.М. Орловой) – церковнославянскому тексту Евангелия об ожидании Суда Божия: “*Блюдите, будите и молитесь: не весте бо, когда время будет. Яко же человек отходя оставил дом свой, и дав рабом своим власть, и комуждо дело свое, и вратарю повеле, да будит. Будите убо: не весте бо, когда господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро: да не пришед внезапу, обрящет вы спяща. А яже вам глаголю, всем глаголю: будите*” (Мк. 13: 33-37).

В приведенной притче говорится, что господин «дал каждому свое дело. Поэтому, каждый из нас должен не только управлять домом Божиим, то есть ниспосыпаемыми нам житейскими благами, согласно с волей Божией, но и делать свое дело так, чтобы во всякое время быть готовым дать отчет грядущему Судье. У каждого из нас есть свое дело, своя служба, своя работа...; каждый занят своим делом, порученным ему Богом, и должен дать отчет в нем: так ли вел свое дело, как Богу угодно?» (Гладков 2000, с. 576): «*И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения*» (Ин. 5: 29).

Значение лексемы *будень* основано на положительно-маркированном метонимическом переносе: *будень* есть *время бдения*: *будень* (укр. *буддень*) – из именного словосочетания **будьнь дънь* (ср. польск. *budny dzień* «будний день»), буквально «день бдения» от *будьнь* – *budzić*, русск. *будить*, ср. болг. *буден* «бодрый, бдительный», словен. *búdn* «бодрый, веселый» (Фасмер 1986, с. 229). Глагол *бдеть* и его производные имеют два взаимодополняющих значения: 1) *бдение* – бодрствование, провождение времени без сна и производное от него (*всенощное*) *бдение* – церковная служба, в которой вечерня соединяется с утреней; 2) *бдение* – попечение, рачение, заботливость, ср. *бдеющий / бдящий* – пск. старательный, рачительный, усердный к работе (Даль 1956, с. 57). В совокупности семантические компоненты ‘бодрствование как противоположность праздности’, ‘молитва’ и ‘дело’ составляют значение возникшего в XVIII веке собирательного существительного *будни* как *времени труда*: «*будень, будни* – не праздник, рабочий день, не праздничный, простой: *Не знаешь праздника, так знай хоть будни*» (Даль 1956, с. 136).

Метонимическое восприятие повседневности через дело / труд лежит в основе значения лексем-номинаций исследуемой категории в английском языке: *working days* («*будни*»), *everyday working life* («*повседневность*»).

Отказ от христианской веры как источника творческого начала и подлинного критерия ценностей привел европейскую цивилизацию к мировоззренческому кризису. Категория ‘вечность’, занимавшая на протяжении веков центральное положение в понимании повседневности, постепенно вытесняется на периферию и становится абстрактной, оторванной от земной жизни человека; повседневный труд теряет аксиологически маркированную составляющую ‘служение Богу и ближнему’. На языковом уровне данный когнитивный сдвиг отражается в изменении коннотации лексем *everyday / будни* первоначально в английском, а затем и в русском языках.

Во второй половине XVIII века в семантике прилагательного *everyday* возникает новое значение “*to be met with every day; common, ordinary*” («*встречаемый каждый день; обиходный*»), нередко с отрицательной коннотацией “*commonplace, mediocre, inferior [of people and their attributes]*” («*обычный, средний, худший*»), напр.: “*Things of common concern... make no slight impression on everyday minds / Общественные интересы не затрагивают повседневные умы*” (W. Shenstone, 1763). В середине XIX века (1862 г.) появляется существительное *everydayness / повседневность*, которое нередко употребляется как синоним существительному *commonplace-ness / банальность* (Oxford English Dictionary 2009).

В английском и русском языках с середины XIX века входят в употребление отрицательно маркированные словосочетания *dull everydayness / се-рые будни*, напр.: “*Their dull 'everydayness'*” (M.E. Durham, 1904) (Oxford English Dictionary 2009); «*Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями*» (И.А. Гончаров, 1855); «*Привычные явления се-рых будней истории ускользали от духовного взора историков, как явле-ния, не заслуживающие серьезного внимания*» (Л.С. Аксельрод, 1919);

«Но, когда вся разрушительная часть была кончена и должна была начаться созидающая, подъем у всех сразу упал, точно кончился праздник и наступили *серые будни*» (П.С. Романов, 1922) (Национальный корпус русского языка 2009).

В основании приведенных словосочетаний лежит процесс когнитивной метафтонимии. В словарных определениях переносного значения лексем *dull / серый / сумерки* центральными являются семы «отрицательный», «отсутствие яркого чувства» (*dull* “boring”; *серый* “ничем не замечательный”, *сумеречное время* “о смутной поре, безвременье”); в буквальном значении *dull / серый / сумерки* указывают на нехватку света (“not clear, bright or shiny”; “пасмурный”). Метонимическая связь *полутьмы* (в качестве источника) и отрицательного психологического состояния (в качестве цели) обуславливает привнесение в домен темноты оценочного критерия, лежащего в основе метонимии *темный* (источник) вместо *отрицательного суждения о темном* (цель). Метафора *негативное – это темнота* является дальнейшим обобщением метонимии. Отрицательная маркированность приведенных словосочетаний свидетельствуют о внутренней неудовлетворенности носителей языка содержанием будничной жизни.

Причина этой неудовлетворенности – во внутренней оторванности повседневного труда от преображающей силы веры, любви и смирения, которые «были безошибочными путеводителями людей в бушующем житейском море и вели за собой в жизнь истину, искренность и простоту. ... Великие идеалы чистоты и святости порождали желание жить и трудиться во имя этих идеалов, а смирение вознаграждало тружеников силой от Бога к свершению их» (Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина 2006, с. 9).

Исследование аксиологии *дня* как основы восприятия повседневности показало, что освященное христианской верой восприятие жизни как *дара Божиего*, данного для приобретения вечности служением Богу и ближнему, в течение многих столетий предотвращало обезличивание *будней*, наделяло *каждый день* непрходящей ценностью. Секуляризация общественного сознания в XVIII-XX веках привела к трансформации содержательной структуры категории ‘повседневность’ – отрыву её от вечности и изменению семантики *будней*, что особенно ярко выразилось в коннотации метафтонимических словосочетаний *dull everydayness/ серые будни*.

-
- Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – М., 2008. – 552 с.
- Гладков, Б.И. Толкование Евангелия / Б.И. Гладков. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. – 768 с.
- Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах / В. Даль. – М., 1956. – 699 с.
- Ильин, И.А. Собрание сочинений: В 10 томах / И.А. Ильин. – Том 6. – М., 1996. – 560 с.
- Марковцева, О.Ю. Повседневность как бытие человека / О.Ю. Марковцева // Вестник Омского государственного университета. – 2006. – № 6. – Т. 1. – С. 111-117.
- Митрополит Антоний Сурожский (Блум). Учитесь молиться! – Клин, 2003. – 158 с.

Найденова, Л.П. Мир русского человека XVI-XVII вв. (по Домострою и источникам права) / Л.П. Найденова. – М., 2003. – 208 с.

Национальный корпус русского языка. – <http://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 25.03.2009

Орлова, Н.М. Прецедентная ситуация ветхозаветного истока в пространстве текста / Н.М. Орлова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Тамбов, 2008. – С. 126-128.

Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). – Печоры, 2006. – 511 с.

Словарь русского языка XI-XVII веков. – Вып. 15. – М., 1989 (СЛРЯ).

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах / М. Фасмер. – Т. 1. – М., 1986. – 576 с.

Шевцова, Н.П. Культура как система ценностей / Н.П. Шевцова. – М., 2004. – 205 с.
Oxford English Dictionary. – <http://dictionary.oed.com>. Дата обращения: 31.03. 2009.

И.П. Конопелько

Некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте

Межкультурная коммуникация является одним из прогрессивно развивающихся направлений как за рубежом, так и в современной России. Она представляет собой процесс непосредственного взаимодействия культур, который осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления, что влияет на взаимопонимание и взаимоотношения между общающимися сторонами. В настоящее время небывалую остроту приобрела актуальность всех вопросов, связанных с эффективностью межкультурной коммуникации, главным условием которой является взаимопонимание культур, терпимость и уважение к культуре партнёров по общению.

В нашей стране проблемы межкультурной коммуникации находятся в фокусе внимания многих исследований (например, Центр коммуникативных исследований Воронежского ГУ под руководством профессора И.А. Стернина, который был создан в 2002 г. как межрегиональный центр координации исследований в области коммуникативной проблематики). Профессор И.А. Стернин внес огромный вклад в науку о коммуникативном поведении народов мира. В своей книге «Введение в речевое воздействие» он рассматривает понятия культурного и коммуникативного шока. Культурный шок определяется как «осознание резкого расхождения материальных или духовных культур двух народов, проявляющееся в условиях личностного, непосредственного контакта представителей одной культуры с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым отторжением с позиций собственной культуры». Под термином коммуникативный шок И.А. Стернин понимает «резко осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов,

проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и вызывающее удивление, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры» (Стернин 2001, с. 153).

В процессе межкультурного общения представители разных народов демонстрируют не только общие черты, но и отличия. Последние касаются как общей манеры, стиля общения, присущих разным народам, так и различий в общении в тех или иных коммуникативных ситуациях. Можно выделить доминантные особенности коммуникативного поведения народов, то есть такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть в идеале – вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д. В доминантных особенностях коммуникативного поведения проявляются наиболее яркие национальные черты общения того или иного народа.

В нашей статье мы предприняли попытку проанализировать некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте.

Для французского коммуникативного поведения не характерна такая черта, как соборность, она в большей степени присуща русскому коммуникативному поведению. Французы не учитывают мнения окружающих. Любой француз, независимо от возраста и социального статуса, ведет себя так, как считает нужным. Например, ожидая прибытия поезда на вокзале, француз может сесть на пол, если все сидячие места заняты. Это не означает неуважения к окружающим, это реализация права на собственное поведение по своему разумению.

Русские, напротив, очень зависимы от мнения окружающих. Фразу «что люди скажут» можно услышать от каждого русского по тому или иному поводу. Поэтому мы, в отличие от французов, не будем сидеть на полу на вокзале, поскольку не хотим ловить на себе недоумевающие или откровенно осуждающие взгляды прохожих.

Проявляется уважение французов к окружающим в общественных местах. Так, в поездах Франции не принято разговаривать по мобильному телефону в вагоне. Если это необходимо, то француз выйдет в тамбур. Русская культура, к сожалению, не предусматривает такого поведения; это же касается поведения русских в театре или на общественном собрании: несмотря на предупреждение о недопустимости громкой связи, телефоны все равно продолжают звонить в самый неподходящий момент.

Следующей доминантной чертой в общении, на наш взгляд, является отсутствие у французов душевности в социальных отношениях. Французы не стремятся установить неформальные отношения в коллективе. У французов мало информации о личной жизни коллег, и они не стремятся ее узнать. На работе прежде всего ценятся профессиональные качества, уровень образования. Последнее особенно ценно. Француз считает, что тот факт, что человек окончил вуз и получил высшее образование, достойно

уважения и положительного к нему отношения. Если после окончания вуза человек продолжает учебу (например, учеба в аспирантуре), то это достойно восхищения. Французы очень хорошо относятся к образованным людям, всячески поощряют желание повышать свой профессиональный уровень.

В России тоже хорошо относятся к образованным людям, но это не гра-ничит с восхищением. Отчасти это объясняется тем, что процент русских, получивших высшее образование, гораздо выше, чем процент французов, а, как известно, то, что есть в избытке, не ценится должным образом. Рус-ские стремятся к установлению неформальных отношений в коллективе. Бывает и так, что люди, которые умеют найти ко всем коллегам нужный подход, ценятся выше, чем профессиональные работники.

Если во Франции разговоры на посторонние темы на рабочем месте по-рицаются, то в России такие разговоры вести можно, хотя это зависит от фирмы и ее руководителя. Русские любят вести разговоры на личные темы, рассказывать о своих проблемах, надеясь на моральную поддержку коллег. В русском коммуникативном поведении особую роль играет сердечность в отношениях, это очень ценится.

У французов слабо выражена импульсивность поведения, всегда присутствует *ratio*. Выражения типа «эх, была не была», «в омут с головой», «будь, что будет», которые так ярко характеризуют русский менталитет, французам просто не понятны. Француз не будет ничего делать, если он не уверен в конечном результате. Все должно быть продумано, просчитано. Француз не будет действовать «на авось», так как это неразумно. Для рус-ских чужда такая осторожность, граничащая с нерасторопностью. Нам необ-ходимо начать дело, а уж конечный результат будет виден в процессе работы. Как правило, получается не хуже, чем у французов с их расчетливостью.

Иногда осторожность французов может быть откровенно обидной для русских, поскольку француз не способен на «безумные поступки». Даже в личных отношениях с противоположным полом всегда присутствует ра-зум. Француз редко будет делать подарки просто так. Он не отдаст по-следние деньги на цветы для любимой, не напишет под окнами на асфаль-те нежные слова. Французы редко дарят цветы и не отличаются предупре-дительными манерами по отношению к женщине. Русских женщин всегда шокирует, когда французский мужчина первым входит в дверь, не подает руки, предлагает разделить на двоих оплату счета в ресторане. Русские в этом отношении могут показаться бесшабашными, но именно такие безумные по-ступки привлекают к русским мужчинам женщин всех стран мира.

Французы много улыбаются. Возможно, сказывается влияние американ-ской культуры, где улыбки является синонимом благополучия. В Европе вообще много улыбаются незнакомцам. Это проявление вежливости, от-сутствие агрессии. Если вы кого-то случайно задели, толкнули, никто не будет проявлять видимого недовольства. Все недоразумения решаются с улыбкой на губах.

В России неоднозначное отношение к улыбке. Профессор И.А. Стернин в своей работе «Улыбка в русском коммуникативном поведении» задает вопрос: «Почему русские мало улыбаются? Этот вопрос мы часто слышим от наших иностранных коллег, и это вопрос абсолютно справедливый. Русские действительно значительно меньше улыбаются, чем большинство народов Запада и Востока». Далее он приводит ряд причин, по которым русские считаются мало улыбчивой нацией (Стернин 2000). Мы считаем, что в первую очередь стоит отметить то, что в русском общении не принято улыбаться незнакомым, что характерно для западной культуры. Однако если русский видит своего знакомого, то улыбка будет широкой и, что немаловажно, искренней. Именно искренность улыбки отличает нашу культуру от западной – пусть мы не улыбаемся незнакомцам, зато наша улыбка знакомым идет от сердца, а это ценится гораздо выше.

Таким образом, доминирующими чертами русского и французского коммуникативного поведения (КП) являются, на наш взгляд, следующие: соборность – присуща русскому, но не присуща французскому КП; проявление у французов уважения к окружающим в общественных местах, у русских эта черта мало выражена; отсутствие у французов душевности в социальных отношениях, что присуще русскому КП; слабо выраженная импульсивность поведения у французов и, напротив, готовность русского на «безумные» поступки; вежливая улыбка французов и искренняя улыбка русских.

Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Туапсе, 2001. – 252 с.

Стернин, И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И.А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – С. 53-61.

Прохоров Ю.Е. Русские. Коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Москва: Флинта-Наука, 2006. – 326 с.

<http://www.rhetor.ru/node/24>

http://www.russcomm.ru/rca_biblio/s/sablina.shtml

Н.А. Неровная

Концепт «терпимость» в русском языке и «толерантность» в русском и английском языках

(на основе анализа информационно-экспликативных текстов)

На первом этапе для установления языковых средств объективации концепта **толерантность** в русском языке нами был произведен анализ употребления этого слова в различных информационно-экспликативных текстах (проанализированы словарные статьи в 13 толковых словарях русского языка и 5 энциклопедиях). Информационно-экспликативные тексты,

т.е. словарные статьи в толковых словарях, энциклопедиях и справочниках позволяют получить основную информацию о содержании концепта.

Всего в результате исследования было выделено 273 объективации изучаемого концепта в источниках на русском языке. Далее представлены когнитивные признаки (общим количеством 45), выделенные при когнитивной интерпретации объективаций концепта в экспликативных текстах. Рядом с когнитивным признаком указано количество зафиксированных объективаций, в скобках указан индекс яркости когнитивного признака, который вычислялся как отношение количества объективаций, входящих в данный когнитивный признак, к общему количеству объективаций в информационно-экспликативных текстах:

Снисходительность, мягкость по отношению к другому 45 (0,16), понимание многообразия форм самовыражения 27 (0,10), отсутствие иммунной реакции 27 (0,10), принятие многообразия форм самовыражения 22 (0,10), проявляется в коммуникативных умениях и навыках 15 (0,10), проявляется в умении адаптироваться 11 (0,04), признание многообразия форм самовыражения 9 (0,03), реализуется при наличии плорализма 9 (0,03), заключается в непроявлении эмоций 9 (0,03), проявление нравственности 8 (0,03), проявляется в снисходительности к другим религиям 7 (0,03), имеет ограничения 6 (0,02), имеет значение при пересадке органов 6 (0,02), проявляется в анализе 6 (0,02), может отвергаться 6 (0,02), готовность мирно сосуществовать с другим 5 (0,02), проявляется по отношению к другому 4 (0,02), проявляется по отношению к чужому 4 (0,02), является достижением 4 (0,02), проявляется в безразличии 4 (0,02), почтительное отношение 3 (0,01), проявление открытости 3 (0,01), может нарушаться 3 (0,01), отсутствие надоедливости 3 (0,01), может быть ненатуральная 3 (0,01), способность стойко и безропотно переносить что-л. 3 (0,01), соблюдение политических прав человека 2 (0,01), соблюдение политических свобод человека 2 (0,01), может быть натуральная 2 (0,01), свойственна маленьkim детям 2 (0,01), является идеальным принципом 2 (0,01), проявляется в нетерпимости 2 (0,01), есть в США 1 (0,01) (установлена в Америке 1), есть в Англии 1 (0,01), обусловлена наличием демократии 1 (0,01), отсутствие предвзятости 1 (0,01), дружественное отношение 1 (0,01), имеет предпосылки в животном мире 1 (0,01), редко встречается 1 (0,01), не имеет прямого перевода 1 (0,01), может отсутствовать 1 (0,01).

Таким образом, наиболее актуальным признаком концепта *толерантность* в русском языке по данным толковых словарей является *снисходительность, мягкость по отношению к другому*. Такие признаки, как *может нарушаться, отсутствие надоедливости, может быть ненатуральная* и др. являются наименее актуальными.

При анализе толковых словарей английского языка было выделено 536 объективаций концепта *tolerance* и проведена когнитивная интерпретация, в результате которой было получено 36 когнитивных признаков:

Способность стойко и безропотно переносить что-л. – endurance 146 (0,30), допущение многообразия форм самовыражения – allowance of diversity of self-expression 44 (0,10), допущение отклонений от стандарта – allowable deviation from standard 44 (0,10), почтительное отношение – respect for diversity 35 (0,10), отсутствие предвзятости – absence of preconception towards diversity 32 (0,10), признание многообразия форм самовыражения – recognizing the diversity of self-expression 32 (0,10), отсутствие иммунной реакции – the lack of immune response 32 (0,10), принятие многообразия форм самовыражения – acceptance of diversity of self-expression 22 (0,04), проявляется в свободе – allowance of freedom 20 (0,03), сопротивление чему-л. негативному – resistance to

something negative 17 (0,03), способность не поддаваться медицинскому воздействию – ability to remain unaffected with medicals 14 (0,03), интерес к многообразию – interest in diversity 12 (0,02), снисходительность, мягкость по отношению к другому – the act of tolerating something 12 (0,02), способность выживать – ability to survive 9 (0,02), положительное отношение к многообразию – positive regard for difference – 8 (0,01), либеральное отношение к многообразию – liberal attitude to diversity 6 (0,01), смирение с чем-л. неприятным – putting up with something unpleasant 5 (0,01), проявляется как ментальное состояние – a complex mental state 5 (0,01), отказ от вмешательства в личную жизнь – non-interference 5 (0,01), склонность не обращать внимание на противоположность – an inclination to overlook opposition 4 (0,01), понимание многообразия форм самовыражения – understanding the diversity of self-expression 3 (0,01), проявляется в коммуникативных умениях и навыках – is expressed in communication skills 3 (0,01), является термином – it is a term 3 (0,01), максимально допустимое количество пестицидов в пище – the maximum amount of pesticide allowed in food 3 (0,01), свобода от фанатизма – freedom from bigotry 3 (0,01), проявление доброты – is expressed in kindness 3 (0,01), отсутствие догматичности – an undogmatic viewpoint 3 (0,01), может отсутствовать – a zero tolerance 2 (0,01), запрещение дискриминации – prohibition of discrimination 2 (0,01), способность соглашаться с кем-л. – ability to agree with smb. 1 (0,01), выражается в цивилизованности – is expressed in civility 1 (0,01), выражается в плюрализме – is expressed in pluralism 1 (0,01), проявление нравственности – a virtue 1 (0,01), склонность уступать желаниям кого-л. – a disposition to yield to the wishes of someone 1 (0,01), склонность ценить прогресс – an inclination to favor progress 1 (0,01), отсутствие интереса – disinterest 1 (0,01).

Из вышесказанного следует, что наиболее актуальными когнитивными признаками для английского языкового сознания, по данным толковых словарей английского языка, являются *способность стойко и безропотно переносить что-л., допущение многообразия форм самовыражения, допущение отклонений от стандарта*. Такие признаки, как *либеральное отношение к многообразию, положительное отношение к многообразию, смирение с чем-л. неприятным* и др., являются наименее актуальными.

При анализе толковых словарей русского языка с целью изучения концепта **терпимость** было выделено 142 объективации признаков данного концепта и проведена когнитивная интерпретация материала, в результате которой было получено 39 когнитивных признаков:

Способность стойко и безропотно переносить что-л. 22 (0,15), невраждебность 20 (0,13), проявляется по отношению к негативным явлениям действительности 11 (0,10), снисходительность, мягкость по отношению к другому 10 (0,10), проявляется в сфере политики 10 (0,10), проявляется в сфере религии 7 (0,10), может быть потеряна 5 (0,03), является термином 4 (0,03), распространяется в обществе 4 (0,03), ею можно запастись 3 (0,02), выражается в способности ждать 3 (0,02), общая оценка 3 (0,02), проявление жертвенности 3 (0,02), имеет границы 3 (0,02), заключается в непроявлении эмоций 3 (0,02), применяется для описания поведения 2 (0,01), подразумевает способность проведения каких-л. санкций 2 (0,01), проявляется по отношению к другим религиям 2 (0,01), применяется для обоснования многообразия 2 (0,01), проявление культуры 2 (0,01), бывает в недостаточном количестве 2 (0,01), представляет собой толерантность 2 (0,01), чаша терпения 1 (0,01), допустимость проституции 1 (0,01), имеет негативное проявление 1 (0,01), основывается на консенсусе 1 (0,01), проявление нравственности 1 (0,01), отмечается международным праздником 1 (0,01), может не приниматься 1 (0,01), может приниматься 1 (0,01), отсутствие иммунной реакции 1 (0,01), есть во Франции 1 (0,01), есть в России 1 (0,01), есть в развитых странах 1 (0,01), представляется собой дипломатичность 1 (0,01), является результатом чего-л. негативного 1 (0,01), приводит

к положительному результату 1 (0,01), допустимое количество примесей в сплаве 1 (0,01), проявление умственной и духовной зрелости 1 (0,01).

Таким образом, можно сделать вывод, что когнитивный признак способность стойко и безропотно переносить что-л. является наиболее актуальным признаком концепта ***терпимость*** в русском языке, согласно толковым словарям, а такие признаки, как *имеет негативное проявление, основывается на консенсусе, проявление нравственности* и др., являются наименее актуальными.

Результаты анализа информационно-экспликативных текстов позволяют сделать вывод о существенных различиях в содержании исследуемых концептов.

С.В. Павлова

Безэквивалентные единицы в ЛСГ «Наименования

мероприятий развлекательного характера»

(на материале наименований вечеринок в английском и русском языках)

Безэквивалентность – отсутствие эквивалента лексической единицы в определенном значении в словарном составе одного языка по отношению к другому. Единица одного языка, представленная лакуной в другом языке, определяется как **безэквивалентная**. Другой термин – **эндемичная** единица (от биол. **эндемичный** – «произрастающий, имеющий распространение только в данной местности») (Стернин 2006, с. 26).

Безэквивалентные единицы выделяются при сопоставлении конкретных языков. «О безэквивалентной лексике какого-либо языка можно говорить только по отношению этого языка к какому-нибудь другому или другим языкам. То, что в языке X является безэквивалентным по отношению к языку Y, может не быть безэквивалентным по отношению к языку Z. Например, русское *дружинник* безэквивалентно по отношению к английскому языку, но не по отношению к литовскому языку, где есть адекватный эквивалент *draugovininkas*» (Гудовичус 1985, с. 65).

В нашем исследовании исходным языком является английский, а языком сопоставления русский. Так, в ходе контрастивного анализа безэквивалентные единицы можно обнаружить только в английском языке.

В результате проведенного анализа английских и русских лексем, относящихся к лексико-семантической группе «мероприятия развлекательного характера», всего было выявлено 35 безэквивалентных английских единиц. По тематическим группам они распределились следующим образом:

1) наименования, называющие общее понятие *мероприятие развлекательного характера* (наименования получения удовольствия от времязпровождения): *ball* 2 «кутёж», *pow-wow*, *jol*, *jolly*;

2) наименования мероприятий группового отдыха с развлечением и застольем: *cocktail* 2 «предобеденный приём гостей», *wedding party*;

- 3) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку употребления алкогольных напитков: *adult's party, drinks party*;
- 4) наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых на открытом воздухе: *garden party, outdoor party, beach party, bush party, field party, block party, street party*;
- 5) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку пола (только для лиц женского пола): *bridal shower, wedding shower, shower, shower party, nuptial-eve*;
- 6) наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых в вечернее время: *dinner dance*;
- 7) наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых с целью ночлега: *pyjama party, sleepover, slumber party*;
- 8) наименования мероприятий развлекательного характера, включающих танцы и песни: *song-fest, dorm party*;
- 9) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия различных костюмов и масок: *fancy-dress party, costume party, black-tie party*;
- 10) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (составших из нескольких блюд): *fellowship banquet*;
- 11) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (легкой закуски): *child's party*;
- 12) наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (в складчину): *potluck supper*;
- 13) наименования мероприятий развлекательного характера, организованных в честь кого-то: *surprise party, prom, engagement party*.

Был вычислен индекс безэквивалентности английских наименований мероприятий развлекательного характера как количество безэквивалентных семем в отношении ко всему количеству английских семем группы:

Наименование подгрупп	Индекс безэквивалентности
Наименования, называющие общее понятие мероприятие развлекательного характера (14 семем)	0,28
Наименования мероприятий группового отдыха с развлечением и застольем (7 семем)	0,28
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку употребления алкогольных напитков (25 семем)	0,08
Наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых на открытом воздухе (10 семем)	0,70
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку пола (только для лиц мужского пола) (4 семемы)	0
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку пола (только для лиц женского пола) (7 семем)	0,70

Наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых в вечернее время (8 семем)	0,12
Наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых с целью ночлега (3 семемы)	1,00
Наименования мероприятий развлекательного характера, включающих танцы и песни (9 семем)	0,22
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия различных костюмов и масок (7 семем)	0,10
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (состоящих из нескольких блюд) (5 семем)	0,20
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (легкой закуски) (1 семема)	1,00
Наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (в складчину) (2 семемы)	0,10
Наименования мероприятий развлекательного характера, организованных в честь кого-то (6 семем)	0,10
Наименования мероприятий развлекательного характера, включающих танцы (10 семем)	0

Был вычислен средний индекс безэквивалентности всей лексической группировки *наименований мероприятий развлекательного характера* в целом, который составил величину 0,32.

Наибольшее количество безэквивалентных единиц было выявлено в группах *наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых на открытом воздухе* и *наименования мероприятий развлекательного характера по признаку пола (только для лиц женского пола)*.

Наименьшее количество безэквивалентных единиц было зафиксировано в группах: *наименования мероприятий группового отдыха с развлечением и застольем*; *наименования мероприятий развлекательного характера, проводимых в вечернее время*; *наименования мероприятий развлекательного характера, включающих танцы и песни*; *наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (легкой закуски)*, а также *наименования мероприятий развлекательного характера по признаку наличия угощения (в складчину)*.

Гудавичус, А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков / А. Гудавичус. – Вильнюс, 1985.

Стернин, И. А. Контрастивная лексикология / И.А. Стернин. – Воронеж, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Анисимова И.Н. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
- Атланова Е.О. – старший преподаватель ВОИПКРО
- Баталова Ю.В. – студентка 5 курса историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института
- Борисова Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института
- Брулёва Ф.Г. – кандидат педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая
- Вахтель Н.М. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета
- Верховых Л.Н. – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Вовк Е.В. – специалист по учебно-методической работе Борисоглебского государственного педагогического института
- Воронова Т.А. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Выборных Е.В. – студент 5 курса историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института
- Голованева М.А. – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета
- Головина Л.С. – ассистент кафедры теории и методики гуманитарного образования Псковского государственного педагогического университета
- Захарова Е.А. – ассистент кафедры русского языка как иностранно-

го, аспирант Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

- Зацепина Е.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Иванова Н.М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Киселева Г.В. – доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Колесникова В.В. – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и спорта Кубанского государственного технологического университета
- Коннова М.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российского государственного университета им. И. Канта
- Конопелько И.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Воронежского государственного педагогического университета
- Кончакова Е.В. – кандидат филологических наук, сотрудник кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета
- Котык Р.А. – студент 5 курса историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института
- Куренкова Т.Н. – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков технических специальностей Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетнева
- Литвинова М.М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета
- Мелентьева Ю.О. – магистрант Воронежского государственного университета

- Мельников
(Давыдов) П.И. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Михайлова Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков УО «Белорусская государственная академия музыки»
- Михайлова Т.В. – аспирантка Воронежского государственного университета
- Михова Ю.В. – ассистент кафедры теории и методики гуманитарного образования, аспирант Псковского государственного педагогического университета
- Неровная Н.А. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов Воронежского государственного университета
- Павлова С.В. – преподаватель английского языка Воронежской государственной технологической академии, соисполнитель Воронежского государственного университета
- Павлова Т.Н. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
- Полубоярин С.В. – аспирант кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета
- Прокопенко Е.А. – студентка 5 курса историко-филологического факультета Борисоглебского государственного педагогического института
- Пророкина Е.А. – зам. директора по учебно-воспитательной работе МОУ «Основная общеобразовательная Курская школа»
- Сердюк М.А. – кандидат филологических наук, доцент, первый проректор Борисоглебского государственного педагогического института
- Смирнова О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Стернин И.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

- Сычева О.А. – преподаватель Воронежского экономико-правового института
- Тимошина Т.В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и методики преподавания русского языка Воронежского государственного педагогического университета
- Ускова О.В. – диспетчер факультета, аспирант Псковского государственного педагогического университета
- Фоминых Н.В. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института
- Чан Динь Лам – доктор педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая
- Чан Тхи Нау – магистрант Российского государственного педагогического университета им. Герцена
- Чернышова Е.Б. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Борисоглебского государственного педагогического института
- Шаманова М.В. – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лексическая и фразеологическая семантика

Верховых Л.Н. (Борисоглебск) «Вкусные» фамилии	3
Котык Р.А., Смирнова О.В. (Борисоглебск) Отношения в лексико-семантической группе «Холодное оружие»	5
Михова Ю.В. (Псков) Устойчивые сравнения в двуязычном фразеологическом словаре	8
Прокопенко Е.А. (Борисоглебск) Цветонаименования в современном рекламном пространстве	10
Фоминых Н.В. (Борисоглебск) «Обидеть» и «победить» – си- нонимы?	12

Грамматическая семантика

Борисова Е.В. (Борисоглебск) Особенности отражения гипотетического бытия в русских дебитивных высказываниях (на материале публицистических текстов)	14
Захарова Е.А. (Чебоксары) О некоторых особенностях глагольного семантического словообразования в поэзии Р. Рождественского	19
Иванова Н.М. (Борисоглебск) О модальной семантике двусоставных предложений	22
Литвинова М.М. (Москва) Выражение интенсивности признака в области существительного (на материале ранних сатирических произведений М. Булгакова)	28
Павлова Т.Н. (Чебоксары) Об омонимичности суффикса <i>-ьцъ-</i> (<i>-ецъ-</i>) в древнерусском языке и его синонимичных отношениях с суффиксом <i>-инъ-</i>	35

Художественный текст: семантический и стилистический аспекты

Анисимова И.Н. (Чебоксары) Сравнения в составе пейзажных описаний новелл Ги де Мопассана	40
Воронова Т.А. (Воронеж) Индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в поэзии Арсения Тарковского	43
Зацепина Е.А. (Борисоглебск) Стилистические функции антропонимов в современной фэнтези	45

Кончакова Е.В. (Воронеж) Лексическое выражение исторического хронотопа в «Записках молодого человека» А.С. Пушкина	49
Куренкова Т.Н. (Красноярск) Структура ЛСП «Еда» и функции лексики с семантикой еды в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова	53
Пророкина Е.А. (Старый Оскол) Исконно долгие гласные в проекциях на поэтический текст А.С. Пушкина	58

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баталова Ю.В., Шаманова М.В. (Борисоглебск) Концепт <i>спор</i> в современной русской художественной литературе	63
Вахтель Н.М. (Воронеж) Семантико-когнитивные особенности современного коммуникативного процесса «автор – читатель»	66
Вовк Е.В. (Борисоглебск) Лексикографическая объективация концепта «идеальный собеседник»	72
Выборных Е.В. (Борисоглебск) Возрастная динамика концепта <i>Европа</i> (по данным свободного ассоциативного эксперимента)	73
Голованева М.А. (Астрахань) О когнитивных особенностях восприятия драмы читателем	76
Киселёва Г.В. (Борисоглебск) Макроструктура культурного концепта <i>Воронеж</i> (по данным свободного ассоциативного эксперимента)	79
Колесникова В.В. (Краснодар) Художественный концепт «душа» в языковой картине мира Б. Пастернака	84
Мелентьева Ю.О. (Воронеж) Лексикографическая объективация концепта «честь»	86
Мельников (Давыдов) П.И. (Борисоглебск) Кристаллизация концептов в русском языковом сознании XIX века	89
Михайлова Е.В. (Минск, Беларусь) Концепт «музыка» в русской поэзии первой половины XX века	91
Михайлова Т.В. (Воронеж) Фразеологическая и паремиологическая объективация концепта «катастрофа» в русском языке	96
Полубоярин С.В. (Воронеж) Репрезентативность ассоциативного эксперимента (на примере ономастического концепта <i>Петр I</i>)	98
Стернин И.А., Атланова Е.О. (Воронеж) Социальные и субъективные концепты	102
Сычева О.А. (Воронеж) Концепт <i>убеждать</i> в англоязычном языковом сознании	108
Тимошина Т.В. (Воронеж) Индивидуально-авторская концептосфера С. Довлатова и Д. Рубиной (концепт <i>деньги</i>)	110

Чан Тхи Нау (Вьетнам) Номинативное поле концепта «берёза» в русском языке	117
Чернышова Е.Б. (Борисоглебск) Метод графической объективации в исследовании концепта <i>школа</i>	119
Шаманова М.В. (Борисоглебск) Концепты <i>общение</i> и <i>коммуникация</i> в научном сознании	122

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Брулёва Ф.Г., Чан Динь Лам (Алматы, Казахстан) Пословицы на нравственную тему как вид русской афористики в лингвокультурологическом аспекте	128
Головина Л.С. (Псков) Культурная составляющая ономастикона и способы его комментирования в учебнике русского языка как иностранного	134
Сердюк М.А. (Борисоглебск) Традиционные культурные смыслы лексемы «дурак» (на материале русской народной волшебной сказки)	136
Ускова О.В. (Псков) Гендерно маркованные паремии и их динамика в лингвокультурологическом аспекте	141

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коннова М.Н. (Калининград) Аксиология дня как основы восприятия повседневности в русской и английской языковых картинах мира	144
Конопелько И.П. (Воронеж) Некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте	148
Неровная Н.А. (Воронеж) Концепт «терпимость» в русском языке и «толерантность» в русском и английском языках (на основе анализа информационно-экспликативных текстов)	151
Павлова С.В. (Воронеж) Безэквивалентные единицы в ЛСГ «Наименования мероприятий развлекательного характера» (на материале наименований вечеринок в английском и русском языках)	154
Сведения об авторах	157